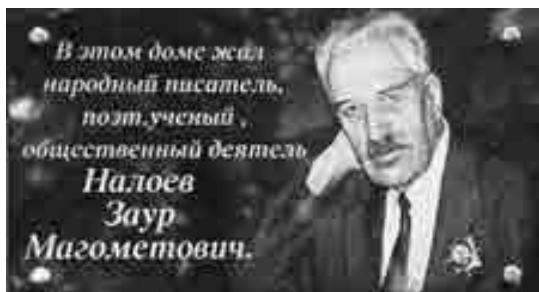

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

5. 2019

18 сентября 2019 года в Нальчике, на доме (ул. Горького, 15), где проживал ученый, писатель и общественный деятель Заур Налоев, открыта мемориальная доска.

Выступившие на открытии ученые, писатели и общественные деятели отметили огромный вклад З. М. Налоева в изучение адыгской национальной культуры, в развитие литературы, и рассказали о его участии в политической жизни республики.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

5. 2019 СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

«Я ЧЕЛОВЕК. МОЯ ДУША ГОРДА.
МОЯ ДУША БЕССИЛЬНА И ВСЕВЛАСТНА...»
К 85-летию З. М. Тхагазитова

23 сентября 1934 года родился народный поэт Кабардино-Балкарии Зубер Мухамедович Тхагазитов – человек, чей поэтический дар бесспорен для всех, а творческая биография уникальна. При этом его путь в национальную литературу, на первый взгляд, вполне обычен для писателя: филологическое образование, работа в газетах республики, переход на «чистую» литературную деятельность; должности главного редактора журнала «Ошхамахо», секретаря, а затем – председателя Кабардино-Балкарского Союза писателей КБАССР. Его стихи переведены на десятки языков, их уровень никогда не подвергался сомнению. Однако только сейчас, когда мы, после всех социальных катаклизмов последних тридцати с лишним лет, оказались в абсолютно новой культурной и информационной среде, стало возможным осмыслить роль и значение Зубера Тхагазитова в общей эволюционной картине национальной поэзии.

Он принадлежит к третьему поколению кабардинских советских авторов и, стоя на плечах своих предшественников – в том числе и таких масштабных художников, как Али Шогенцуков и Алим Кешоков, – должен был продолжить эстетическую реабилитацию национальных форм поэтического мышления. Но особенностью этого этапа стал тот факт, что Зубер Тхагазитов оказался единственным поэтом, обратившимся к развитию не только и не столько этнических представлений, сколько к интегративным моделям отражения окружающего мира. К тем структурам, которые были одинаково органичны как для кабардинского восприятия, так и для насковозь идеологизированной культуры Советского Союза. Если Алим Кешоков сумел продемонстрировать читателю сам факт существования кабардинского поэтического мира, то у Зубера Тхагазитова получилось доказать совместимость последнего с системой

эстетики политического и идеологического планов. Он стал первым автором, не просто лояльным к государству и его установкам, но первым, впитавшим и освоившим их на интуитивном уровне. Первым истинно советским кабардинским поэтом.

И последним. Все его собратья по перу – хорошо это или плохо, строили здание сугубо национальной поэзии, иногда, в качестве реверанса государству, обращаясь к «гражданской» лирике, в большинстве случаев напрочь лишённой этнического начала. В свете философских, нравственных трендов, ставших модными в последние годы, стремление Зубера Тхагазитова к объединению двух систем мироощущения выглядит, быть может, и архаично. Но он – именно тот, кто сумел в узких границах допустимой в СССР эстетики найти единственный возможный выход из прекрасного, но во многом замкнутого мира этнического поэтического отражения на уровне интегративных рефлексивных структур. Он – их фактический создатель, без которого, быть может, кабардинская поэзия наших дней оставалась бы яркой, но статичной и не более чем экзотической областью в общем потоке российской литературы.

Поэт Кабардино-Балкарии Зубер Тхагазитов разнообразен по темам. Он пишет песню о родной земле, о своих земляках, о природе. В его строках живет народная мудрость, точность, живописность. Его шуточные стихотворения – это часто штриховые рисунки...

Николай Тихонов

Тепло принят читателями сборник Зубера Тхагазитова «Эхо весны». Раздумья о повседневной жизни, быте, чувствах современника определяют его основную тональность. Круг тем и мотивов книги довольно широк. Здесь и стихи – раздумья о живых корнях дружбы между народами, и восхищение беззаветными подвигами скромных советских людей, и горячая эмоциональная проповедь мира, и вера в счастье бытия, и ощущение красоты человека и природы, и задушевное объяснение в любви к людям вместе с пониманием своего гражданского долга служить им...

Алим Кешоков

Эти строки я пишу с удовольствием. Молодой поэт, к которому они обращены, дорог мне. Прежде всего, он талантлив. Это главное. Он скромен и сдержан в повседневности и в стихах. В нем нет развязности иных молодых стихотворцев. В нем развито чувство новизны, тяга к лучшим образцам. А это, по-моему, и есть признак даровитости.

Кайсын Кулиев

Зубер – поэт талантливый и большой. Вот почему и в интимнейших своих стихах он остается естественным и трогательно целомудренным... Поэзию создают чистые души, открытые и прозрачные. Глубокий, зеркально ясный лиризм Зубера, щедрый эмоциональный поток его стихов – явление принципиальное и отрадное в сегодняшней поэзии Кабардино-Балкарии.

Мусарби Сокуров

Тхагазитов идет к творческой зрелости верным путем. Он не спешит зарифмовать поверхностные впечатления бытия. Он мужественно гонит от себя все возможные штампы и банальности. Он вырабатывает в себе строгое взыскательное отношение к слову, а свою причастность к высокому труду, который именуется писательским, понимает, как счастье, требующее каждодневного подвига.

Михаил Киреев

У Зубера Тхагазитова свое видение мира. Поэт не рассуждает о природных и общественных явлениях, а в художественных образах показывает их нам, и мы начинаем смотреть на них его глазами. Этого он добивается благодаря умелому пользованию изобразительными средствами, употребляя только те слова, которые нужны для создания образа.

Камиль Султанов

Открытость, стремление идти к людям, нести им свет, тепло и любовь, по-моему, главная черта поэзии Зубера Тхагазитова.

Валентин Кузьмин

Зубер свою привязанность к родному очагу не превращает в ограниченность, замкнутость, а напротив, обращается к темам и мотивам широкого звучания. Позиция поэта, привлекательная светлой мужественностью, душевной чистотой и убежденностью, получает особую прочность, оказывается жизнеустойчивой, уходящей в почву действительности многими корнями.

Иосиф Гринберг

ЛИЦО ЗЕМЛИ

Может, ветер мятежное свойство
Даровал мне? Покоя нет...
Беспокойство мое, беспокойство,
Ты со мной родилось на свет.

Нет покоя ни днем, ни ночью,
Ни в работе нет, ни в любви.
Слышу, слышу, как ты грохочешь
Неустанно в моей крови.

Пусть с тобой приходится круто...
Знаю: ты даровано мне,
Чтобы жил я светло и трудно,
Не напрасно жил на земле.

МАТЬ И ДОЧЬ

Мать дочери тихонько гладит руку,
А та больна, дни жизни сочтены...
Но обе улыбаются друг другу,
И горя не видать со стороны.

И обе в ожиданье горькой доли
Стараются в глазах слезинки скрыть,
Все с той же думой – чтобы большей боли
Друг другу невзначай не причинить.

ЛЕРМОНТОВ

I

Звезда, что над тобой в ночи светила,
Опять с другой звездой говорит...
И пуля, что тогда тебя сразила,
Сквозь время до сих пор еще летит.

Как и тогда, она остра, быстра
И каждый день мишень себе находит:
И каменное сердце вновь обходит,
Бьет в то, что распахнулось для добра.

И зло вершит она неукоснимо,
Нет для нее иного ничего.
Быть может, нуля не минует сына,
А позже – ранит внука моего...

II

Обычай горцев: для врага – огонь,
Для друга – и улыбка, и радушие.
В подарок дорогому гостю – конь
И доброе чеканное оружие.

В пределы наши Лермонтов вступил,
Неся слова из яростного света,
И мой народ поэту подарил,
Как скакуна, седой Эльбрус за это.

...Седло горы укрыли облака,
Век отшумел, и вот другой проходит.
Ждет молча Ошхамахо седока.
А он все не приходит. Не приходит...

Откуда знать о седоке ему?
Все кажется: в ауле ближнем где-то
Стихи читает горцам, потому
И нет пока мятежного поэта.

И кто б из гегуако¹ ни хотел
Вскочить рывком в его седло крутое,
Скакун неукротим, горяч и смел,
И верен седоку! Седло – пустое...

Домчался горный ветер до меня,
С вершины Ошхамахо он, оттуда...
И слышится мне ржание коня,
И снова вижу солнечное чудо:

¹ Г е г у а к о – певец-рапсод.

Вот Лермонтов вернулся, юн и лих,
Скакун его уносит к горцам в гости...
А для врагов готов железный стих,
Облитый горечью и злостью.

ДОМ ПОЭТА

Кайсыну Кулиеву

I

Я помню дом и окна в сад.
На книге – хлебный колос...
И, как Чегемский водопад,
Звучал поэта голос.

Он то печалью клокотал,
И боль в него вплеталась...
Пол подо мною пропадал,
И пропасть раскрывалась.

А то, как радужный поток,
Ликуя, славил жизнь –
И исчезал вдруг потолок,
Сняла неба высь.

II

Стою в ущелье, где поток
Стремителен и зыбок.
Здесь небо – синий потолок,
Пол – каменные глыбы.

Здесь брызг стремительный каскад,
Боренье мглы и света.
Поёт Чегемский водопад
Мне голосом поэта.

Гляжу я в пропасть... Как глубок
Порыв твой, о природа!..
И вспоминаю горечь строк
О тяготах народа.

А на вершины вдруг взгляну,
Что реют в ливне света,
Как будто сердцем зачерпну
Я радости поэта.

Поет стремительный поток,
Застыл я удивленно:
Исчезли пол и потолок...
И синева бездонна.

МИЛОСЕРДИЕ ЗЕМЛИ

Без земли нет счастья никому...
Людам до конца ее любить.
Ну а кровь их льется потому,
Что не могут землю разделить.

Пусть она не в силах одарить
Поровну собою всех людей,
– Каждому отмерит в смертный час
По два метра от своих полей...

Без земли нет счастья никому,
Людам до конца её любить.
Ну а кровь их льется потому.
Что не могут землю разделить.

ЛЮБОВЬ МОЯ ЖИВЕТ В ГОРАХ ВЫСОКИХ...

Любовь моя живет в горах высоких...
А я – в ущелье, далеко внизу.
Бьют сверху солнца ярого потоки,
Глаза туда – и то не вознесу...

Любовь моя живет в горах высоких...
Карабкаюсь, сбивая пальцы в кровь,
Не победить мне скалы и отроги,
И я бессильно отступаю вновь.

Любовь моя живет в горах высоких...
И сердце – как Полярная звезда.

Пока к вершинам не пробью дороги,
Оно не потеплеет никогда.

Любовь моя живет в горах высоких...
Что было бы, коль крылья вдруг обрел?
К ней полетел бы, как летают боги,
Или упал, как раненый орел?

Любовь моя живет в горах высоких...
И если бы взметнули к ней крыла,
Она, решив, что миновали сроки,
Вниз от меня – в ущелье бы ушла.

Свою любовь вовек не отыщу я
И не коснусь высокого огня...
Когда умру – лишь об одном прошу я:
Лицом к горам похоронить меня.

Как радость покидает нас легко.
Она – пушинка, смытая рекою.
А горе – камнем на душу легло,
И долго-долго не дает покоя...

Твоей души с моей не породнить...
Прости за все плохое, если было,
А о хорошем – что же говорить,
Когда его так быстро ты забыла.

ТРИ ПЕСНИ

Мне волосы легко перебирая,
Мать улыбалась, как заря в окне,
И пел я песню, сердцем замирая,
И ждал любовь, что только шла ко мне.

Потом я помню радостные лица,
Внимали люди, позабыв дела:
Я в звонкой песне прославлял, как птица,
Любовь, что столько счастья принесла.

Ночь распростерта над землей уснувшей.
Безмолвие. Луна глядит в окно.
Печалюсь, песню о любви минувшей
Я так пою, чтоб не слышал никто...

ТЕНИ НА ЗЕМЛЕ

Земля, ты одинаково смогла
Принять на грудь распластанные тени
И ворона, и гордого орла –
Коварство и высокое паренье!

Так почему под крыльями орла
Ты розами не расцветешь живыми?
И почему под черной тенью зла
Колочками не вскинешься своими?!

Переводы Г. Серебрякова

ПОЛНОЧЬ

Поворчав, улеглись и утихли собаки.
И не скоро еще запоют петухи.
Огоньки, померцав, растворились во мраке.
Только мельница мирно жужжит у реки.

Да лягушки вопят за селом иступленно –
Закатали концерт свой для звезд и луны.
В лад им трактор стрекочет на травке зеленой,
Помогая веселой работе весны.

И колхозному сторожу тоже не спится.
Смотрит зорко и чутко старик в темноту,
Как боец молодой, что на дальней границе
Этой темною ночью стоит на посту.

Ты – мой ветер.
Когда на поляне весною
Ветер в губы дохнет тишиною лесною,
Так неслышно, что даже не дрогнут листья,
Это ты.

Ты – как дерево.
Если спасаюсь от зноя
Под густыми ветвями с листвою резною,
У ствола удивительной высоты, –
Это ты.

Ты очаг.
Если вдруг я к дорогам остыну,
Мне очаг обогреет усталую спину.
Он, мой друг неподкупный, огонь доброты –
Это ты.

Ты и мой Ошхамахо.
Когда я, бывало,
Любовался родною землей с перевала.
Понимал я: душа самой смелой мечты –
Это ты.

Ты мне – солнце.
Ты знаешь, и даже ночами
Мне светло, как под солнечными лучами.
Если черною полночью нет темноты, –
Это ты.

Мой туман, –
Я и это сказать тебе должен:
Если взгляд твой туманен, печален, тревожен,
Мой туман, поглотивший надежды цветы, –
Это ты.

Моя песня, –
Ведь все, что пою, дорогая,
Подарила мне ты, от других сберегая.
Моя песня, чьи звуки честны и чисты, –
Это ты.

Мой итог, –
Ты пойми, не понять ты не можешь! –
Только ты,
Только ты мою жизнь подытожишь.
Все, чем жил я, чем был, – эти вещи просты –
Это ты.

Неужели на землю и вправду приходят
те, кому без ошибок прожить повезло?
...Мое сердце горело, и чувств половодье
меня – Тереком бурным – куда-то несло.

И крутила нещадно меня, и вертела,
и на дно, как воронка, тянула судьба.
И оплакивал я, одинок без предела,
искаженный, расплывшийся мир и себя.

Только сердце не стало мудрее хоть малость,
безрассудно в нем жажда любви говорит!
Так вот бабочка, хоть и не раз обжигалась,
все же тянется к лампе, пока не сгорит.

ЖИЗНЬ

Радость, как журавли, тонет в дальних потемках.
Справедливой когда-нибудь станешь ты, жизнь?
Раны выстрелов прошлых болят и в потомках.
Горе вороном черным кружит и кружит...

Мы извечно себя сожаленьем тревожим:
На тот свет унести ничего мы не можем!
Но один лишь вопрос очень редко мы ставим:
Уходя, что мы этому миру оставим?..

ЛЮБОВЬ

Болела мать, и, полный страха,
мой опечаленный отец
лишь об одном молил Аллаха:
«Пошли мне первому конец!»

И вышло так, что первым принял
он жребий рокового дня.
Мать убивается доньне:
«Ах, ты счастливее меня!».

Я – человек. Моя душа горда.
Моя душа бессильна и всевластна.
Живет своим величием иногда,
клянет свое убожество всечасно.

Дано ей в неживое жизнь вдохнуть,
освоить к звездам путь непроходимый.
И все же ей подчас неведом путь,
сливающий два сердца воедино.

ЛЮБОВЬ И МОРЕ

Мне море говорит, меня не жалуя:
«Ты, человек, – всего песчинка жалкая!
Быть может, этим я тебя обижу,
но, знаешь, я почти тебя не вижу...»

Молчу... Но в сердце у меня гнездится
любовь. И слышу я ее басы:
«Чего шумишь? Гордиться – не годится!
Вот для меня ты, море, – так, водица, –
немногим больше капельки росы...»

Переводы Р. Казаковой

Уж, видно, так задумала природа
В тот, первый, день творенья своего,
Что хочет слушать человек кого-то
И хочет, чтобы слушали его.

...Для счастья вовсе не нужны нам клады.
Но искренне я пожелать хотел,
Чтобы имел рассказчика всегда ты
И слушателя верного имел.

ПАХАРЬ

Сколько раз происходило это,
Сколько раз произойдет в веках:
Пахарь на поля идет до света
С солнцем новорожденным в руках!

Проводив с поклоном день вчерашний,
Пахарь, точно зная, чей черед,
Солнце – небу, зерна – черной пашне
Щедрую рукою отдает.

«Борозда – ребро нагого поля» –
Так поэт однажды написал.
Поле – добровольная неволя
Тех, кто это поле создал сам.

Пахарь всех оценит по заслугам,
По тому, кто с чем к нему придет:
Если с плугом, – значит, станет другом,
А с мечом – с лица земли сотрет!

ХУДОЖНИК НА БЕРЕГУ МОРЯ

В лицо горам дышало море
прерывисто и горячо...
Нас было в этом мире трое.
С этюдником через плечо
возник еще одной вершиной
художник вдруг передо мной.
Он замер, но казался Шивой,
когда взлетала над волной
большая кисть – мазок прибоя,
чтобы застыть на полотне.
И море было голубое
от синих глаз его вдвойне.
Ты смел, художник, я не спорю,
я преклоняюсь пред тобой:
ты жизнь вторую даришь морю,
крадя у вечности прибояй.
И горы возникают гордо
из синевы и серебра...

Собрат великий твой – природа
их для тебя и создала.
Стихия словно стала шире,
навек плененная тобой.
...Я ухожу; их трое в мире –
художник, горы и прибор.

ТЕРЕК

Терек! От тебя мне никуда не деться.
Сколько спел ты колыбельных песен мне?
Над тобой сидит мое босое детство
с облепиховой занозой в ступне.
Окликаю я его – оно не слышит...
Рядом с ним на круче, вижу я,
так же все еще с волнением дышит
молодость влюбленная моя.
Я уже не мальчик, не подросток,
но пока на многое горазд...
Час придет – и в руки прочный посох
старость мне заботливо подаст.
И тогда, как нынче, подойду я
к берегу, где плещется вода,
слушать песню вечно молодую,
ту, что, Терек, ты поешь всегда.
Там останусь, рядом с детством где-то,
первую припоминая грусть...
И опять, я точно знаю это,
завтрашний, себя не дозовусь.
Сколько лет мне жизнь моя отмерит?
Но, до капли выпив бытие,
снова я к тебе приду, мой Терек,
ты и есть бессмертие мое!

Когда звезда летит к земле,
она сгорает слишком быстро.
Звездой подарена зиме,
не стала ли снежинкой искра?

Снежинки лягут на поля,
которым снятся сны о хлебе.

И станет черная земля
белей всех звезд на зимнем небе.

Весною талая вода
по жилам восходов заструится...
И вновь упавшая звезда
пшеничным колосом родится.

МАМА

Хотел о тебе написать я всегда.
С тех пор не одна миновала страница,
а все не выходит... Но эта беда
и с малой слезинкой твоей не сравнится.

Бываю порой всех счастливее я,
стихи набухают, как первые почки...
Но несравнима радость моя
с твоею, когда ты мне жаришь лепешки.

Вынашивал слов я немало в душе,
но как это втиснуть в короткую фразу:
я прожил полжизни на свете уже,
а спящей тебя я не видел ни разу?

С утра и до позднего вечера ты
умеешь занять свои руки делами...
И я отказался от дерзкой мечты
воспеть тебя, мама, своими словами.

На помощь великих поэтов призвал
и справился с трудной задачей в итоге:
как будто бы каждый из них написал
тебе свои самые лучшие строки.

СТАРЫЕ СТИХИ

Какие старые стихи я отыскал!
Как будто в прошлое случайно заглянул...
Я ощутил горячий их накал,
когда к ним нынче руку протянул.

...Любовь, как боль ожога, горяча,
взошла в мои шальные небеса:
взглянули на меня из-за плеча
с передней парты черные глаза.

Я до сих пор все вижу этот взгляд,
ничей другой не повторяет он...
Мои стихи любили всех подряд
лишь потому, что сам я был влюблен.

Они наивны, старые стихи.
Для счастья, всё ж, хватало их огня.
Как камешки на берегу реки,
чужие беды были для меня.

При лампе керосиновой писал
я этих строк восторженный черед.
Мне свет ее мигающий сказал:
«Пока пиши, а боль потом придет».

И я слова такие находил,
в которых радость пенилась вдвойне.
Не я тогда над Тереком бродил,
а это Терек клокотал во мне.

По компасу любви свой мир открыв,
я от друзей не отличал врага...
Смывали чувства все границы рифм,
как Терек при разливе – берега.

Пока хоть что-то людям я скажу,
казалось мне тогда, наверняка,
я все тетради мира испишу...
...На белый лист растерянно гляжу
из первых тех стихов, издавека.

Переводы И. Кашежевой

ОСОБЕННОСТИ КОЛОРИСТИКИ З. ТХАГАЗИТОВА В КОНТЕКСТЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В определении способов и механизмов визуального представления поэтического образа одной из фундаментальных проблем можно признать эволюционную хронологию формирования и бытования отражения в его осознаваемой эстетической форме¹. Художественное восприятие наиболее архаичных текстов – прерогатива современного человека, современного разума. Эпическое описание, эпический нарратив – в понимании классического литературоведения – отмечен подчёркнутым спокойствием, не знает эмоций и индифферентен в оценках героя, что зачастую приводят – в своих крайних формах – к полной независимости описания объекта от его положения в конкретной эпической ситуации² – так «хорош» Сосуко, коварно убивающий Тотреша.

Поэтому следует, по всей видимости, признать, что на определенном этапе развития народного словесного творчества визуальные элементы образного описания имеют характер безусловный, это так называемая «ретикальная» проекция³, известная человеку XXI века по песенному творчеству палеоазиатских народов. Соответственно, аксиологическая составляющая образа в целом отсутствует – объекты природы, её явления, как правило, нейтральны. В попытках отыскать те или иные эмоционально значимые компоненты эпических представлений, нам придётся обратиться к образцам словесного творчества, являющимся продуктам социального общества, причём не просто сословного, но того, в котором разделение на сословия уже требует идеологического обоснования.

Начальным видом социализации может считаться явление этнической самоидентификации, связанное с первичным формированием наций и народов, при этом эпическое представление героев служит идее национальной консолидации⁴ – представители «своего» этнического сообщества воплощают наилучшие внешние и внутренние черты, в роли «чужих» в лучшем случае выступают неопределённые племена – вроде «чинтов» в адыгском нартском эпосе – или даже негуманоидные чудовища, подобные адьяраям якутских сказаний.

Словесное представление проходит дальнейшую оценочную институализацию в постэпический период, и только в рамках сословного общества важнейшей образной характеристикой становится аксиологическая компонента. В границах процесса социализации эстетических воззрений происходит и процесс эмоционального насыщения визуально-сенсорных представлений; иначе говоря, в эпических, а тем более – в мифологических – текстах зримая деталь того или иного образа, физическое

качество того или иного объекта не несёт и не может нести оценочной нагрузки, вне этнических дефиниций, что вообще наталкивает на мысль о нефункциональности некоторых устойчивых структур, перешедших в эстетическое сознание из эпохи магического синкретизма⁵.

Понятно, что в первую очередь сказанное относится и к цветовым обозначениям – колоративы можно смело признать наиболее употребляемыми средствами визуализации образа⁶. Визуализация словесного образа в эпоху этнической самоидентификации подразумевает эмоционально окрашенное восприятие цветов, причём в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с однозначными трактовками цветовых представлений, скорее всего берущими своё начало в культурных стандартах крупных цивилизационных центров – в отличие от иных форм вербального описания, как правило, несистематизированных и во многом уникальных для каждого читателя⁷. Колоративы – наиболее очевидные элементы визуального представления в поэтических текстах. Вполне закономерно именно цветковые обозначения первыми подвергаются аксиологическому осмыслению в моменты становления словесной традиции в сословном обществе. Начальные стадии этого процесса создают ситуацию, когда различные культурные нормы интерпретации цвета исчезают, цвет фактически лишается своего реально-визуального смысла и выступает в произведении в роли оценочного признака, с внешним обликом никак не связанного:

*...Одна её коса – красное золото,
Другая её коса – светлое золото...*

...Волосы у неё чёрные, как воронье крыло⁸, – ясно, что подобные цветковые сочетания невозможны настолько, что говорить о цветовой визуальной реальности образа не приходится.

Цвет, как оценочная характеристика, в ходе поэтической практики постепенно приобретает довлеющую стабильную семантику и, в конце концов, в высших проявлениях этого направления своего развития, может трансформироваться в дефиницию сословного, а с осознанием классовой принадлежности – идеологического характера. При жесткой оппозиционной модальности, присущей кабардинскому эстетическому сознанию, цветковые представления вырастают в идеологические контрастные пары, в которых реальное физическое наполнение цветообозначений зачастую игнорируется даже с точки зрения формирования того или иного отношения к описываемому объекту – последний безусловно маркируется идеологически, отношение к нему не выстраивается по ходу текста, а константно определяется при помощи того или иного колоратива. Цвет, фактически, актуализируется как самостоятельная величина, гипертрофированная форма этой тенденции приводит к появлению систем колоративов, к реальному миру вообще имеющих весьма отдаленное отношение⁹.

Описываемое свойство цветообозначений в некоторых эстетических системах принимает навязчивый характер, и в том, что адыгское художественное сознание на сегодняшний день имеет в своём арсенале альтернативные модели функционирования цветовых представлений в тексте, огромная заслуга принадлежит Зуберу Тхагазитову.

Сразу оговоримся – колоративы в текстах З. Тхагазитова не играют ключевой роли, употребление их достаточно редко. Однако они если и не являются фундаментальными элементами в деле создания убедительных и достоверных зрительных картин в текстах поэта, то, безусловно, обеспечивают функционирование, совершенно специфического и до недавнего времени уникального для адыгской поэзии механизма эстетической когниции.

Во-первых – обращение к цвету в произведениях Тхагазитова произвольно. В его творчестве наблюдается системный отказ от идеологической трактовки колоративов, что вполне ожидаемо и естественно для автора подобного плана. Цвет Тхагазитова – прежде всего часть визуального опознавания объекта, отсюда – его колористическое многообразие; пусть он преимущественно пользуется другими составляющими внешнего облика, зато цвет описываемого в его произведениях, в большинстве случаев – факт эстетической рефлексии¹⁰.

Отсюда – многообразие цветов. По сравнению с поэтами старшего поколения, по сравнению со своими сверстниками З. Тхагазитов ограничен в количестве цветовых апелляций – тем более, если учитывать косвенные цветоопределения типа «сверкающих снегов» и «закатных вершин». Зато он озабочен фактической точностью при идентификации собственных ощущений, и поэтому в его строках читатель сталкивается с полной палитрой природных красок. Ясно, что он не избежал визуальных и визуально-концептуальных цветовых контрастов – прямых:

*...чёрная земля,
ты, белым молоком
вспоившая меня («Родная земля»), или окказиональных:
...пропал он во мгле,
нет могилы его на земле,
а ты родился на свет! («Разговор с сыном, которого я еще не видел»), или:*

*...И бездонно-синяя неба высота,
Как недостижимая мечта...
...В сером низком небе облачность густа, –
Как осуществленная мечта... («Возраст»).*

Однако при всем этом среди упоминаемых напрямую цветов у З. Тхагазитова – вся протяженность спектра. Особенно примечательным воспринимается то, что помимо определенных «чистых» цветов кабардинский поэт часто использует промежуточные тона и полуоттенки –

*С л е в а н а п р а в о: С. Гуртуев, Б. Кербабаев, З. Тхагазитов,
Х. Хавпачев, К. Кулиев, Р. Ахматова, А. Кешоков. 1966*

«желтоватый», «красноватый», «розовый», «пожелтевший», «золотой» и так далее, – явление, однозначно связанное с диффузией различных культур, взаимной интеграцией культурных пластов и, фактически, свидетельствующее о переходе литературы на новый эволюционный этап¹¹.

При этом колоративы Тхагазитова зачастую образуют своеобразные – не оппозиционные, а, скорее, последовательные нанизывания цветов:

Земля, ты всё время разная –

Чёрная,

Жёлтая,

*Красная*¹²...

И вот здесь, в области переходных цветовых обозначений у Зубера Тхагазитова явно наблюдаются остаточные качества и следы идеологической оппозиции. При практическом отсутствии прямых контрастов идеологически отмеченных цветов, поэт часто обращается к сопоставлениям и противопоставлениям комплекса светлых, пастельных тонов, цветов, формирующихся в переходных зонах классического спектра, и определенных «чистых» цветов, этот спектр образующих. Проанализировав несколько примеров подобного противопоставления, мы можем сделать однозначные выводы – чистые цвета спектра, равно как и традиционная пара «чёрный-белый» соотносятся у Тхагазитова с определенными эмоциональными состояниями представляемого объекта, часто с противопоставлением этих состояний:

...Ты от страданий чёрною была,

Но белым молоком

*Меня вспоила*¹³.

*...Лежал сынишка, тёмный как земля,
И рядом с ним земля красна от крови*¹⁴...

– как мы можем убедиться, в данных примерах использование колоративов кабардинским поэтом полностью лежит в русле традиции контрастного противопоставления, вводящего читателя в семантическое поле оценочного, эмотивно значимого поэтического выражения, значимость которого для советской поэтической традиции была непосредственно связана с усматриваемой государством политической ролью литературы в целом¹⁵.

Совершенно иную роль играет переходный цвет Тхагазитова. Во-первых, конечно же, ряды пастельных (либо внеспектральных) цветов образуют в его произведениях некую оппозицию чистым тонам, иногда полностью определяя образную канву стихотворения. В подобных случаях чистый спектральный цвет номинируется напрямую, его же переходный спутник – либо путем прямого названия, либо – опосредованным обозначением через объект-носитель переходного цвета:

*– Кто научил тебя чистоте?
– Белый снег, лежащий по склонам...
...Ветер стремительный, неугомонный...
...Чёрные тучи с влагою слёзной...
...В лесу, одетом в зеленое платье...
...Земля и дождь, мои добрые братья...
...Небо, что синью прозрачной лучится*¹⁶...

– нетрудно проследить, как условно-цветовые бинары «белый-ветер», «чёрные-влага», «зелёный-дождь», «синь-прозрачные лучи» выстраиваются в системе уточняющих сопутствующих эмоциональных определений («чистота», «быстрота», «улыбка», «печаль» и т.п.) создают своеобразный семантический волновой ритм, переводя содержание этого, в общем-то, незатейливого стихотворения ярко выраженной дидактической направленности в нечто, совершенно отличное от ожидаемого.

Владение пастельными и переходными цветами, в принципе, свидетельствуют о стремлении Тхагазитова к визуальной убедительности и достоверности. Однако этим их роль не исчерпывается. Как мы уже упомянули несколько выше, кабардинский поэт создал особую модель поэтической когниции, в рамках которой колоративы переходного характера получили совершенно неожиданное наполнение.

Все формы цветовых представлений в кабардинской поэзии до Тхагазитова так или иначе сводились к эмоциональным, идеологическим, оценочным статусам. Это свойственно и ему. Однако за стабильным стремлением свести вместе и противопоставить изначально лояльные друг другу качества и объекты скрывается и нечто иное.

Действительно, каким образом в дихотомическую пару могут быть выстроены «белизна снега» и «прозрачность ветра», «чернота тучи» и зыбкие переливы «слёзной влаги», «зелень» леса и, опять-таки,

прозрачная пастель «дождя»? Дихотомия подразумевает противопоставление на общей основе, в приведенных же примерах цветовые характеристики лежат в разных плоскостях – тона и цвета влаги, ветра, хотя и подразумеваются, тем не менее, не могут быть альтернативой чистым цветам.

Более сложный и завуалированный пример цветового сопоставления:

*...Весь в слезах, ты больничной стены был белей,
Когда полдень в глазах моих медленно гас¹⁷...*

Какова связь и какова природа сопоставления «белого цвета стены больничной палаты» и «гаснувшего в глазах полдня»? Естественно, мы имеем здесь эмотивный визуальный контраст, в котором «белизна» стены, олицетворяя мир больницы, индифферентность смерти, противопоставит живому – по умолчанию «рыжему» или «огненному» – цвету «гаснувших глаз». Это видимое содержание цветового бинара – отголосок традиций контрастного, конфликтного поэтического представления. Но помимо этой привычной семантики в образе заключено нечто совершенно неожиданное.

«Больничная стена» в данном тексте выступает по отношению к глазам не только как цветовой фон. Очевидно, что насыщенные тёплыми цветами глаза – объект ожидаемо ограниченный в своих объемах – находятся с плоской белой стеной и в другом соотношении, а именно – последняя выступает как, прежде всего, панорамный фон, не цветовой, а пространственный. Противопоставление вполне читаемое: ограниченные в объеме, чётко очерченные глаза, наполненные рыжими и огненными цветами, представлены читателю в контрасте с плоской и неограниченной в своих размерах стеной. Самое примечательное – цветовое противопоставление реализовано не только в плоскости, но и полноценно задаёт объемы зрительной картины – глаза находятся на ближнем в визуальном восприятии плане, белая плоскость – в глубине.

В текстах З. Тхагазитова мы находим многочисленные доказательства того, что подобное, пространственное понимание роли колоративов в визуальных представлениях для поэта случайным не являлось, а выступало как стабильная составляющая его рефлекторных моделей и способов изображения окружающего мира.

На заседании правления СП КБР

Таким образом, анализ пространственно-колоративных сопоставлений в произведениях Тхагазитова выявляет устойчивую тенденцию к созданию точек акцентированного внимания читателя. Поэт формирует объем в пастельной цветовой гамме и вносит в него своеобразную точку рефлекторной опоры – чётко обозначенный и суггестивно активный виртуальный объект в более разреженной среде. Его мышление во многом было обращено именно на акцентно-неравномерное образное представление, что в итоге позволило кабардинской поэзии освоить урбанистические стандарты художественного отражения и, избежав значительных потерь и застоя, интегрироваться в новую информационную эпоху, началом которой стали 80-е годы прошлого века.

Литература

- ¹ См. *Барт Р.* Миф сегодня. / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 72–130.
- ² *Невелева С.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М.: Наука. 1979. С. 21.
- ³ *Андреев А.* Художественный образ и гносеологическая специфика искусства. М.: Наука. 1981. С. 162.
- ⁴ *Шортанов А.* Нартский эпос адыгов. / Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука. 1974. С. 14.
- ⁵ *Веселовский А.* Историческая поэтика. М., 1989. С. 64–75.
- ⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. в 39 т, т. 25, С. 82.
- ⁷ *Белянин В.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Наука. 1988, С. 96.
- ⁸ Сказание о Малечипх. В кн. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука. 1974. С. 332, 333.
- ⁹ *Лотман Ю.* Семиотика культуры. / Лотман Ю. Избранные статьи в 3-х т. Т. I. Таллин. Александра. 1992. С. 46.
- ¹⁰ См. *Николаенко Н.* Функциональная асимметрия мозга и изобразительные способности // Текст и культура. Тарту, 1983. (Труды по знаковым системам) в 22 т. Т. 16; Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. С. 635.
- ¹¹ *Лотман Ю.* Семиотика культуры. / Лотман Ю. Избранные статьи в 3-х т. Т. I. Таллин. Александра. 1992. С. 46-48.
- ¹² *Тхагазитов З.* Лицо земли. В кн. З. Тхагазитов. Лицо земли. М.: Современник. 1974. С. 9.
- ¹³ *Тхагазитов З.* Родной земле. В кн. З. Тхагазитов. Лицо земли. М.: Современник. 1974. С. 85.
- ¹⁴ *Тхагазитов З.* Никогда тебя не проклянут. В кн. З. Тхагазитов. Лицо земли. М.: Современник. 1974. С. 57.
- ¹⁵ *Куницын Г.* Политика и литература. М.: Сов. писатель. 1973. С. 153.
- ¹⁶ *Тхагазитов З.* Вопрос без ответа. В кн. З. Тхагазитов. Лицо земли. М.: Современник. 1974. С. 42.
- ¹⁷ *Тхагазитов З.* Ночные гости. В кн. Рождение песни. М.: Современник. 1989. С. 103.

*Мадина КАНУКОВА,
Юрий ТХАГАЗИТОВ*

ПОЭЗИЯ ЗУБЕРА ТХАГАЗИТОВА В КОНТЕКСТЕ КАБАРДИНСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Оценивая роль и место Зубера Тхагазитова в истории кабардинской поэзии, мы закономерно придем к следующим выводам: вне всякого сомнения, он является своеобразным связующим звеном между поколениями кабардинских авторов самого высочайшего уровня, в том числе таких, как А. Шогенцуков и А. Кешоков. А потому на сегодняшний день творчество Зубера Тхагазитова остается одной из важных составляющих эволюции кабардинской советской поэзии. Но, фактически, если не считать газетных публикаций и нескольких журнальных статей в «Ошхамахо» и «Дон», и коротких – вне концептуального восприятия его творчества – обращений к его произведениям З. Налоева и К. Султанова, З. Тхагазитов, можно сказать, был обойден вниманием критики. Это при том, что он очень рано вошел в число любимых и признаваемых читателем авторов.

Практически все новописьменные литературы России, сформировавшиеся после Октябрьской революции и окончательного становления институтов нового государства, находились в жестких рамках идеологического содержания литературного процесса, что и обусловило сам характер творчества писателей первой формации. При этом принципы национальных литераторов долгое время оставались определяющими для всей кабардинской поэзии.

Всё, не соотносящееся напрямую с реалиями классовой борьбы, борьбы за новый строй и миропорядок, не трактовалось как художественно значимое, пригодное для включения в область эстетического. В подобном положении находились все новописьменные системы и даже русскоязычная поэзия, но у русских поэтов всё же не было такой жесткой связи между тематикой, пафосом, образным строем, символикой и лексическим составом произведений, что позволяло им оставаться более свободными в реализации своих художественных замыслов.

Единственным же средством преодоления узости эстетических представлений в условиях обязательного взаимного соответствия тематики, проблематики, образности и лексики – и в рамках соответствующей идеологии – стало формирование жанровых ответвлений с определенной «внеклассовой» эстетической онтологией: «чистая лирика», «пейзажная лирика», «интимная лирика» и так далее.

Это явление в той или иной степени наблюдается в любой литературе на любом этапе её развития, оно обусловлено естественной разницей в целевых установках литературных форм. Именно в условиях мощного

идеологического давления и ускоренного вхождения национальной традиции в общий поток политизированной советской литературы жанровое развитие «новописьменных» поэтических систем приобрело жесткий изолированный характер.

В пределы одного онтологического направления допускаются совершенно определенные и ограниченные наборы изобразительно-выразительных средств, служащие для воплощения соответствующих концепций и тем. Например, даже у Б. Пачева стихи политического, гражданского звучания выстраиваются исключительно в системе условнопонятийной образности, в ожидаемом лексическом обрамлении:

*Гнев угнетенных –
Буря, лавина –
Грозно несётся
На властелина.
Гнев угнетённых
Пышет вулканом,
Дышит возмездьем,
Близким, желанным...*

Наблюдаемая идеологема в ее национальном понимании требует отвлеченной абстрактно-понятийной рефлексии, лирические излияния строятся на определенной конкретике.

То же самое – у Али Шогенцукова: если речь идет о частном, индивидуально значимом, поэт прибегает к зримым картинам:

*...Порт... И суда... И чужая столица...
В громе и грохоте грузчиков много.
Грязными фесками потные лица
Вытрут... И снова с поклажей в дорогу.*

В социально-значимых текстах наблюдается явное преимущество высокой патетики и понятийно-символического осмысления как национальной фольклорной образности, так и реальной объективности:

*...Хмур был удел материнский,
Слёзы текли по горам;
Крыльев размах исполинский
Ныне сужден дочерям...*

Учитывая характер кабардинского поэтического мира – по крайней мере, в части, касающейся значимых с точки зрения государства произведений – единственным путем преодоления наметившегося кризиса была трансформация поэтической рефлексии «внутри» конфликтной идеологической установки. Первым стилеобразующим шагом в этом направлении стала творческая практика А. Кешокова. Именно в его

Слева направо: первый ряд: З. Тхагазитов, соотечественник из Сирии А. Цей, главный редактор газеты «Советская молодежь» И. Кясов, в е р х н и й р я д: писатели Б. Журтов, А. Браев, Х. Кауфов. 1964

стихах сначала наметился, а затем и оформился переход от обобщенного коллективного субъекта «мы» к условно индивидуальному «Я».

Индивидуальная эстетика Кешокова более свободна в своих канонах, он более демократичен в осмыслении окружающего с позиции советской идеологии, хотя, конечно же, во многих случаях речь идет о конкретике с явным «социалистическим» подтекстом:

*...Из глуби шахт удары полновзвучные
Подхватывает эхо гулких гор.
Колхоз-миллионер отары тучные
Выводит на сияющий простор...*

Выход за рамки коллективного позиционирования был неимоверно трудным процессом. Классовое, политическое отражение продолжало господствовать в новописьменных литературах вплоть до 60-х годов прошлого века.

Условно-индивидуальное «я», как опосредованная форма «мы», обязательная «высокая» тематика, проблематика, пафос и обращение к переживаниям коллективного характера превалировали в кабардинской поэзии вплоть до начала творческой деятельности Зубера Тхагазитова.

Индивидуальной чертой поэтических представлений З. Тхагазитова стало изначально органическое единство идеологической семантики, присущей всей советской литературе, и этничности образного мышления. Даже самые ранние его стихотворения, весьма неоднородные в художественном плане, отмечены явным интегративным качеством,

естественным синтезом национального и гражданского в его «государственном» понимании. Справедливым будет утверждать, что условно-индивидуальное «Я» в творчестве З. Тхагазитова – исходная точка осмысления окружающего в рамках традиционной этничности:

Когда свершить я подвиг не смогу,

ты изгони меня, о, родина моя...

Но и прости меня.

Когда же я смогу, но убегу,

когда же я сумею, но солгу,

ты прокляни меня,

страна кипучих рек!.. – лирическая канва произведения реализуется, как мы можем видеть, в русле советской патетики, патетики подвига и долга личности перед родиной. Одновременно мы наблюдаем равноправное присутствие в приведенных строках (и творчестве, в целом) «своих» исламских, национальных базовых ценностей и «чужих» советских цивилизационных идеалов.

Особенно примечательным видится то обстоятельство, что ни советская пафосность, ни этническая не выражены в данном стихотворении прямо, с помощью каких-либо знаковых символов – здесь нет ни презентативной этнической объектности типа «кинжалов», «вершин», «скакунов» и так далее, ни советской условно-абстрактной риторики, видимая патетичность же приведенных строк локализована исключительно в сфере национальных представлений о мужской чести и достоинстве.

Весьма концептуальным в этом смысле является поэтический сборник, вышедший в 1968 году в Москве, – «Горы молчат». За исключением первого, открывающего книгу стихотворения – «Ты ошибся, мулла, говоря...» – З. Тхагазитов не представил читателю ни одного текста с выраженной оппозицией идеологического плана. Вместе с тем, автор не избегает апелляций к символике и концептам официальной советской эстетики, но роль их в общем рисунке лирического переживания по сравнению с привычной традицией кабардинской лирики этого этапа развития заметно изменена. К слову, одно из произведений сборника, выстроенное на контрастном сопоставлении объектов и явлений – «Сегодня и завтра». Само название произведения достаточно символично – вместо устоявшейся уже в кабардинской поэзии дихотомии прошедшего и настоящего З. Тхагазитов рассматривает «настоящее-будущее», что вполне вписывается в его эстетические принципы – поэту уже нет нужды осмыслять прошлое по отношению к сегодняшнему дню – реальность текущего дня включает предыдущее по определению, этот опыт – органичная часть личности поэта.

З. Тхагазитов как «советский» поэт не оставался в ситуации воздействия двойных ценностных ориентиров. «Советское» и «кабардинское» обеспечивало ему свободу в интерпретации идеологизированных

Слева направо: З. Тхагазитов, Т. Зумакулова, К. Кулиев

символов и концептов – выведенные из положения мировоззренческого конфликта, они оказались вполне жизнеспособными в эстетическом плане и весьма вариативными в семантическом плане.

Внутренняя художественная раскрепощённость поэта делала возможными эволюционное развитие его художественного мышления даже в узком поле советской идеологии и концептуалистики – З. Тхагазитов настолько органично усвоил ее, что мог «маневрировать» даже в жестких рамках сугубо официальной эстетики.

Можно утверждать, что, с точки зрения смыслового содержания советской символики и устойчивой образности, кабардинский поэт уже в самом начале своего творческого пути оказался намного более свободным, нежели его русскоязычные товарищи по перу, не говоря уже о кабардинской поэзии, вплоть до начала 70-х годов прошлого века ощущавшей донорное воздействие со стороны русских советских поэтов.

Счастливая случайность – наличие двух русских переводов одного произведения – позволяет нам воочию убедиться в том, что поэтическое мышление З. Тхагазитова в этом смысле «обгоняло» общие показатели и требования русскоязычной поэтической среды в ее, так сказать, «усредненном» виде:

*...Лишь лягушки воют на краю села,
да трактор вдали шумит,
да сторож колхозный глаз не сомкнет,
важный стоит, серьезный стоит,
в пограничной фуражке.*

сказал бы я, грозный стоит... – перед нами перевод стихотворения З. Тхагазитова «Полночь», сделанный А. Яновым для сборника «Эхо весны», вышедшего в 1963 году в Нальчике. В книге «Горы молчат»,

опубликованной в Москве в 1968 году, это произведение дано в переводе известной советской поэтессы Р. Казаковой:

*...Да лягушки вопят за селом исступленно –
закатили концерт свой для звезд и луны.
В лад им трактор стрекочет на травке зеленой,
помогая веселой работе весны.
И колхозному сторожу тоже не спится.
Смотрит зорко и чутко старик в темноту,
как боец молодой, что на дальней границе
этой темною ночью стоит на посту...*

Второй вариант перевода «Полночи», вне всякого сомнения, более изощрен и совершенен в техническом плане, однако текст А. Янова намного ближе к оригиналу. И, как мы видим, переводы отмечены значительной разницей в общей онтологической направленности, в расстановке акцентов поэтического переживания. Центральный объект описания в последней строфе у З. Тхагазитова – старик-сторож. Это живой человек, поданный читателю с определенным юмором, а реальная деталь его облика – пограничная фуражка – в тексте воспринимается как прямое указание на обстоятельство жизненного пути личности и, конечно же, закрепляет эффект восприятия этой личности в определенном морально-этическом поле. Однако, в любом случае, обращение поэта к образу-символу пограничника – стража и защитника родной земли, не имеет никакой идеологической подоплеки; перед читателем – живой старик с присущими только ему чертами характера и подразумеваемой биографией.

Иначе выглядит трактовка Р. Казаковой. Вряд ли возможно обвинять ее в недостаточной одаренности или невысоком профессионализме. Тем не менее, семантика оригинала в ее переводе искажена, и мы видим причину подобной трансформации в остаточном влиянии первичных, наиболее одиозных требований эстетики социалистического реализма, подразумевавших возможность лирического переживания лишь в пространстве гражданской концептуалистики и, соответственно, в утрированном пафосном воплощении.

Именно поэтому «лягушки, вопящие на краю села» превращаются у Р. Казаковой в «лягушек», вопящих «исступленно», «закативших концерт для звезд и луны», трактор стрекочет «помогая работе весны», а старик-сторож представлен в виде, близком к эталонному образу несокрушимого защитника Родины. Казакова не устояла перед давлением устойчивой системы идеологизированного художественного представления, а потому сравнение границ кукурузного поля или колхозного склада с границами страны, как представляется, по меньшей мере, несколько натянуто.

Советскую символику и образность в текстах З. Тхагазитова, его идеологемы, как правило, нужно рассматривать как художественные

универсалии, общественно значимая семантика которых отступает на задний план, вытесняясь или обогащаясь опытом личности, иногда реализуясь в достаточно парадоксальных формах, немислимых для всей советской поэзии. К слову, обыгрывание молодым автором хрестоматийного для патриотической лирики топоса темницы. Темница, тюремная камера были введены в орбиту художественных представлений русской классики еще А. С. Пушкиным, этот образ являлся частой компонентой конфликтной дихотомии, реализуясь в противопоставлении позитивному герою и олицетворяя собой диктат государства и, шире – системы общественных взаимоотношений.

Советская традиция унаследовала данный топос, лишь слегка видоизменив его и приведя в соответствие с ситуацией открытого конфликта с внешним врагом, в котором он и был возможен – пиковой точкой его модификации стало творчество М. Джалиля. То есть для советской и советской национальной поэзии образ тюремной камеры был вполне обычным и детально разработанным. Но единственный случай обращения к нему З. Тхагазитова как нельзя более убедительно демонстрирует нам, насколько далеко продвинулся кабардинский поэт в осмыслении идеологической символики:

*Нана,
милая нана,
ты арестована,
ты – в одиночке!
...Время
тебя заточило в камеру.
У твоей камеры*

стены – не каменные... – в целом, стихотворение нельзя отнести к творческим удачам автора. Оно перенасыщено сентиментальным пафосом, в образно-конструктивном плане представляет собой последовательное «нанизывание» эмоционально окрашенных, но достаточно обыденных для сознания читателя образов – первая любовь, материнство, картины природы, горечь утраты. Тем не менее, общая онтология топоса темницы, тюремной камеры, обыгрываемая З. Тхагазитовым, полностью «выпадает» из общей традиции, как русской, так и русской советской, тем более – советской национальной поэзии. «Камера» и «решетка» в тексте кабардинского поэта напрочь лишены идеологического содержания и эстетически реализованы на уровне общефилософских, общемировоззренческих понятий.

Надо отметить, что в силу своего «спокойного» отношения к советской символике и идеологии З. Тхагазитов не имел внутренней потребности так или иначе демонстрировать лояльность к государству – это качество присутствовало у него по определению. Поэтому в значительном количестве текстов кабардинского поэта идеологема просто-напросто

отсутствует. Там же, где она используется – наряду с привычным для читателя 60–70-х годов иерархическим статуированием советской и национальной образности и систем концептов – З. Тхагазитов прибегает к равноправным в смысле эстетической онтологии бинарам, его интересует художественное содержание «советских» поэтических формул и представлений, никак не их гражданская семантика и пафос:

*В этом доме большом тишина...
...Вот такая, наверно, стоит тишина перед атакой в бою.
В этом доме лежишь ты, больна...*

Иначе говоря, З. Тхагазитов не просто вычленяет идеологическую единицу («тишина перед атакой в бою») из привычного советскому читателю гражданского контекста – черта его поэтического мышления, отмеченная нами несколько ранее, – но и подчиняет её содержание эстетической задаче текста. Сплошь и рядом в его произведениях поэтические формулы и эмблемы, свойственные социалистическому гражданскому мироощущению, перестают быть знаками идеологического, более того – аксиологического характера, и выступают в сугубо художественном качестве.

По всей видимости, личность Зубера Тхагазитова формировалась в среде устойчивого влияния советской идеологии и национальной представлений этико-эстетического характера таким образом, что два эти начала образовали единый и действительно органичный сплав. Поэт уже в начале своего творческого пути демонстрирует естественность восприятия и осмысления идеологического и этнического в той степени, которая позволяет ему обходиться без каких бы то ни было «внешних» антуражных обращений к универсальным эмблематическим обозначениям советского и национального бытия. В произведениях это выражается в особом поэтическом строе, не предполагающем вычленения семантических областей разного – государственного и национального – происхождения. Иначе говоря, у Зубера Тхагазитова мы сталкиваемся с совершенно новой формой образных представлений, предполагающей полное тождество идеологического и этнического:

*Памятник стоит в саду колхозном,
Бронзово тяжел суровый взгляд...
...Но давно покой его нарушен,*

все уже забыли про беду... – обращает на себя внимание абсолютный генерационный синкретизм образа памятника. Памятник в стихах кабардинского поэта априори принадлежит к миру советской идеологии, к области донорной культуры. Однако у З. Тхагазитова, помимо этого ожидаемого содержания, памятник явно адресует читателя к каноническому образу мужчины-адыга, мужчины-защитника, более того – взгляд памятника – явная дань фольклорной традиции, особое

внимание уделявшей именно глазам и зрелости героя. В дальнейшем совмещение советской и фольклорной образности станет заметной чертой индивидуального стиля кабардинского поэта и позволит ему взломать жесткие границы жанрового онтологического деления, границы, которые к началу 60-х годов уже выглядели явным анахронизмом.

Дж. Хаупа, З. Тхагазитов

Но главной чертой развития поэтики и образного мышления З. Тхагазитова в этот период была всё же субъективизация эстетического переживания. Это явление в его творчестве носит ярко выраженный дуальный характер – с одной стороны, поэзия З. Тхагазитова личностна и представляет собой огромный шаг вперед по пути формирования в национальном эстетическом отражении парадигмы действующего субъекта, с другой – уходя от обобщенного коллективного переживания, молодой автор пытался сохранить в своих произведениях идеологическое начало, идеологическую семантику и даже риторичность. В этом смысле можно утверждать, что для З. Тхагазитова советская мифология стала своеобразным стимулом и мерилом в осмыслении, классификации и идейно-художественной дифференциации окружающего мира. Подавляющее большинство его ранних стихов – «Моим односельчанам», «Пучина», «Песня о Родине», даже лирический цикл «Девушка и весна» отмечен наличием отвлеченно-абстрактного «Я» поэта, либо даже коллективным лирическим субъектом. Как правило, переходность формы лирического «Я» в стихотворениях этого периода сопровождается органическим синтезом образных представлений, когда невозможно выявить, что в представляемых З. Тхагазитовым картинах берет начало в национальном фольклоре, а что относится к общемировым культурным универсалиям. Иногда это реализуется в произведениях акцентировано космополитичных – в смысле тематики, объектного мира, проблем, концептуально значимой образности – и, в то же время, разворачивающих перед читателем полноценный мир адыгской этики и эстетики – например, «Венера», «Две розы», «Казбек», «Тучи» и многие другие. Главное, что мы можем отметить в стихах первых сборников поэта – органичность идеологической канвы в поэтических представлениях З. Тхагазитова. Это качество проявляется в том, что даже в сугубо камерные пейзажные зарисовки он может вводить нотку идеологической адресации, например, неожиданным употреблением образа, полностью актуализированного в сфере идеологических, патриотических представлений:

*Гимнастерку зеленую
на землю весна надела.*

*Выжгло лето её,
она пожелтела...*

И наоборот – реализация идеологемы может идти у него через уникальное индивидуализированное поэтическое представление:

*Снег выпал.
Яростный, добротный.
О, пусть он будет глубже, глубже!...
...и он растает,
и потечёт по чёрным жилам.
Как кровь мятежная густая,
и даст он хлебу славу.*

Силу! – и «чёрные жилы», и «мятежная густая кровь», и «слава», и «сила» хлеба – всё это знакомо нам в качестве образных клише поэзии первых лет Советской власти, но «яростный и добротный снег» – личная находка З. Тхагазитова. Но в тексте она использована для аргументации идеологемы – в привычном ключе советской кабардинской поэзии 50–60-х годов прошлого века. В любом случае – художественное сознание молодого кабардинского автора находилось на новом эволюционном витке развития, по сравнению с большинством собратьев по перу. Будучи плоть от плоти, кровь от крови поэтом советским, З. Тхагазитов, в силу внутреннего эстетического самоощущения, не мог ограничиваться рефлексией в границах обезличенного субъекта. Даже в тех текстах, в которых он вынужден обращаться к ходульным сравнениям, в текстах, насквозь пропитанных патетикой и идеологией, он вносит элемент личного переживания, и мы видим, как плоскостное эмблематическое представление наполняется частным неповторимым смыслом, обретает уникальность единичного факта:

*...Но когда дракон нагрянет
на орлиное жильё,
Отдают орлята жизнь,
Отдают без страха жизнь*

За гнездо своё – «сумма» смыслов стихотворения вырастает на об-разном ряде камерного, интимного характера – это обстановка раз-говора ребёнка с матерью, первичный образный зачин – тлеющий в углях огонёк – придают новый статус много раз апробированным в горской поэзии «орлятам» и «драконам».

Следующим шагом З. Тхагазитова по пути реформации кабардинской поэтической школы стал его выход на осознание и отражение окружающего в поле уникального авторского «Я», со всеми сопутствующими этому феномену составляющими и антуражными элементами, в первую очередь – опорой на частный характер переживаний, никак не связанный с эмотивностью коллективного плана. Как правило, это четко проявляется в произведениях в виде уникальных визуальных картин – часто в

составе традиционной образности и концептуалистики, либо в тесном переплетении с ними:

*Зной сгустился невозможно –
ливню быть, значит.*

Скачет дождь в пыли дорожной,

белый всадник скачет... – кабардинская поэтическая традиция,

в принципе, зиждилась на концептах всадника, дороги, не меньшее место в ней занимали и устойчивые образы дождя и пыли – то есть, в определенном смысле, данный отрывок можно считать эталонным произведением, унифицированным в соответствии с негласными запросами предыдущей национальной художественной практики. Тем не менее, детализированная до максимума зрительных возможностей человека картина капель дождя, разбивающихся и отскакивающих от дорожной пыли, сенсорный посыл, предваряющий всю сцену – «зной сгустился невозможно» – переводят всё описание в разряд актуального ощущения отдельно взятого человека, ощущения мгновенного и реализованного исключительно в пределах личностной системы восприятия. Такого уровня индивидуализации, такой степени точного восхождения к авторскому «Я» кабардинская поэзия до Зубера Тхагазитова попросту не знала.

Итак, Зубер Тхагазитов выступил как решительный реформатор наработанной и закрепившейся до него в качестве общепринятой кабардинской поэтики в части её концептуалистики, художественной топологии, образного наполнения. В его произведениях видимой эволюции подверглись все составляющие поэтического текста, и это было тем более заметно, что подавляющее большинство поэтов-кабардинцев периода 50–60-х годов XX века в общественно-значимых секторах своего творчества продолжали создавать произведения, качественно не отличавшиеся от образцов довоенных лет.

Новационный вклад Зубера Тхагазитова в развитие национальной поэтической традиции был сконцентрирован в двух основных областях. Во-первых, он вслед за А. Кешоковым, изменил само понимание лирического субъекта, выведя его из пространства коллективных эстетических переживаний и представлений в сферу индивидуальной рефлексии.

Это естественным образом сформировало выразительные средства и структуру лирического нарратива З. Тхагазитова, уже в первых его текстах разительно непохожего на национальную «советскую» идеологизированную лирику 50–60-х годов. Художественный инструментарий его – вторая отличительная черта стиля. Последний базируется на фундаменте уникальности и единичности образной конкретики, реальных воспоминаний, обращения к понятийно-эмоциональным полям, изначально актуализированным в индивидуальности автора – воспоминания о матери, разговор с сыном, детские, подчеркнута наивные впечатления – широкое употребление первичных естественных и форм личностного поэтического переживания.

АСИЯТ

Главы из повести¹

По настоянию матери Асият написала письмо Ибрахиму. Как же ей было трудно взять в руки перо... «Он мне не родственник, не друг, о чем я буду писать постороннему, – говорила Асият матери, которая стояла над душой и просила черкнуть пару слов зятю. – Что он подумает? Объясни мне, научи».

Абидат некоторое время молчала, не зная, что ответить дочери. Она понимала, что сейчас к Асият нужно относиться бережно. Хотя дочь и старалась в дни траура быть с матерью предельно ласковой, всё же она могла ответить: «Перестань, ведь вы сами говорили, что Ибрахим не тот человек, кто мне нужен, и я ушла от него. Когда я стала помогать его родителям, вы сказали, что народ будет стыдить и осуждать меня за это, и я перестала ходить к его старикам. Так чего же ты теперь от меня хочешь?»

Кто знает, может, именно поэтому и молчала тогда Абидат. Но когда она жалостно стала умолять Асият, та уступила. Она отыскала пожелтевшую старую тетрадь, что давно уже валялась где-то на кухне, вырезала из нее большими блестящими ножницами, которые Абидат хранила пуще глаза и никому никогда не давала, два листка, положила их на стол, усыпанный хлебными крошками, и, придвинув к нему деревянный табурет, села. Взяв в руки ручку, она долго сидела в задумчивости, не зная, с чего начать. Абидат неторопливо смотрела на дочь, раздраженная ее молчанием и бездействием. «Когда она наберется ума», – шептала про себя мать. В то же самое время Асият, не поворачивая головы и не сдвинувшись с места, резко спросила:

– Почему ты заставляешь меня ждать? Говори, что я должна написать в письме.

– О Аллах, а я-то что могу сказать? – Абидат смешалась. – Если бы у меня была такая голова, разве я упрашивала бы тебя с самого вечера?

– Ну тогда и я не знаю, что писать.

– погоди, доченька, подумай хорошенько, – жалобно залепетала Абидат, увидев, что дочь поднимается из-за стола и собирается уйти. – Напиши, доченька... Мало ли о чем можно сказать? Скажи, что отец наш умер и что дом наш переживает черные дни. – На глазах Абидат появились слезы. Она горько застонала, но все же сдержала себя от

¹ Продолжение. Начало см. в № 1, 2019.

рыданий. – А его родители, скажи, живы и здоровы. Напиши, что мы не знаем ничего об Исламе, и это заставляет нас забыть даже сегодняшнее горе. Мы провожали их обоих вместе. Но что с ним могло случиться за такое короткое время? Скажи, чтобы он сообщил хоть что-нибудь о твоём несчастном брате...

Асият принялась писать, а к сказанному матерью она добавила следующее:

«Сейчас в нашем селе тихо. На улице не слышно даже собачьего лая. Да ведь они и лают, наверное, только на людей или скотину. А у нас с утра до вечера на улице и пару человек не увидишь: все на работе...

Что еще сказать? Я заказала твой большой портрет. Когда мне бывает грустно, я всегда смотрю на него и сразу успокаиваюсь под твоим глубоким и острым взглядом, проникающим в самые отдаленные уголки моего сердца. Твои глаза часто разговаривают со мной. «Хватит смертей, – шепчут мне они, – что принесла на родину война. Крепись, затяни потуже поясок. Нам двоим еще долго придется жить. Мы должны работать и за тех, кто погиб». Един Аллах, я говорю тебе правду.

Целую неделю у нас не горели лампочки и мы жгли свечи. Но только я села писать тебе письмо, как сразу же дали свет. Лампочки загорелись так ярко, что в нашем доме стало светло как днем. Сейчас мать долго разговаривала со мной, а потом прилегла на кровать и уснула. С тех пор как умер мой бедный отец, моя старшая сестра Майрусхан постоянно находится у нас. И дети с ней вместе. Эльдар уже стал помогать нам. Муж Майрусхан тоже ушел на войну. Вчера пришло от него письмо из Майкопа.

Ты представляешь, Майрусхан спит на постели отца. Я ни за что не смогла бы... Как можно спать на постели умершего человека? Не дай Аллах. А Майрусхан говорит, что, когда она чувствует запах отца от одежды или подушки, ей кажется, будто она беседует с ним. Ты же помнишь её? Она, наверное, в жизни своей никого не обидела недобрым словом. Если есть на свете хоть один кроткий человек – так это она. Только что она сказала мне: «Передай от меня Ибрахиму большой привет и скажи, что иного зятя, чем он, мне не надо». А сейчас уже сидит здесь и сонно клюет носом, покачиваясь на стуле из стороны в сторону. Дети ее уже давно уснули.

О чем ещё тебе сказать? Этого тыквоголового Жамала назначили председателем колхоза. Он вернулся с войны инвалидом. А меня недавно в селе выбрали секретарем комсомольской организации. Я никого бы не послушалась и никогда не согласилась бы на это, если бы не настоял отец. Боюсь, что мне, женщине, не справиться с такой трудной работой, хотя в селе и комсомольцев-то осталось не так уж много. Все они в основном женщины, если не считать пяти-шести парней, вернувшихся с войны инвалидами. Наш клуб сейчас превратили в госпиталь, туда без конца привозят раненых солдат. Кто выздоровеет, того опять отправляют на

фронт. Некоторые наши девушки, научившись ухаживать за ранеными, днем трудятся в колхозе, а по ночам дежурят в госпитале: своими натруженными на пашне и сенокосе руками перевязывают раны солдат. Народ наш полон добрых надежд. Люди Нового села, забывая о своих бедах и горестях, смотрят в завтрашний день с уверенностью.

Ибрахим, я, наверное, надоела тебе уже своими бесконечными разговорами. До встречи.

Нет, я забыла сказать тебе еще об одном. На прошлой неделе комсомольцы Нового села собрали у населения двести пар теплых носков и столько же рукавиц и отправили их вам. На одной паре рукавиц вышито твое имя. Запомни, их связала я, никому их не давай и носи сам.

На этом я заканчиваю. Письмо написала Асият, дочь Жарнесова Асланбека. Ночь двенадцатого сентября 1942 года».

VII

С тех пор как умер Асланбек, прошло немало времени. Он был уважаемым человеком. Поэтому сельчане и после поминок, справляемых спустя пятьдесят два дня после смерти, продолжали приходить в дом Асланбека. Его семье по приказу председателя колхоза были выделены дрова и сено. Когда Абидат решила избавиться от домашней скотины, так как им теперь будет не под силу её содержать, председатель колхоза Жамал категорически воспротивился. «Что за разговоры, – сказал он, – как вы будете жить без молока и айрана в доме? Даже не заикайтесь об этом. Даст Аллах, пока мы живы, вы не будете нуждаться ни в дровах, ни в сене». Что зря грешить, Жамал свое обещание выполнил. Но придет ещё время, когда семья Асланбека будет значить для него не больше, чем глупый крик осла.

...Слухи о том, что немцы приближаются к Новому селу, привели в уныние его жителей. Некоторые семьи даже днем не стали выпускать своих детей на улицу. Много и таких, кто изо дня в день обивает порог правления колхоза с просьбой о том, чтобы их родственников, находящихся на далеких фермах, и тех, кого отправили копать окопы в районе Прохладного, вернули обратно. Асият и ее мать советовали невесткам повнимательнее следить за детьми, хотя эти напоминания были излишни, так как они и сами слышали о приближении немцев к селу. Но, видно, Абидат и ее дочери хотелось показать, что они беспокоятся о детях больше, чем их матери. Одна лишь Зухра не проявляет особого беспокойства. Она почти ни с кем не разговаривает и только беззаботно ходит по дому, опрятно одетая и веселая.

Как-то однажды утром Асият даже спросила её: «Ты что, каждый день моешь голову?» Но та ничего не ответила и только рассмеялась,

обнажив свои ровные и белые как снег зубы. Маленький нос Зухры чуть сморщился. В такие минуты красивое лицо её становилось ещё прекрасней и привлекательней.

В последние два дня в голове Асият зародилась страшная догадка, которая не давала ей ни сна, ни покоя. «В комнате Зухры есть мужской запах. Един Аллах, – сказала себе она. Асият почти не сомневалась в этом. – Эта пучеглазая сука опозорила нас. Как мы покажемся людям на глаза, если кто-нибудь скажет, что жена Ислама имеет любовника? Нет, надо выследить ее. Если мои догадки действительно оправдаются, я раздену ее догола и избью до смерти отцовским кнутом. Я убью её, пусть только братья вернутся живыми...»

Асият было уже подумала поделиться своими подозрениями с женой Хамита, но потом как-то не решилась. На жен Шаухала и Иссы тоже нельзя положиться: они не умеют держать язык за зубами. Да и к чему, по правде говоря, вообще нужны свидетели Асият. Грош цена секретарю комсомольской организации села, если он сам не может справиться с таким пустяковым делом. Но для Асият это дело оказалось не таким уж и пустяковым. Измученная своими опасениями и переживаниями, она наконец не выдержала и дала волю чувствам, выплескивая в слезах накопившуюся в сердце горечь.

Утром Асият вошла в комнату Зухры и явственно ощутила терпкий мужской запах.

– В твоей комнате есть какой-то сильный запах, – сказала она, нюхая воздух и брезгливо морща свой с небольшой горбинкой нос. – Клянусь матерью, здесь пахнет мужским духом. Таким запахом отдает подушка моего отца. – Асият пристально поглядела в глаза Зухры. Её взгляд как бы говорил: «Если ты сейчас же не скажешь правду, я оторву тебе шею». Но, что бы ни сказала Зухра, вряд ли Асият ей поверит. А если и поверит, она не будет считать себя виноватой и не станет извиняться перед Зухрой. Нашли того, кто будет унижаться перед собственной невесткой.

Лицо Зухры побледнело как полотно, она не могла вымолвить ни слова. Почувствовав неладное, Асият стала напирать на невестку:

– У тебя нехорошее лицо, хоть и гладкое. Я не раз слышала, что тебе и в девичестве не сиделось дома, что ты вечно шлялась где попало.

– О Аллах, девочка... Да лучше треснуть мне пополам.

– Конечно, лопнуть пополам намного лучше, чем осрамиться на все село.

– Девочка, ты берешь грех на душу... Наводишь на меня напраслину. – Зухра произнесла эти слова с гордо поднятой головой, смело глядя в глаза Асият, и дала таким образом понять, что никому не позволит задеть свою честь.

– Не бледней и не брызгай на меня слюной, – сказала Асият. – Не думай, что я не знаю, каким бывает запах в доме, где живет мужчина.

– Я понятия не имею, в каких запахах ты разбираешься лучше, но прошу: не возводи на меня того, чего нет и не было. Зря ты думаешь, что я бессловесное животное без рода и племени... У меня тоже есть и родственники, и друзья, они тебя за это по головке не погладят.

– Посмотри-ка на неё...

– Девочка, лучше не зли меня. Я никогда не уважала невесток, которые плохо живут с родственниками своего мужа. стыдно будет в глаза смотреть людям, если мы дойдем до драки и ссоры. Прежде всего позор ляжет на тех, кто нас воспитал.

Поразмыслив, Асият немного поостыла. Она почувствовала слабость в ногах и присела на кровать, но тут же вскочила как ужаленная и, брезгливо посмотрев на постель Зухры, отошла от неё и пересела на маленький табурет возле печки. Зухра не сдвинулась с места.

Наклонившись, Асият заглянула под кровать. Там было темно и ничего не видно. «Един Аллах, девочка, сейчас свалю тебя на спину и этим же стулом, на котором ты сидишь, разможжу твою голову, – подумала про себя Зухра. – Ты глянь на нее... Может, ты еще где-нибудь у меня пороешься».

– Здесь есть мужской запах, – сказала снова Асият, приподнимаясь и расправляя руками подол платья.

Вдруг ей почему-то стало не по себе, к горлу подступила тошнота, в сердце почувствовалась слабость. Но Асият быстро овладела собой.

– Девочка, ты возводишь на меня напраслину, – сказала ей Зухра.

– Пусть Аллах заберет мою душу, если это так, – ответила Асият.

– Ты комсомольский секретарь, не имеешь права клясться Аллахом. А если ты считаешь себя мусульманкой, то, как говорят люди, нет большего греха, чем клевета. Подумай о потустороннем мире.

– Я не тороплюсь на тот свет. Тех, кто спешил, мы уже туда проводили. А ты подумай, прежде чем говорить.

После этих слов Асият вздрогнула и напрягла все свое внимание. Она услышала мужской кашель. Асият так напрягла слух, что не заметила, как у нее отвисла нижняя челюсть и широко раскрылся рот. Зухра хотела что-то сказать, но она резко подняла руку, давая ей понять, чтобы та не смела даже дышать.

– Ты что, рехнулась, девочка? – сказала Зухра.

– Не разговаривай, – оборвала ее Асият.

Зухра и сама услышала звук кашля, но, пытаясь отвлечь внимание Асият, быстро стала говорить все, что приходило на язык:

– Девочка, мне кажется, что нынче зима будет очень холодной. Я слышала об этом от нашего бедного отца, царствие ему небесное, и от других тоже. Но с нами будь что будет, только бы братьям твоим не пришлось туго. Как ты думаешь, им выдали там теплую одежду?

– Закрой рот, бесстыжая. Не бойся, ни жара, ни холод тебе ничего не сделают. Таких, как ты, и Аллах не сможет забрать.

– Люди, что вы ей скажете?! Что это за дела? Пришла ко мне в дом, оклеветала меня, еще и на меня же прыгает. Ты, я вижу, не ценишь и не понимаешь моего уважения. А ну-ка, убирайся отсюда. Что ты устави-лась? Я говорю серьезно.

В это время снова послышался тот же кашель.

– Ага, попалась, шлюха! – злорадно воскликнула Асият. – Кто это? Скажи, кто? Или ты и теперь будешь отпираться? Что ты молчишь, как свинья? Теперь ты почему-то не прыгаешь на меня. Скажи, чтоб он вышел сюда. Я не людоедка. Я только хочу увидеть человека, который посмел играть нашей честью. Что ты молчишь?

Опустившись на колени, Асият снова заглянула под кровать. Там никого не было. Она открыла шифоньер – и там никого. Затем Асият подбежала к вешалке у двери и отодвинула в сторону висевшие на ней пальто и шубу, но и тут никого не было.

«О Аллах, ну что за дела, – сказала самой себе Асият, – что за дела? Не сошла же я с ума? Ведь сама же слышала. А второй раз кашель раздался совсем рядом».

– Ты слышала? – спросила Асият Зухру. – Кашель слышала? – Волосы Асият выбились из-под платка, чулки сползли, подол платья, на который она опустилась коленями, измялся.

– Ты не обижайся, но мне очень жаль тебя, – сказала спокойно Зухра. В её голосе не было страха. – Разве нет в селе, кроме тебя, таких, у кого умер отец, а братья ушли на войну? По-твоему, все они должны сойти с ума? Сегодня все село надеется именно на таких, как ты, девушек. Все только и говорят о том, какую большую работу проделали в этом году наши комсомолки. Я своими ушами слышала, как, называя твое имя, говорили, что председателем колхоза нужно было назначить её. А ты бесишься здесь с утра и попусту растравляешь душу и себе, и мне.

На беду Зухры в этот момент снова послышался кашель.

– Вот еще, – встрепенулась Асият. Родись у нее сейчас брат, она бы, наверное, и ему обрадовалась бы не больше, чем этому звуку. – Ну что, ты опять будешь клясться? Молчишь, потаскуха, собачье отродье!

– Я не потаскуха...

Не сказав больше ни слова, Зухра, пошатываясь, подошла к кровати и упала на нее. Обхватив руками подушку и прильнув к ней лицом, как усталый путник к источнику, она с жадностью и наслаждением стала вдыхать её запах.

Увидев это, Асият взбесилась. Бросившись к Зухре, она схватила ее за волосы и стала бить ее головой о подушку. Затем она отпустила волосы невестки, отбежала к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, громко и надрывно зарыдала. Ей теперь казалось, что она действительно

сошла с ума. Как же иначе объяснить, что она в одной-единственной комнате не видит человека, отчетливо слыша в то же время его кашель? «Зухра говорит правду, – думала Асият, – я действительно сошла с ума».

Услышав плач дочери, Абидат испугалась и, спотыкаясь на каждом шагу, бросилась в комнату Ислама. Она не любила заходить туда, где живут невестки. А если у неё бывало к ним дело, она громко звала их с улицы. Сейчас Абидат было не до своих правил. Она ворвалась в комнату сына, не помня себя от страха.

– О Аллах, что случилось? – стонала она. – Что случилось, доченька?

– Ничего не случилось, – ответила Асият, не поворачиваясь к матери. – Ничего не случилось. Что ты мечешься, встречая куда надо и не надо?

– Да я что, из камня или дерева сделана? На твой плач останавливаются прохожие на улице. Если ты плачешь по отцу, то плачь у себя дома. А если есть какая-то другая причина, расскажи, объясни... Зачем привлекать внимание чужих людей?

Асият, казалось, не слышала слов матери. Повернувшись к Зухре, она грубо сказала:

– Завтра приготовься выйти на комсомольскую ферму. Днем и ночью будешь находиться там: доить коров, пасти скот, таскать навоз.

– Что ты такое говоришь, – сказала Абидат, жалобно глядя в глаза Асият. – Как это она, женщина...

– Ничего, – перебила её дочь, – женщины, работающие на ферме, не хуже, чем она. У неё в доме нет ни детей, ни беспомощных стариков. Так что переживать не о чем. Пусть идет. Фронту нужны мясо, масло.

– А почему ты сама не идешь работать на ферму, если уж так пещешься о фронте? – съязвила Зухра.

– Что ты, как ты разговариваешь, невестка? Что скажет тот, кто услышит это? – испуганно затараторила Абидат. – Аллах-Аллах, у теперешней молодежи нет ни стыда ни совести.

– Мама, я делаю, как она, – сказала Зухра. – Если бы ты слышала, что она сегодня мне наговорила, ты сама бы плюнула ей в лицо. Что только она не плела. Она просто рехнулась.

После этих слов Асият быстро стала озираться вокруг. Голова её закружилась, она беспомощно замахала руками. Асият подумала, что с ней действительно случилась беда.

– С ума ты сама сходи, – строго сказала Абидат, раздраженная бестактным поведением невестки. – Должна же быть какая-то совесть и честь. В этом большом опустевшем доме она осталась единственной моей опорой. А ты поливаешь её грязью, хочешь лишить меня последнего глаза.

– Не переживай, мама, – сказала Асият, надевая на голову платок, подтягивая сползшие чулки и разглаживая руками помявшийся подол платья. – Она только себе делает хуже, а до её болтовни мне нет никакого

дела. Сегодня я буду на пленуме в райкоме. А завтра мы пошлем группу людей на комсомольскую ферму.

Асият произнесла последние слова уже у двери. Но только она переступила порог, как снова раздался звук кашля. Асият невольно отступила назад. Некоторое время она стояла молча, оглядывая все кругом и напрягая слух. Затем долгим взглядом посмотрела в глаза матери. Но та, не понимая поведения дочери, стояла как вкопанная.

– Девочка, что с тобой? – произнесла она удивленно.

– Ты что-нибудь слышала? – спросила Асият у матери, снова оглядывая комнату чуть прищуренным внимательным взглядом.

– Что значит: слышала – не слышала? О чем ты? – сказала Абидат удивленно.

Асият заметила на лице Зухры презрительную усмешку и тут же быстро вышла из комнаты.

Абидат осталась наедине с Зухрой. Вдруг в двух шагах от двери зашевелилась и затем приподнялась деревянная крышка подвала, в котором хранился картофель, и оттуда высунулась чья-то голова. Увидев её, Абидат беспомощно опустилась на порог. Из подвала вылез Ислам и бросился к матери. Крепко прижавшись лицом к ее груди, он заплакал, словно дитя. Зухра быстро закрыла дверь на крючок и задернула занавески на окнах. Абидат гладила сына по лицу, по голове, но не пролила ни слезинки. За одну минуту лицо ее переменялось сотню раз. Но она ни о чем не будет спрашивать сына. Материнское сердце давно уже предчувствовало такую развязку.

«Ислам, спасая собственную шкуру, ты сбежал с фронта. Позор твоей трусливой душонке, которую ты оценил гораздо выше, чем души своих братьев, – говорила про себя Абидат. – Не смотри мне в глаза, я не хочу видеть твоего лица. Люди проклянут твое имя. Мать твоя проведет остаток своих дней в тайной тоске и неизбывном горе». Абидат резко подняла голову и посмотрела в лицо Ислама. Ее глаза были полны ненависти и отчаяния. «О, мать моя, о, я несчастная, как глубоко засела в моем теле душа, – со стоном сказала Абидат сыну так, что её услышала и Зухра. – Может, минует тебя, Ислам, и пуля, и сабля».

Но Ислам подумал, что мать говорит эти слова, снова вспомнив о смерти Асланбека.

– Мама, почему на наш дом обрушилась такая беда, – сказал он, прижимаясь щекой к щеке матери.

«Беда обрушилась еще в день твоего рождения», – чуть было не сказала Абидат.

– Почему ты молчишь, мама? Или ты недовольна моим возвращением?

Прижав голову сына к груди, Абидат беззвучно прослезилась. Заплакала и Зухра.

После побега с фронта Ислам жил, уподобившись зверю, попавшему в страшный капкан и не имевшему никакой возможности из него выбраться. Днем и ночью его терзали жестокие душевные муки, хотя он всячески старался скрыть свои чувства. А сегодня, увидев в глазах матери ненависть, он до конца ощутил степень своего падения.

Абидат вдруг внезапно перестала плакать и резко оттолкнула от себя голову сына. Затем, вытерев заплаканное лицо цветастым передником, пристально посмотрела в глаза Ислама. В эту минуту в её взгляде смешивались и ненависть, и жалость. Прежде всего ей жаль его как родного сына. Её сердце болит от осознания того, что Ислам по своей глупости, трусости ли приставил нож к собственному горлу. Кроме того, она думает о чести рода. Абидат хорошо знала, какие унижения ждут того, кто предает советскую власть или становится ее противником. Да и можешь ли ты ждать добра от людей, от власти, если ты посмел посягнуть на свободу, завоеванную кровью народа, если ты занимаешься темными делишками втайне от односельчан, если ты стал врагом тех, кто ради новой жизни не жалел ни себя, ни своей крови. Мы и так слишком долго терпели таких. Да Исламу и самому все это хорошо известно. Даже старая Абидат с её уставшим от горя рассудком понимала, что любое проявление трусости, подлости, предательства в этот трудный для страны час равносильно открытому выступлению с оружием в руках против Красной Армии. Именно так и сбивают людей с правильного пути, вселяют в их сердца и умы панику.

Абидат вскочила на ноги так легко и быстро, словно она была моложе по крайней мере лет на двадцать. Она схватила в руку веник, стоявший в углу возле двери около потускневшего от времени серебряного кумгана. Абидат не раз слышала поверье о том, что если человека ударить веником, то он превратится в ведьму. Очевидно, вспомнив об этом, она не стала бить им сына, как собиралась вначале, а запустила его куда-то в сторону. Веник попал в Зухру. Сморщившись от боли и схватившись руками за левый бок, она медленно опустилась на корточки. «Будь проклята ты и твой сын», – тихо сквозь зубы прошептала она. И тут же, подумав, что ее могут услышать, испуганно посмотрела на мужа и на его мать.

– Что ты теперь думаешь делать? – спросила Абидат сына, не обращая никакого внимания на Зухру. – С каким лицом ты встретишь своих братьев? Ты вернулся и прячешься здесь, в подвале, в то время как весь народ воюет с врагом, проливая свою священную кровь. Уж лучше умереть, чем жить так. Лучше бы мы получили весть о твоей гибели. Или ты вернулся, не перенеся разлуки с этой вшивоголовой? – Абидат указала худой дрожащей рукой на Зухру. – Отвечай, что ты молчишь?

Зухра была согласна со всем тем, что говорила свекровь сыну, и с осуждением глядела на Ислама, но, когда Абидат задела ее саму, она переменилась в лице. Она два-три раза открыла было рот, чтобы воз-

разить свекрови, но всё же не решилась лишний раз растревлять сердце старой женщины и без того измученное горем. А ненависть к Исламу росла в душе Зухры с каждой минутой, словно она только теперь стала по-настоящему понимать истинную суть его поступка. На какое-то мгновение ей всё же становилось жаль несчастного Ислама, который едва держался на ногах, с опущенным и почерневшим, как земля, лицом. Но стоило ей представить, какими словами будут клеймить их семью односельчане, как в её сердце снова закипала ненависть.

– Мама, пожалей его хоть немного... Он и без того так измучен раскаянием, что не смыкает глаз по ночам. – сказала Зухра. – Того, что сделано, уже не вернуть. Не отречешься же ты от сына?

– Если он раскаивается, то выход найти нетрудно. Пусть пойдет и сам всё расскажет: мол, осознал я свою ошибку и поступайте со мной так, как считаете нужным. Пусть делает, что хочет, только не показывается мне на глаза.

Услышав звук шагов в коридоре, Абидат замолчала. Из-за двери послышался раздраженный голос Асият:

– Что ты до сих пор здесь делаешь, почему не идешь домой?

– Сейчас иду, – громко ответила Абидат. – Сейчас. У меня есть разговор с невесткой.

– Она нам больше не невестка. – Асият потянула за ручку двери, но та была заперта на крючок. Асият разозлилась.

– Мама, ты никогда ещё в жизни не поступала как надо, – сказала она и затем шепотом добавила: – Чтоб у тебя в горле застряли слова, которые ты пытаешься скрыть от меня.

– Открой же! – громко крикнула она после некоторого молчания.

Не стыдясь ни матери, ни жены, Ислам снова поспешил прыгнуть в погреб.

– Мы открыли, входи, – сказала Абидат дочери. – Что, мы здесь кушаем, что ли, спрятавшись от тебя?! Просто я возилась с дверным крючком и нечаянно закрыла его.

– А о чем ты с тех пор беседуешь с этой умной женщиной? Очень интересно было бы узнать.

– Оставь, ничего завидного нет ни в наших разговорах, ни в нас самих, – сказала Абидат. – Ничего завидного нет.

Абидат и Асият вышли. Зухра осталась стоять посреди комнаты. Она думала об Асият, и сердце ее наполнялось ненавистью. «Что за несправедливость! – размышляла она про себя. – Сбежавший с войны брат – её. Опозорил меня, своих родителей, братьев и сестру – тоже он. Я же живу в постоянном страхе, дрожа при каждом звуке шагов или человеческого голоса. Да ещё мне же и приходится выслушивать и тер-

петь всякие унижения, оскорбления и проклятия от его сестры. Нет уж, позорная семейка. Попробуй теперь хоть слово мне сказать, если душа в тебе шевелится. Я не позволю больше топтать свою честь, пусть хоть пупок твой развяжется».

Обрадованная возвращением Ислама, Зухра поначалу была счастлива и проводила все ночи в его объятиях. Но сейчас ей не хотелось его даже видеть. Она думала о нем, как о блудном псе.

«Какую непростительную ошибку совершил этот глупый чурбан, – думала Зухра. – Позор отцу твоему. Как ты мог сбежать, спасая свою грязную душонку и оставив там товарищей под пулями и снарядами?» С этими словами Зухра решила пойти и рассказать всё как есть начальству села. Посмотрим, как тогда поведет себя эта спесивая Асият. Зухра не понимала до конца, кому она сделает хуже своим признанием. Наверное, ей хотелось насолить только Асият.

– Выходи сюда, – сказала она изменившимся голосом, поднимая крышку погреба. – Выходи сюда, жалкий трус. Сумел напакостить, умеи и отвечать за это. Сейчас же иди и сам во всем признайся: расскажи о своем позоре... Иначе пойду я.

– Что ты такое говоришь, милое дитя? – с трудом произнес Ислам.

Руки его задрожали, ноги подкосились, всё тело охватил лихорадочный озноб. Сейчас его вид вызвал бы жалость даже у самого лютого врага. Но Ислам и теперь не подумал о том, что было бы гораздо лучше и легче умереть за Родину, чем сносить такое жестокое унижение. Он не вспомнил и о том, что ему придется отвечать перед народом за свою трусость и малодушие. Он думал только о том, что его снова могут послать на войну, и эта мысль приводила его в ужас.

– Зухра, не выдавай меня, – проговорил он, пытаясь взять себя в руки и немного успокоиться. – Поверь, если ты веришь в единство Аллаха, я так поступил, потому что не в силах снести разлуки с тобой.

Тут Ислам быстро подбежал к двери, закрыл её на крючок и, упав на колени перед Зухрой, обхватил ее ноги руками. Этот недостойный мужчине жест вызвал в душе Зухры улыбку. Но она наклонилась и поцеловала мужа в голову. По лицам Зухры и Ислама покатались слезы. Они долго молча стояли на коленях посреди комнаты, крепко обняв друг друга.

Но вдруг, о чем-то вспомнив, Зухра вскочила на ноги и посмотрела сверху вниз на Ислама. В ее глазах снова появилась ненависть. «Кто – он, кто – я», – подумала даже она, брезгливо глядя на мужа. Сейчас он казался ей ничтожнее земляного червя. Когда-то Зухре нравились мужество, смелость и ловкость Ислама. Именно за это она и полюбила его. Но сегодня Ислам, совершивший такое, что Зухре и во сне никогда не могло бы присниться, стоит перед ней на коленях, боясь поднять голову и не смея произнести ни слова. Он знает, что с ним может произойти, если он хоть единым словом обидит Зухру. Поэтому он и молчит. Ислам ни

на секунду не забывает о том, какие беды его ждут, если Зухра пойдет и расскажет о нем всё как есть.

– Что ты думаешь делать дальше, как говорит мать? – спросила Зухра. – Ты понимаешь, что сейчас даже дом твоего отца стал твоим врагом? Если твоя родная сестра узнает, что ты здесь, наш дом тотчас же окружают солдаты...

Ислам молчал. Чтобы не слышать слов Зухры, он сидел, крепко зажав уши дрожащими ладонями. Но Зухра наклонилась и, схватив его руки, с силой опустила их вниз. Затем она сказала:

– Ты слышишь, что я говорю? Что ты думаешь делать? Чем сидеть здесь, дрожа от собственной тени, словно женщина, лучше пойди куда надо и расскажи всё как есть. Неужели ты не можешь придумать какую-нибудь причину, пропади твой дом пропадом? Скажи, наконец, что ты вернулся домой, услышав о смерти отца.

Исламу в жизни не могло прийти в голову, что ему когда-нибудь придется выслушивать такие унижительные слова от собственной жены. Он, Ислам, некогда считавший себя самым смелым, самым аккуратным, самым красивым парнем села, был похож теперь на облезлую мокрую кошку. Весь помятый, небритый, он сидел сейчас перед женой с беспомощно опущенными плечами и низко поникшей головой. С глаз его не сходили слезы. Ислам раньше никогда в жизни не брал в руки табака. А теперь, выбираясь каждый вечер через заднее окно дома на улицу, он выкуривал за одну ночь набитый доверху кисет махорки. Курить в доме Ислам боялся.

– Если бы я раньше знала, что ты такая размазня, я в жизни бы тебя к себе не подпустила, – сказала Зухра. – Такие, как ты, предадут врагу и свой народ, и свою землю.

– Великим Аллахом прошу, не говори никому, Зухра, – грустно сказал Ислам, поднимаясь с места и беря жену за руку, как бы прося у нее помощи.

Но Зухра, отстранив его руку, отошла в сторону от мужа.

– Я боюсь твоей ядовитой сестры, – сказала Зухра. – Она не постыдится всунуть мою голову в пекло, если узнает, что я столько времени прятала тебя... Клянусь Аллахом, я боюсь ее!

– Ну тогда иди и выдай меня, – сказал Ислам. – Ешьте меня живьем... Я жить хочу!

– А те, кто погибли на войне, не хотели жить? Разве твои и мои братья не хотели беззаботно сидеть у родных очагов подле своих детей и жен? Не позор ли дорожить своей жизнью больше, чем жизнью родного брата?.. Куда лучше было бы умереть.

– Ничего не говори, прошу тебя.

Зухра замолчала и долго глядела на Ислама. Ей от души стало жаль этого несчастного человека.

Здоровый мужчина не повяжет на голову платок, говорится в народе. Так и Ислам: не осознавай он своей вины или будь у него какая-либо веская причина для её оправдания, он не превратился бы в безропотную мишень для женских оскорблений и насмешек. Теперь одна только надежда дает ему силы жить: не сегодня-завтра передовые части немцев достигнут Нового села. Ислам не сомневается, что они обоснуются здесь навсегда. А если будет так, народ еще позавидует Исламу. «Будь я проклят, – думает он, – если Зухра посмеет тогда повыситься на меня голос. Что будет с Асият, тоже неизвестно. Если она не заткнется, немцы быстро заставят её забыть о своем комсомоле». Вспоминая об издевательствах сестры над Зухрой и о том, что она могла бы выдать брата, узнай, что он здесь, Ислам приходил в бешенство. Ему казалось, что если бы немцы вешали Асият на его глазах, то он равнодушно и молча наблюдал бы за казнью. Но пока мечты Ислама оставались мечтами.

...Узнав, что Зухра не поехала на ферму, Асият пришла домой злая. Прежде чем встретиться с невесткой, она поговорила с матерью. Абидат всячески старалась уговорить дочь, чтобы та не посылала Зухру на ферму.

– Ты даже ноги своих невесток любишь больше, чем меня, – обиженно сказала Асият. – Почему я вам всем кажусь такой злой? Что я вам сделала? Мне уже надоело терпеть!

VIII

В дни, когда Асият получила письмо от Ибрахима, народ Нового села жил тревожным ожиданием: сюда со дня на день могли прийти немцы. После ветра идет дождь, говорят в народе, а народные пословицы всегда сбываются. Да и кто помнит, чтобы плохая весть оказывалась неправдой.

Слухи о том, что немцы идут, сжигая все на своем пути, убивая мирных жителей, среди которых есть даже женщины и дети, и что они берут к себе в услужение всяких трусливых подонков и предателей, всё чаще доходили до Нового села. Но, к счастью, здесь пока не было видно людей, желающих перейти на сторону врага.

Ходили разговоры о том, что местные активисты и коммунисты собираются покинуть село до прихода немцев. Такая мысль была и у Асият. Но её мать не думала и не собиралась расстаться с дочерью.

– Даже не помышляй об этом, – твердо сказала Абидат дочери. – Ты не сделаешь из дому ни одного шага. Пусть кто хочет уходит, кто хочет приходит. А тебе, женщине, и здесь никто ничего не сделает. Что ж ты думаешь, немцы не видели таких, как ты?

– Что ты этим хочешь сказать, мама?

– Я хочу сказать, что они не должны поднять руку на женщину.

Асият не стала заводить разговора. Кто знает, то ли она согласилась с доводами Абидат, то ли подумала, что не стоит делать поспешных шагов, но спорить с матерью не стала.

Все же Асият дали понять, что ей в селе нельзя оставаться. Но как поступить бедной женщине? Как ей, спасая собственную жизнь, оставить в пустом холодном доме старую мать?

С тех пор как умер Асланбек, Абидат настолько сдала, что не может, не спотыкаясь каждый раз о порог, внести в дом ведро воды. А в последние два года она ни разу не подходила к печи и не занималась стряпней. Однажды Асланбек, вернувшись голодным из леса, куда он ездил за дровами, не нашел в доме готовой еды. Когда он упрекнул жену, та наговорила в свое оправдание столько всякой всячины, что вконец заморочила мужу голову. «Если бы у тебя и руки работали, как твой язык», – сказал тогда жене Асланбек, намекая на то, что она обязана была приготовить еду для мужа, уставшего на тяжелой работе. Но Абидат нашла что ему ответить. «Что не под силу языку, то не под силу и рукам», – сказала она. Асланбек не стал спорить с женой. Он знал, что из этого ничего не выйдет.

Несмотря ни на что Асият решила не оставлять мать одну. Единственное, что её беспокоило, так это письмо, полученное от Ибрахима. Оно вселило страх в сердце Асият.

«Пусть день твой будет ясным, Асият! Тепло твоих добрых рук, написавших мне такое прекрасное письмо, вселяет в мою душу уверенность. Какая ты умница! А я даже не решаюсь посылать тебе письма. Боюсь, что ты посмеешься над тем, что я не умею их писать. Асият, весть о том, что отец наш умер, меня бесконечно опечалила... Не знаю, как вы даже решились предать земле тело такого человека... Я не могу говорить, слезы наворачиваются на глаза.

Ты спрашиваешь об Исламе, но я о нем ничего толком не знаю. С тех пор как мы расстались, прошло немало времени. Его перевели куда-то в другое место.

Не обижайся, писать дальше нет возможности. В конце хочу попросить тебя: я знаю, что враг приближается к нашему селу, и прошу: не попадайся в руки фашистов. Они не пожалеют таких, как ты.

Прошу также сходить к нам домой и узнать, как там мои. И обо мне им расскажи. Своей матери и невесткам передай привет.

Ты только не смейся, Асият, но дороже, чем ты, у меня нет человека во всем мире.

До встречи. Ибрахим. Сентябрь 1942 года».

Это письмо Ибрахима было последним.

Ибрахим знал, что Ислам, испугавшись за свою жизнь, растоптал собственную честь. Тот и его уговаривал уйти вместе с собой. А когда

Ислам сбежал, Ибрахима стали донимать бесконечными допросами. «В ту ночь ты был вместе с ним», – настаивали особысты. Но он упорно отвечал, что ничего не знает, и не говорил больше ни слова. Уже потом, после гибели Ибрахима, товарищи извлекли из его кармана небольшой блокнот, где были записаны такие слова:

«Я терпел лютую стужу долгих вьюжных зимних ночей. Я терпел, когда взрыв вражеского снаряда вздыбил мою священную землю и меня с головой засыпало глиной. Я терпел, когда шальная пуля безвременно оборвала жизнь моего лучшего друга Эреша, который сидел тогда рядом со мной и хлебал солдатские щи из походного котелка. Я испытал тяжесть разлуки с Асият, которая молча ушла из моего дома и потом напрочь отказалась вернуться обратно. Я помню, как мои товарищи еле спасли меня, когда я упал в воду во время переправы через Дон и чуть было не утонул. Я терпел всё. Но угрызения совести, которые я испытываю от того, что скрыл подлый поступок Ислама, доводят меня до отчаяния. У меня нет ни стыда, ни человеческого достоинства. В жизни существуют и старость, и смерть. Я стерплю их. Таков закон жизни. Но терпеть душевные муки из-за Ислама у меня нет сил, и нет мне прощения.

Как бессовестно я тогда отпирался, говоря: «Вы несправедливо меня подозреваете, я не видел Ислама». А он, собака, опозорил весь наш народ. Горец учится у горца терпеть трудности, беречь честь и достоинство. А он разве об этом думал, разве взял во внимание? Наверное, даже горы, камни родной земли проклинают его за это. Но нет, пусть они проклинают меня. Если я настоящий мужчина, я должен был отвратить Ислама от неверного шага. Или же, если уж так случилось, я должен был хотя бы сообщить обо всем куда следует. Я не сделал ни того, ни другого. И поэтому сегодня я не смею причислить себя к роду человеческого. Так мне, глупому, и надо. Пусть умрет страшной смертью этот Ислам, из-за которого мне пришлось испытать такие тяжелые муки. А за свою вину я все равно отвечу перед законом и людьми...

Я обращаюсь с просьбой к тому, кто первым прочтет мою записку: если тебе будет под силу, сообщи о моем раскаянии моему народу. Иначе могила моя разверзнется, а Ислам, если он жив, посмеется в душе надо мной... Нет прощения таким, как я».

Ислам в глубине души понимал, что осквернил землю, которая вскормила его. И все же не смог утаить свою радость, когда узнал о том, что в село вошли немцы. Он во всем теле почувствовал какую-то легкость, будто крылья у него выросли. Часто стал улыбаться самому себе, обнажая пожелтевшие от табачного дыма крупные зубы. Но на улицу выходить он пока не решался, боялся чего-то, хотя солдаты в серо-зеленых мундирах и железных касках казались ему не такими уж страшными.

Ислам теперь ни чуточки не сомневался, что на небосклоне человеческого счастья загорится и его звезда. А Зухра пока ничего не должна знать о его таинственных надеждах, надо стараться быть более сдержанным. Все же Ислам сознавал, что от Зухры трудно скрыть свои намерения, уж больно она пронизательна. Ему кажется, что женщина видит его насквозь, потому и отворачивается при встрече с ним, одаривая его сердитым взглядом своих черных глаз.

С приходом чужестранцев село приняло какой-то иной облик. Без особой необходимости никто на улицу не выходит. Никому не хочется встречаться с незваными гостями. Не с добром они пришли сюда, обливая землю своей и чужой кровью. Люди это знают и, чтобы не привлечь к себе внимания, ходят, опустив глаза. Одежда на них изодрана, словно собаки их рвали. На ногах у стариков чабуры из сыромятной кожи, из которых торчат грязные клочья соломы. Такую обувь раньше носили самые бедные. Женщины довольствовались тряпочными чулками, а осень уже дышала холодом. Мало кого увидишь в пальто, у большинства на спины накинута пахнущие плесенью старые вязаные платки из грубой шерсти.

В жизни сельчан произошло еще одно изменение: в несколько раз увеличилось число желающих ходить на вечернюю молитву. Видимо, ряды богослужителей пополнили те, кто своей преданностью исламу рассчитывал на снисходительное отношение суроволицых пришельцев, дрожал за свою шкуру. В угоду кому совершали пятикратный намаз эти «служители культа» – Аллаху или немцам, гадать не было нужды. Их единственной целью было выжить любым способом. Разными были люди, вдруг превратившиеся в «истинных мусульман». Вместе шептали суры из Корана и те, кто своим недостойным поведением и злым языком попортил немало крови односельчанам, и те, кто, как говорится, в жизни и мухи не обидел. Тогда их всех объединяло одно общее – страх перед грозной силой, боязнь попасть в немилость к хозяевам «нового порядка». И никто ни за кем следить пока не собирался.

Немцы согнали жителей села на сход. Высокорослый офицер с рыбыми глазами, широко расставив ноги, заложив руки за спину, держал речь: «Мы пришли сюда не как поработители, а как освободители народов от большевистского ига. Мы принесли вам свободу, равенство, справедливость. С сегодняшнего дня у вас колхоза нет и никогда больше не будет, вы будете жить по своим горским обычаям и нравам».

Одним из первых, кто взял на веру обещанную гитлеровским офицером райскую жизнь, был Ислам. «Бедный Асланбек, – подумали многие из присутствовавших на сходе, – не жалея сил, ты боролся за советскую власть, много трудов отдал семье, и все зря...» Но вряд ли тогда кто-

нибудь осмелился выразить свою мысль вслух – это было небезопасно. А погибнуть не за понюх табаку никто не хотел.

Ислам, обшарив глазами всех собравшихся на сход земляков, высоко поднял голову и подставил лицо свежему ветерку со стороны гор, будто он один мог подсказать ему, как сейчас поступить. «В моё село пришла большая беда. Похоже, что и здесь не обойтись без кровопролития. Сейчас в мире нигде нет спокойного уголка. За горем рождается новое горе. Но всё-таки лучше быть живым воробьем, чем мертвым орлом. Пусть болтают что хотят, а я хочу жить...» Так про себя подумал Ислам и, обратившись к собравшимся, сказал:

– Вы сами видите, что к нам пришли почетные гости. Не надо думать, что сегодня они здесь, а завтра их не будет. Они, слава богу, неплохо жили у себя дома, от голода и холода не страдали. Таким малочисленным народам, как наш, немцы зла не причинят, в этом вы убедились сами, ведь никого же они не трогают, ведут себя нормально. А раз так, то и мы должны быть к ним доброжелательны. Испокон веков балкарцы чтили гостя, ничего для него не жалели. И мы не ударим лицом в грязь. Надо помочь им продуктами. У каждого из вас дома найдется немного мяса, масла, яиц. Должен вас предупредить: каждого, кто окажет малейшую помощь партизанам, пустит их в свой дом – будь то родной отец, или родной брат, ждет виселица. Помните, жадность добром не кончится. Проявите традиционное горское гостеприимство, не принуждайте германских солдат применить силу. Ваша жизнь дороже ваших овец. Об этом должен знать и стар и млад.

Никто из собравшихся не вымолвил ни единого слова, как будто все в рот воды набрали. Кто-то дрожал за собственную шкуру, кому-то заткнула рот боязнь за семью, за детей. Конечно, не отдашь добровольно, возьмут силой – это понимали все.

Молчание нарушил рыжеватый сухошавый старик. Поглаживая седые усы, он озирался то на Ислама, то на немецкого офицера. «Слава всемогущему Аллаху, – произнес аксакал, – не оставил он нас в беде, не обделил счастьем. Ислам, сынок, откуда ты взялся? Хорошо, что ты здесь. Твой отец с умом руководил нашим селом. Теперь настал твой черед. С сегодняшнего дня ты должен взять власть в свои руки, а мы будем верно служить тебе».

Старик, зашуршав полами своего латаного тулупа, с помощью посоха полуобернулся сперва направо, потом налево, окинул подслеповатыми колючими глазами собравшихся, но, не увидев никого, кто бы шелохнулся с места, поднял голову. Потом он устремил свой взор на Ислама и, встретившись с его злым взглядом, понял, что тот с трудом сдерживает гнев.

«Выживший из ума старик, – подумал в сердцах Ислам, – какое твоё собачье дело до моего отца. Асланбек был коммунистом, зачем надо было сегодня упоминать его имя. Это мне только во вред...»

– Ты чего разболтался, старый хрыч! – рассердился Ислам. – Кто тебя уполномочил выбирать руководителя села? Разве я просил тебя? Или нет для этой должности более достойных людей, чем я? В одном ты прав, нам и вправду засветило солнце. Но это не все правильно понимают. Для этого надо обладать трезвым умом.

Аксакал и сам пожалел, что наговорил лишнего, и похвальных слов Ислама в свой адрес даже не расслышал. Из собравшихся никто толком не знал этого старца. Кто-то громко, чтобы старик слышал, сказал, что этот «агитатор» из соседнего селения не вытерпел, пока немцы придут к ним, сам пришел им навстречу. Готов от радости взлететь до небес. Поняв, что дело принимает плохой оборот, старик заерзал: бежать бы сейчас отсюда, да неловко как-то, но и выдержать косые взгляды людей было невмогуту ему. У него пересохло в горле и больше он не смог выдать из себя ни слова.

– Есть желающие выступить? – спросил Ислам.

Все подняли головы, а руки – никто.

– Ты объяснил достаточно ясно, – послышался чей-то четкий голос.

Все остальные молчали, словно онемели.

Затем Ислам через переводчика обратился к немецкому офицеру, есть ли у него что сказать собравшимся.

– Нет, – последовал ответ.

Офицер, по всей вероятности, был доволен выступлением Ислама. Иначе он так крепко не пожал бы ему руку. Рукопожатие гитлеровца Ислам принял как знак благодарности за верность новым хозяевам.

Этим и закончилось собрание. Люди разошлись мгновенно, как будто ветром их сдуло. Ни один даже не обернулся назад. В тот момент они вздрагивали от шелеста срывающихся с деревьев листьев. Казалось, и солнце светило не так, как раньше, не было от него тепла.

Не осталось тепла и между людьми. Все были охвачены страхом и тревогой. Убежать бы куда глаза глядят, но куда? Одни выражали сожаление, что не ушли с партизанами в горы, другие же считали, что это не самый лучший выход, ибо действий со стороны партизан пока не видно. О каких партизанах можно говорить, коль немцы спокойно разгуливают по нашим улицам.

Кто бы что ни говорил, одно ясно: горюшка хлебнуть придется. Более сознательные готовы взяться за оружие, смерть их не страшит, страшно другое – если трусы и неустойчивые элементы начнут предавать своих. Тогда село погибнет, и некому будет оплакивать мертвых, зарастут его улицы бурьяном, потухнет огонь в очагах. У балкарцев говорят: если по покойнику не пролиты слезы, он умирает дважды.

...Когда услышали, что немцы увели на допрос Асият, люди встретились не на шутку. Если уж незваные гости при Исламе издеваются над Асият, то что же будет с другими?

– Человек должен в обязательном порядке исповедовать какую-либо религию, – резким тоном сказал Ислам сестре, чем вызвал удовлетворение немецкого офицера. – По-моему, лучше быть мусульманкой, чем гяуром, зря ты упираешься. Надо быть покладистой, немцы ничего худого нам не желают. Так будет лучше и для тебя, и для меня. И мать успокоится. От тебя многого не требуют, побеседуй с женщинами села, разьясни им, что германские войска пришли к нам с одной лишь целью – освободить нас от большевистского ярма. Неужто это так трудно? Асият, прошу тебя, не молчи, они хорошо знают, кто ты. Нам твоя жизнь дороже всего, если с тобой что-нибудь случится, у матери разорвется сердце, а комсомольцы твои завтра же забудут тебя. Сейчас не до тебя, каждый ищет способ выжить, ты же сама видишь.

Асият, подняв голову, в упор посмотрела на брата. Её прекрасные черные глаза горели жгучей ненавистью к гитлеровцам и к родному брату. Разгневанный молчанием сестры, Ислам заметался, не зная, что предпринять, от прилива крови лицо побагровело, у него даже помутилось в глазах.

Асият, заметив беспомощную ярость брата, ещё выше подняла голову, с ее уст сорвалась легкая улыбка. Она радовалась своей победе. Перед ней – враг советской власти, и этот поединок она должна выиграть.

Несколько минут Асият не сводила глаз с Ислама, ища в нем сходства с отцом. Она нашла, что он очень похож на отца, и ей стало жалко его. Как они любили друг друга, а сегодня стали врагами...

С приходом немцев Ислам не переступил отчего порога. Хочу кызы (так иногда звали мать Ислама) отказалась от него, не пускала его в дом. А теперь, когда ее кровинка Асият в опасности, она из кожи лезла вон, чтобы угодить сыну. Хороший кусок мяса оставляла ему, старалась сытно покормить его.

– Мы были полной семьей, – сказала она однажды Исламу, – теперь у меня ты да Асият. Любите друг друга, умру недовольной вами, если даже косо посмотрите друг на друга. Сынок, похоже иа то, что эти пришельцы здесь долго не пробудут. Прошу тебя, не теряй головы, боже упаси, чтобы кто-нибудь из наших односельчан пострадал по твоей вине. Этого я не выдержу.

– Мама, что ты мелешь, кто тебе сказал, что немцы у нас долго не продержатся? Это не твои слова, – возмутился Ислам.

– Нет, нет, сынок, никто мне ничего не сказал. Я просто вижу, как они себя ведут, поэтому так думаю. Не похоже, что они здесь надолго обоснуются, иначе не сновали бы туда-сюда, как загнанные волки. Не

мне тебя учить, Ислам, но запомни, еще никому не удавалось поставить русский народ на колени.

– Ты меня удивляешь, мама. Как ты умудрилась с вечера на утро стать такой грамотной? Что хорошего сделали для тебя русские? Послали твоих сыновей на войну, на верную гибель. Не это ли ты считаешь хорошим, добрым делом? Ну, чего молчишь?

– Мои сыновья живы, и не русские их послали на войну, они ушли защищать от врага Родину, отчий дом, землю своих предков. Они встали под знамена советской власти, за нее и проливают кровь.

Не дослушав мать, Ислам громко расхохотался.

– Да вселит ангел твою душу в рай, мама, почему же твои сыновья допустили врагов до отчего дома, не остановили их там, на западной границе? – Ислам снова залился смехом.

– А они нарочно пропустили немцев сюда, – вступила в разговор Асият, – чтобы проверить моральный дух вот таких, как ты, испытать, на что вы способны, осталась ли у вас еще хоть капля мужской гордости. Да и трудно нам придется, если мы не уберем с дороги тебя и тебе подобных. А чтобы вывести на чистую воду всякую шваль, нужна была проверка. Вот её и устроили вам.

– Сестренка, голубушка! «Аллах велик и всемогущ, я люблю его, но моя жизнь мне дороже», – сказал древний эфенди. Ты всегда считала себя умнее всех. Кто только в этом дворе не терпел от тебя обиды. Тебе ничего не стоило уколоть колючим словом и старшего, и младшего, и снохи от тебя плакали. Теперь конец всему этому. Хватит, наше терпение не бесконечно...

– Несчастный ты человек, Ислам, немцам ты нужен до поры до времени, а потом они сами тебя уничтожат. Если ты предал свой народ, почему они должны верить в твою верность. Ты об этом подумал. И не бери меня на испуг, я тебя не боюсь.

– О, Аллах, что мне с вами делать, – всплакнула Абидат, – вы оба мои, не терзайте материнскую душу. А ты помолчи, – строго посмотрела она на дочь.

На несколько минут в доме воцарилась такая тишина, что было слышно, о чем говорили проходившие мимо их дома люди. Но продолжалась она недолго. Абидат зло посмотрела в глаза сыну. У нее на лбу выступил холодный пот. Она уже не могла справиться с дрожью в теле. «В конце концов надо поставить его на место, – подумала Абидат, – сколько можно его бояться, двум смертям не бывать, а одной не миновать...»

– Клянусь памятью своих умерших родичей, – сказала Абидат, – дальше терпеть я не намерена. – И она пошла в наступление: – Сын мой, всему должен быть предел, ты не такой уж дурачок, чтобы этого не понять. Если ты чересчур будешь усердствовать, я сама отравлю тебя.

Никто ничем тебе не обязан, не трогай никого – ни своих, ни чужих. Подумай о том, что тебя ждет завтра.

Ислам резко встал с места, подошел к матери и обнял за шею, погладил ее щеки.

– Как бы я сейчас хотел, чтобы твое проклятие в мой адрес обрушилось на голову Мустафы Махмудова, тогда бы, наверно, их род исчез с лица земли, – сказал Ислам.

– Нет мне дела до чужого рода, – ответила Абидат, отталкивая от себя Ислама обеими руками. – Я никого не проклинаяю, просто говорю, чтобы каждому было воздано по заслугам...

Ислам понял, что ни свои, ни чужие ему не простят его сотрудничество с немцами. Но и сам не знал, что делать, как быть. Ах как нужна сейчас ему опора, да где она? Нет её. Он хоть и старался не подавать виду, но на душе скребли кошки, сердцем чуял неотвратимость наказания. Впервые он пожалел, что обидел мать. «Бессильный всегда заискивает перед сильным, – рассуждал Ислам про себя, – родители живут в вечном страхе за детей и внуков, так повелось из глубины веков. Тогда почему же зло должно взять верх над добром?»

– Знаешь, мать, тебя никто не осудит, если ты проклянешь этих мерзавцев Махмудовых. Разве мало страданий ты испытала из-за подлого Мустафы. Пусть и он получит сполна за содеянное зло. Сейчас как раз и настал такой момент.

– За это бог давно наказал его, – сказала Абидат тихим голосом, – не советую тебе преследовать Мустафу, ни к чему это.

– Кровь кровью не смывают, не так ли ты хотела сказать?

– Да хотя бы и так.

– Нет, мать, по вине таких, как Мустафа, сгинули в тюрьмах ни в чем не повинные люди. За это они должны держать ответ. У меня своих личных счетов нет к этому кровопийце Мустафе, я хочу отомстить за твоего отца. Мустафа не пожалел его старость, отправил туда, откуда не возвращаются. Помнишь, как поется в песне Гергока: «Ты был уверен, что неуязвим, что ничто тебе не грозит, а когда сам сел в тюрьму, за ломтик хлеба отдал кожаное пальто, которое взял вместо денежного вознаграждения за оказанную услугу...» Вот так-то: народ видит, кто виноват, кто – нет. Этот кровожадный Гергок уничтожил лучших людей нашего селения, а о возможной расплате конечно же не думал. А когда арестовали его самого, плакал, как женщина. Махмудова скоро постигнет та же участь. Я не я, если не изживу его со света. Недолго осталось ему ходить по земле.

– Не будь таким жестоким, побойся бога, – сказала Абидат сыну. – Гергок на том свете нашел своё место, и незачем упоминать его имя. А Махмудов уже живой труп, еле носит свои ноги под тяжестью народного гнева.

– Этот человек не должен жить, не имеет права. А он, как видно, не собирается умирать, наоборот, старается как можно больше напакостить своим односельчанам.

IX

Ислам помнил, как Махмудов приехал в их село с большевиками. Все хотели увидеть его воочию. Люди выбегали на улицу, залезали на плетни и даже на крыши домов. Невысокого роста, плотно сбитый, с длинными усами, он больше походил на русского кавалерийского командира. В серой черкеске с газырями, с башлыком на шее, в галифе и черных хромовых сапогах, с кубанкой на голове, он выглядел настоящим джигитом.

Белоногий, с белым пятном на лбу вороной конь так и танцевал под ним, не мог ни секунды на месте стоять. Отчаянного, бесшабашного Махмудова знали не только в его родных горах, но и за ними – в Сванетии. Пока на свадьбе в казнах варилось мясо, он уводил у хозяина дома лошадь или вола, прятал в надежном месте и снова возвращался повеселиться вместе со всеми. Об этом все знали, но никто не осмелился ему сказать: «Сукин ты сын, что же ты делаешь?» Наоборот, за столом лучшие куски мяса пододвигали к нему, гоппан с пенистой бузой первым подавали ему. Его здесь давно не видели, никто не знал, в каких краях он побывал. А теперь приехал в село с дюжиной всадников. Односельчане наперегонки бегут к нему навстречу, чтобы первыми пожать его руку. Гордо восседая на резвом скакуне, Махмудов безучастно озирается по сторонам, словно он попал в неведомый ему дикий край. Многие лезут к нему с протянутой рукой, одним он, вроде нехотя, подает руку, другим отвечает лишь кивком головы.

«Этот конокрад сегодня и впрямь, как князь», – сказал кто-то шепотом из толпы. Хорошо, что их не расслышал сам «князь», а то не снести бы головы смельчаку. Были о нем и другие мнения. Некоторые рассуждали примерно так: да, он воровал лошадей, скотину, овец. Но у кого? Вот в чем вопрос. Махмудов бедняков никогда не обижал, он воровал у тех, кто нажил богатство за счет других, а потому это и не считал воровством.

Мустафа Махмудов и приехавшие с ним всадники остановились на бугре, около мечети, которая высилась рядом с домом Асланбека.

– Мустафа, ты что, нас на вечернюю молитву, что ли, собрал? – пошутил кто-то.

– Не мешает и помолиться, – резко ответил тот, сердито сдвинув густые черные брови. – Ничего плохого в этом не вижу.

Группу всадников возглавлял не Махмудов, а кто-то другой. Зато Мустафа хорошо знал здешние традиции, обычаи и нравы, все тропинки

в горах и потому свою персону не ставил ниже командира. Махмудов никогда и никого не боялся. Он в своем родном селении – чего ему бояться? Подбежал какой-то мальчишка и взял под уздцы его коня. Другой подросток то же самое сделал с командирским конем; как только всадник спешился, он, взяв за уздечку, отвел лошадь подальше. Командир – не балкарец, но видно по всему, что он понимает язык, иначе Махмудов не говорил бы с ним на родном языке. Впрочем, командир и рта не раскрывал, только головой махал, как ломовая лошадь, защищающаяся от назойливых мух.

На бугре возле мечети собралось почти всё село. Здесь старики и старухи, молодые парни и девушки, дети. Пришли Асланбек, Абидат и их сыновья. Отец Абидат – Казий стоял рядом с дочерью и зятем. Ни в зимнюю стужу, ни в летний зной с головы шапку не снимает. Она у него всегда надвинута до самых бровей, из-под которых глядели лукавые глаза.

Дочь с зятем заметили, что Казий с трудом сдерживает себя, чтобы не кинуть какое-нибудь оскорбительное словечко в адрес Махмудова. Абидат взяла его под руку. Никогда раньше она не позволяла себе этого, а сейчас боялась, как бы отец не сорвался да не наговорил чего лишнего. Тогда не оберешься беды. Что бы о нем ни думали, а Казий понимал, что время сейчас тяжелое, народ неспокоен, его гнетет неизвестность.

Стоя в толпе, он вспомнил всю свою жизнь от детства до преклонных лет. Что он в жизни хорошего видел? Ничего. Не верит его душа и в будущее. Красные бьют белых, белые бьют красных, а народ страдает. Сегодня Махмудов изливается своим красноречием, говорит страстные, зажигательные слова, но Казий ему не верит, он вообще никому не верит. Говорить можно всё, а на деле что происходит? Сколько хороших людей угробили на его глазах. Конечно, Казий не видит весь мир в черном цвете. На жизненном пути он встречал немало честных, искренних, благородных людей. Нельзя помнить только плохое. Он не забыл, как белые устроили в центре села виселицу. Оставались считанные минуты, когда на шею лучших людей его селения должна была затянуться петля, но вихрем налетели красные и освободили обреченных. Большевики отобрали у белых его единственную лошадь и вернули ему. К тому же лишь благодаря им его дочь не стала жертвой пьяных денкинских головорезов.

Всё это было. Но Казий сейчас твердо стоит на своем: «Нам не нужны ни красные, ни белые. Дайте нам спокойно жить. Готовы умереть с голоду, лишь бы не слышать выстрелы, не видеть виселицы. Оставьте нас в покое, нам другой жизни не надо...».

Казий приготовился высказать все, что думает, вслух. «Почему это я должен кого-то бояться», – сказал он самому себе.

– Отец, ты что-то сказал? – обратилась к нему дочь.

Казий с удивлением посмотрел ей в глаза, видимо, он и сам не заметил, как произнес эти слова.

– Богом прошу тебя, – взмолилась Абидат, – не говори ничего, накликаешь ты на нас беду своим языком.

Казий сделал вид, что не слышит дочь. Ему также не лезет в голову то, о чем говорит Махмудов. Он сейчас зол на весь белый свет и на Махмудова, который повторяет многократно до него сказанные слова.

– Советская власть принесла вам счастливую жизнь, свободу, равенство, – твердил Махмудов, – живите в свое удовольствие. В будущем у каждого из вас в доме белой пшеничной муки будет вдоволь. Земли, луга, овцы, которые раньше принадлежали богачам, теперь будут ваши...

– Держи карман шире, так и отдадут баи тебе свое богатство! – крикнул Казий.

Толпа зашевелилась. Все, вытянув шеи, посмотрели в его сторону. Махмудов остановился на полуслове, словно его челюсти свело судорогой. У него моментально заложило уши. Однажды на перевале его оглушило грозовой молнией, с тех пор у него с ушами не всё в порядке.

«Напомнил мне мою старую боль!» – подумал Махмудов в сердцах. Он резко поднял маленькую голову, снял шапку и вытер ею потный лоб, затем острым, уничтожающим взглядом посмотрел на того, кто осмелился прервать его речь. Махмудов одно время сватался к младшей дочери Казия. Когда дело дошло до определения срока свадьбы, Казий вдруг запротестовал. «У меня нет лишних дочерей, – отрезал Казий, – чтобы отдавать всяким проходимцам, шатающимся по чужим домам во время вечерней трапезы». Этого Махмудов никогда не простит.

Наконец он взял себя в руки и продолжил выступление:

– На нашем пути будет ещё много препятствий. Контру мы пока не всю вырвали с корнем. Вы же сами слышали, что здесь сказал Казий. Таким, как он, от советской власти пощады не будет. Скажу вам честно: лить грязь на советскую власть никому не позволю, зубами перегрызу горло и не посмотрю – аксакал это или безусый юнец.

– Не страши, бога ради, видали мы таких, – не выдержал Казий. – Если кому-то в нашем селении простили грехи, так это тебе, а не кому-то другому.

– Казий, выросший на лошади с лошади не упадет, – ответил Махмудов, – ты лучше подумай о себе.

– А мне некого и нечего бояться, я на чужое никогда не зарился. Это тебе надо бояться.

Махмудов бросил перепалку с Казием и обратился к толпе:

– Люди, нам всем надо быть бдительными, наши враги не дремлют. Они начинают поднимать голову...

Лицо Махмудова приняло такой вид, будто сказанное Казием его нисколько не волнует. Видимо, у Мустафы заиграло самолюбие: «Стоит

ли спорить с выжившим из ума стариком, ничего не смыслящим в происходящих делах». Но всё же без злобы не может он смотреть на Казия. Эх, сейчас встретиться бы с ним в темном переулке, не стал бы смотреть на его возраст, разделал бы под орех.

Казий в свою очередь не пропустил мимо ушей угрозы Махмудова, ему стало обидно. «Что делается на белом свете: Мустафа, который с рождения занимался воровством, сегодня читает нравоучения другим, учит, как жить. Каков наглец, а?»

Оба – и Махмудов, и Казий – в долгу друг перед другом не остались. Высказали друг другу все до конца. Что будет дальше – жизнь покажет.

Х

С того дня Махмудов считал Казия своим злейшим врагом. Мустафа не Мустафа будет, если не заставит нахального старика встать перед ним на колени. Он ему припомнит всё.

Теперь Махмудов решил преследовать его неотступно, пока не найдет повода рассчитаться с ним. Только Асланбека немного побаивается – зятя Казия. Хоть и нельзя его ставить в один ряд с Мустафой, а все-таки он одним из первых в селении встал на сторону большевиков. Махмудов сегодня очень сожалеет, что в свое время рекомендовал Асланбека в партию. Жаль, он не в силах исправить свою ошибку. Единственный выход – обвинить Казия во враждебном отношении к советской власти, да так, чтобы Асланбек поверил. Мустафа хорошо знал, что Асланбек – большевик до мозга костей и нелестные отзывы о советской власти не простит даже родному отцу. А поэтому надо подумать, каким образом поссорить их.

Однажды комиссар села Махмудов вызвал Асланбека к себе. Мустафа заблаговременно обдумал все, что собирался сказать Асланбеку. Но сейчас почему-то не мог начать разговор, словно ему заткнули рот кляпом. Комиссар время от времени поглядывал на Асланбека своими жуликоватыми глазами, ехидно улыбаясь.

Асланбеку явно не понравилось такое поведение комиссара, он пожалел, что пришел сюда. То, что Махмудов любит изображать из себя умного, для Асланбека не новость. Вот и сейчас непонятно, кого он из себя корчит, перед кем рисуется. Ведь Асланбек же знает всю его подноготную. В какой семье родился, как жил, с кем водился, чем занимался. Да если бы один Мустафа... Сейчас многие бьют себя в грудь, что они плоть от плоти советской власти, и не забывают при этом упомянуть о том, сколько лет батрачили у того или другого бая.

– Асланбек, – сказал наконец Махмудов, – большого дела у меня к тебе нет. Мы с тобой проливали кровь, чтобы людям лучше жилось. К сожалению, многие этого не понимают, не ценят. А от таких настро-

ений до перехода на сторону контры – один шаг. Если мы не встанем на их пути, они прежде всего снимут головы таким, как ты и я. В этом можешь не сомневаться. Есть в нашем селении люди, которым советская власть не по нутру. Если бы они ограничивались своим неприятием новой власти, ещё куда ни шло, но они ведут агитацию против неё. Надо отрезать языки таким болтунам, иначе несдобровать нам.

– Слушай, Мустафа, ты что-то ходишь вокруг да около, говори прямо, а то я никак не пойму тебя.

– Что тут непонятного, – обиженным голосом произнес Махмудов, – я мог бы себе другого собеседника найти, но думал, что ты лучше поймешь меня. Прошу прощения, что побеспокоил тебя, любимый зятек Казия. Обещаю впредь не тревожить тебя.

– По-моему, ты слишком далеко зашел, Мустафа, – резко ответил Асланбек, поднимаясь со скрипучего стула. – Казий не из тех, кого можно склонять почем зря, и ты это знаешь не хуже меня.

– Асланбек, прости, если обидел. Я вызвал тебя сюда не ругаться, а советовать.

Мустафа взял со стола газету и прошелся глазами по всем её страницам. Видимо, хотел показать Асланбеку, что умеет читать. Махмудов ходил в ликбез, научился расписываться, мог прочитать несколько слов, правда, не без труда. «Пусть Асланбек подумает, что я грамотный человек, и Казию об этом расскажет».

– Среди выходцев из бедных семей есть такие, которые поддались пропаганде контры, кровных врагов советской власти. Вот здесь как раз об этом написано. – Мустафа поднес газету к глазам Асланбека. – Ты слышишь, о чем я говорю?

Асланбек отвернулся от него и почему-то сперва посмотрел на двери комнаты, потом – на окна. Видимо, у него на душе было тревожно.

– А что, разве в газете рассказывается о людях нашего селения?

– А почему ты думаешь, что у нас таких нет? Есть. Из-за них я постарел сразу на несколько лет, у меня виски побелели... Не в обиду тебе будет сказано... – Тут Мустафа остановился на полуслове. Асланбек почувал что-то неладное и теперь встревожился не на шутку.

– Здесь всё баламутит Казий, – выговорил наконец Мустафа. – Помяни мое слово: если мы его вовремя не обезвредим, вместе с ним погоришь и ты. Потом пеняй на себя. А Казий найдет то, чего ищет, и никто ему не поможет. Я, например, не возьмусь за это, потому что боюсь за себя.

– Что ты плетешь? – Асланбек, изменившись в лице, вплотную подошел к Махмудову и в упор посмотрел ему в глаза. – Я знаю, что ты давно зуб точишь на Казия. Если не оставишь старика в покое, горько пожалеешь об этом.

Махмудов сильно расхохотался, всюю раскрыв и без того широкий рот, даже зуб мудрости в нижней челюсти у него обнажился, наполовину

разрушенный, с желтым налетом, Асланбек в эту минуту посмотрел на Мустафу и подумал: у него не рот, а волчья пасть, жаждущая крови.

– Мы тоже кое-что знаем, не лыком шиты, – с издевкой сказал Мустафа. – Знаем и то, что ты пляшешь под его дудку. А Казий ходит и болтает, что под советской властью почва очень шаткая и долго, мол, не удержится. Ведь ты же сам об этом знаешь.... А как нас партия учит? Она требует от нас бдительности, с корнями уничтожить, сослать в Сибирь, уморить голодом, сгноить в тюрьме тех, кто противится делу Ленина. Не поздоровится и тем, кто знал об их грязных замыслах и молчал. Твой дорогой тесть тоже из этой стаи. Он стоит на краю пропасти... Его участь предрешена, а что будет с тобой, проживем – увидим.

– Тебе не кажется, что ты уже перешел все дозволенные границы? – Асланбек грозно шагнул к Махмудову...

– Не делай глупостей... Возьми себя в руки, а то пропадешь ни за что, – храбрился Мустафа, на большее у него не хватило решительности.

Он хотел было позвать на помощь, но не смог – отнялся язык. По правде говоря, Махмудов сейчас был не против того, чтобы Асланбек его ударил, но только при свидетелях. Однако никто из посторонних в кабинет не вошел. Асланбек хоть и был до крайности взбешен, но сдержался, не поднял руку на комиссара. Он в эту минуту походил на разъяренного медведя, упустившего свою жертву. Резко распахнув дверь, вышел на улицу.

Лишь оставшись один, Махмудов несколько успокоился.

Не прошло и недели, как Казий исчез из села, будто в воду канул. Родственники Казия знали, что это дело рук Махмудова, но ничего сделать не смогли. Асланбек попытался доискаться правды, но быстро осекся, когда ему самому пригрозили Сибирью.

...Казий поплатился жизнью за свой необузданный язык. Махмудов добился-таки своего. Казий – не первая его жертва. Махмудов и до него кое-кого отправил в те места, где на собачьих санях ездят, и бровью тогда не повел. Но Казий не выходит из головы. При встрече с его родственниками Мустафа переходит на другую сторону улицы. Ему всюду чудится, что кто-то его преследует. Он окончательно потерял покой и сон.

Мустафа старался избегать разговоров с Асланбеком, но, когда на улице столкнулись лицом к лицу, отвертеться не смог. Для порядка спросил о житье-бытье Асланбека, справился о здоровье членов семьи, но взгляд его был устремлен куда-то вдаль. «Век бы тебя не видеть», – говорили глаза Махмудова.

– Ну что, Махмудов, совесть тебя заедает, неужто она проснулась у тебя? – спросил Асланбек. – Я вижу, что ты ходишь мрачнее тучи. Совершил подлость, так чего теперь жалеть. Казия обратно не вернешь...

– Я, как некоторые, не торгую своей честью, – попытался Мустафа уколоть своего собеседника, гордо подняв голову. Он задвигал челюстями, словно хотел проглотить кусок недоваренного мяса, зачмокал толстыми губами. – Пусть ослепнут мои глаза, если в печальной судьбе Казия есть хоть капля моей вины, – с трудом выдавил из себя комиссар.

Махмудов внешне старался делать вид, что он разговаривает с Асланбеком как с ровней, но всё же подчеркивал свое превосходство манерой говорить, каждым своим движением, загадочной улыбкой.

– Все-таки сволочь ты, Мустафа, каких свет не видел, – оборвал его Асланбек. – Людей, которые вместе с тобой жили, росли, ходили по одной улице, делили с тобой кусок хлеба, ты отправил на смерть. Как же ты можешь после этого спокойно спать в постели? Неужели тебя не грызет совесть? Заруби себе на носу, Махмудов, заслуженной кары тебе не миновать. Настанет тот день. От расплаты за содеянное зло ещё никто не ушел.

Встретившись с ненавидящими глазами Асланбека, Мустафа как-то обмяк, не смог ничего ответить. Он весь побледнел, от раздражения покусывал губы, опять нервно задвигалась его челюсть.

«Махмудов не такой дурак, чтобы о его темных делах знали все», – успокаивал он сам себя. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. А сегодня Мустафа нисколько не сомневается в том, что каждый его шаг, каждое слово, каждое движение известны односельчанам. Выходит, Махмудов копает яму для отдельных «неблагонадежных» людей, а весь жамауат села роет яму для него. За что? За то, что он борется с врагами советской власти? Ну и времена настали! А Казий сам виноват. Как только он не поносил советскую власть! Пусть теперь кормит вшей в тайге. Держал бы язык за зубами, был бы цел и невредим. А то орал во всю глотку, что руководители неправильно ведут линию советской власти. Грамотный нашелся, пусть поищет правду там, авось найдет. Разве мог Мустафа такое прощать? Тогда его самого приписали бы к контре. Асланбек спустился с горки, на которой стояла школа, к дороге, идущей вдоль речки. Внутри у него все кипело, бурлило.

«Как же я допустил, что бывший конокрад на моих глазах угробил Казия? Можно ли после этого считать себя человеком?» – такие мысли обуревали Асланбека, когда вслед ему крикнул Махмудов:

– Асланбек! Не тебе судить о моей чести и совести! Слышишь? Если я что задумал, никогда не отступлю. Да будет тебе известно!

– Придет время – и ты за всё ответишь, – сказал Асланбек, не повернув головы, и пошел своей дорогой...

Афлик ОРАЗАЕВ

Оразаев Афлик Пшимахович, кабардинский поэт и переводчик, родился в 1947 году в селении Верхний Куркужин Баксанского района. В 1978 году окончил Литературный институт имени М. Горького. Работал в журналах «Ош-хамахо», «Нур», газете «Адыгэ псалъэ».

Член Союза писателей РФ.

Стихи начал писать в школьные годы. Издал шесть поэтических сборников на кабардинском языке.

В переводе на русский язык были изданы три сборника стихов – «Сроки счастья» (1991), «Серебряное кольцо» (1993) и «Дорога моя не прервется». Последний сборник вышел недавно, уже после смерти поэта. Ушел из жизни в 2016 году.

Безжалостно отсчитывает годы
не слишком-то и щедрая кукушка.
По небу ветер стаю тучек гонит.
Согрета светом солнечным опушка.

Не внемлю предсказаниям кукушки.
Беспечной молодости потакая,
с кузнечиком на солнечной опушке
веселую мелодию слагаю.

Знать не хочу о том, что заступает
мне путь вдали чернеющее горе,
и песня радости не умолкает,
и слышит лес ее, и слышат горы.

Но миг иль жизнь спустя, в окно взгляну я –
увиджу двор свой, снегом занесенный,
смертельный холод всей душой почую,
отсутствием бессмертья потрясенный.

И СНОВА О ГОРАХ

Простите мне – я снова о горах.
Их, словно сын – отца, я почитаю.
В краю моем неведом людям страх.
Высок мой край, но невелик – я знаю.

Мечта живет: пройдя опасность круч,
высоким духом вровень стать с горами,
преодолеть глухую вязкость туч,
потрогать звезды теплыми руками.

Держу в ладонях вешние лучи –
в горах надежней не сыскать каната.
Вдали вершина снежная молчит.
Сумею ли достичь ее когда-то?

А ветер с гор лицо мне холодит,
напоминая о вселенской стуже.
Прислушиваюсь – не он ли говорит:
где горы выше, там и пропасть глубже,

Верю я, ты ко мне возвратишься,
минувшее детство.
Ты вернешься ко мне,
Неожиданное, как счастье.
Кто-то на небесах
совершит невозможное действо –
ты вбежишь ко мне в дом,
по привычке забыв постучаться.

Ты вернешься ко мне,
все в мечтах и в надеждах крылатых,
и, узнав тебя,
радостным смехом
счастливо зальется
речка меж берегов
для купанья удобных – покатых.
Куркужин – так речушка
Из давнего детства зовется.

Я, наверно, взгрустну,
вдруг увидев тебя на пороге,
вероятно, кольнет мое сердце
забытой любовью,
но согреют ступни мне
проселочные дороги,
но слетит колыбельная вновь
к моему изголовью.

Когда ты возвратишься –
к тебе протяну я ладони.
Ты отпрянешь назад –
ты, конечно, меня не узнаешь.
Кто я ныне тебе?
Лишь чужой человек посторонний.
И исчезнув тотчас,
Ты меня с моей болью оставишь.

ДОРОГА

Дорога в тумане.
Вокруг непроглядность дымится.
Усталый мотор выдыхает
не пар, а туман.
И фары, сквозь мглу
безнадежно стараясь пробиться,
впиваются светом
во тьму, в непроглядность, в обман.

Когда ж на мгновенье
неверные проблески солнца
пунктирным лучом впереди
успевают мелькнуть,
я верую в то,
что дорога моя не прервется,
и крепнет надежда,
что я одолею свой путь.

Но проблески длятся
не дольше летучего мига,
и снова душа
бесконечной тревоги полна,
и снова меня отсекая
от целого мира,
густеет слепого тумана
сплошная стена.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В МОЕМ СЕЛЕ

Вечером здесь зажигаются
самые яркие звезды.
За день намаявшись в поле,
рано здесь люди ложатся.
Медленно здесь остывает
к ночи свежающий воздух.
Лампочкам в спящем селении
повода нет накаляться.

Где-то пролает собака
раз и другой – для порядка,
и в конуру заберется
с чувством сознания долга.
С гор возвратившийся ветер,
травмами пахнувший сладко,
тоже, как видно, уставший,
мирно уснет у порога.

Теплая пыль у дороги
примет ночную прохладу.
Громко вздыхая, коровы
мирно жуют свое сено.
Месяца свет серебристый
бродит по сонному саду,
где разговоры деревьев
чисто по-горски степенны.

В старом родимом селенье
нет для тщеславия места –
вырасти выше деревьев
крыши домов не стремятся.
Здесь до седьмого колена
все о соседе известно.
Здесь среди доброй природы
добрые люди роятся.

Коротки ночи июля.
Вот уже звезды пропали.
Стадо на пастбище гонит
громкий пастух пред собою.
Чтобы вернуться в роскошно
звездами вышитой шали,
теплая ночь отдыхает
где-то за ближней горою.

Дорога,
карабкаясь вверх
по горе крутой,
извилистой лентой,
теряясь в тумане,
вьется.
Высокое небо,
поддерживаемое горой, –
чуть сдвинь ее, – и тут же
на землю упав,
разобьется.
Поближе к вершине –

сухой и колючий
снег.
Внизу у подножья –
луга зеленеют отвесно.
Безумный,
покоя не знающий
человек,
вгрызается в чрево горы
своей силой железной.
Приникнувший к камню,
внимаю стонам
горы,

хотя она и старается
их не выдать.
Гора терпелива,
но это лишь до поры.
Не дай Аллах
во гневе ее
увидеть.
Родник пробивается
светлой, чистой
слезой.
Губами иссохшими
жадно к нему
припадаю.
Вот так же и древний
народ горделивый мой

старается скрыть
боль своих вековых
страданий.
Кто знает, что станет
неизбежной порой,
когда человек
до сокровищ горы
дорвется?
Ведь небосвод
поддерживается горой,
чуть сдвинь ее –
и о землю он
разобьется.

Переводы Аркадия Кайданова

В ОБЩЕМ СВЕТЕ...

– Проживи достойно век один,
как оно положено от веку,
посреди родин и годовщин, –
человек желает человеку.

У веков летящих на счету
невосстановимые маршруты,
и ломают копья на лету
неостановимые минуты.

По происхождению, по всему
непонятна ненависть людская.
Есть у нас секреты. Почему?
Жить бы, настезь сердце открывая.

Существуем не единым днем,
не про нас – и несколько столетий.
неизвестным будущим живем,
мы ему подвластны в годы эти.

Ссорятся соседи и роды,
государства в распрях ошалели.
В общем свете солнечной звезды
мы друг друга держим на прицеле.

Тянем ляжку. Честно и хитро.
Строим планы. Трезво – или спьяну.
Кто-то вечно делает добро,
а другой ему копает яму.

ПОРТРЕТ

Я придумал
двенадцать частей твоей плоти.
Написал:
твои волосы,
руки,
глаза...

Слово к слову
собрал
в кропотливой работе
и поднял над собой,
и вознес в небеса,
и, пророческой власти

поставив предел,
твой портрет написал, как хотел.

Совершенно
без сна,
лишь тобой увлеченный,
поражаясь тебе
все сильней и сильней,
полагая,
что нет
в этой жизни бессонной
ничего,
кроме солнечной плоти твоей,
я, не видя иных
упоительных тел,
твой портрет написал, как хотел.

Я тебя написал
совершенно прозрачной,
и сквозил в тебе свет
родниковой струи.
И струя трепетала.
И собственноручно

я зажег
лучезарные очи твои.
Свой
в тебе
прозревая
грядущий удел,
твой портрет написал, как хотел.

Я иссяк.
Источились немалые силы.
Я присел,
захлебнувшись
восторгом своим, —
до штриха
этот образ
высокий и милый
соответствовал правде,
искусством храним.

Ты ушла, усмехнувшись.
Мой дом опустел.
Я таким написал твой портрет —
Как хотел...

УТРОМ

День грядущий
выкроен рассветом.
Выковано солнце.
Скрылась тьма.
Треск сорочий
в воздухе согретом.
В тубетейке
голова холма.
Смотрит холм:
на выпас вышло стадо.
Тучи
по цепочке
табуном
тоже вышли в небо.
Так и надо.

Нужен летний дождь
и летний гром.
Горной речки
бурное веселье, —
от ночной прохлады
отойдя,
падает
из узкого ущелья
на траву
подобием дождя...

Сколько раз
Земля
на ранней рани
радовалась
лежа на боку?

Сколько
разных бракосочетаний
справила
на собственном веку?
Сколько же
она
веков тяжелых
на своем веку
пережила?
Мы с нее
не спустим глаз веселых –
снова
хороша и весела.
Пролетая
днями и ночами

в звездном озарении,
она
знойными пропитана
лучами,
влажными туманами
полна.
В бездне
не заблудится вовеки,
и болит
душа ее во тьме
о рожденном ею
человеке,
о его
неопытном уме...

Переводы Ильи Фаликова

Я до утра не мог сомкнуть глаза,
Все звезды до единой в вышине
Зажглись, и эта дивная краса
Опять покоя не давала мне.

Сквозь окна, не тревожа тишины,
У спящих промелькнув над головой,
Они дарили сказочные сны,
Наполненные силой неземной.

Одетая в серебряный убор,
Любовью и смущением полна,
Плыла по небу, чуть потупя взор,
Красавицей-невестою Луна.

И лился на вершины белый свет,
И хмурый дол вдруг посветлел в ночи.
Я мог бы любоваться сотню лет
Картиной, что соткали лучи.

И тайну очищения души
Передавая от звезды к звезде,
Стремительно к реке скользят лучи,
Чтоб раствориться бликами в воде.

Исчезли звезды, выгорев дотла,
Душа печально смотрит в пустоту...
Она опять сегодня не смогла
Поймать свою упавшую звезду.

УТРОМ СОЛНЦЕ ВСХОДИТ ТОЛЬКО РАЗ...

Утром солнце всходит только раз,
Только день дает прожить оно,
Для отваги наступает час,
Жизнь одну спасти ей суждено.

Лягу в стог, чтоб небо рассмотреть,
Длинный день прошел, и был таков,
Солнце тонет в собственной заре,
Смотрят звезды из-за облаков.

Кто уснул, кому пора идти,
Кто-то здесь, за кем-то след зарос,
А дитя наивное глядит,
Как надгробье ладит камнетес.

Лишь одна луна горит в ночи,
Охраняя звездный свой приплод,
Звезды расплели свои лучи,
Чтобы стал бескрайним небосвод.

Человек спешит, бежит бегом,
Ищет то, что разглядеть не смог,
И, не замечая ничего,
Краткой жизни сокращает срок.

Все твердят: «Невозвратима жизнь!»
Мне ж поверить в это не дано.
Посмотрите, в борозде лежит
Моего грядущего зерно.

Переводы Александра Пряжникова

КОГДА ВЕТЕР ВСЕ ВРЕМЯ В ЛИЦО

Повесть

Сумеречное утро занималось над селом. Было еще темно, и лишь в некоторых окошках нехотя зажигался свет. Зимняя стужа властвовала на земле, ее тяжелое дыхание заставляло съежиться все живое вокруг – людей и животных. Впрочем, людей в этот час на улицу не выгонишь без особой нужды. Разве что девочку-подростка, которую колючие порывы ветра подгоняли к крутому берегу Баксана. Ведра на ее коромысле опасно раскачивались, и она хваталась за них руками, боясь, как бы их не унесло ветром. Такой потери ей не простили бы.

Девочка шла по заметенной снегом тропе, замирая всем шуплым телом от холода и страха. За ночь намело сугробы, и она иной раз сбивалась с пути и падала, потом отряхивалась, вешала упавшие ведра на коромысло и шла дальше. Главное – не потерять ведра, а на обратном пути с водой они будут тяжелыми, уже не так страшно. Близкий гул реки и редкий свет в дальних окошках немного подбадривали ее, позволяя думать, что не одна она не спит в этот час.

Тропа круто пошла вниз. Лейла оступилась и кубарем скатилась в сугроб. Еле встала, судорожно нащупала свои ведра и пошла дальше, осторожно ступая заочневшими ножками в тряпичных башмаках. Теперь она могла заплакать в голос, никто бы не услышал ее за свистом ветра и шумом реки. Почему-то в речном русле ветер всегда сильнее... Девочка плакала, ветер смахивал слезы с ее белого личика. А она все плакала – дома не поплачешь, и так ее вечно попрекает хозяйка, которая сейчас была ей вместо матери. Всякий раз находит причину поругать, и при этом не упустит случая кинуть вслед:

– Была бы ты нормальным ребенком – разве мать бросила бы тебя и вышла замуж?

Эти слова ранили Лейлу больше всего. Где она, ее мама? Почему ее нет рядом? Почему дочка должна прислуживать чужим людям, когда у нее есть мать?

После смерти отца мать не стала долго горевать и вышла замуж, едва справили годовщину. Те пять лет, что Лейла прожила с родителями, были самыми счастливыми в ее недолгой жизни. Как любил и баловал ее отец! Какими ласковыми именами называл! Его слова до сих пор звучали в ушах девочки и согревали ее. Был бы он сейчас жив – разве

позволил бы погнать его ребенка за водой затемно, еще и зимой? Да ни за что! Со смертью отца закончилось детство Лейлы.

А мать? Девочка уже и вспомнить не могла, каким бывает материнское тепло, ее руки. Она даже не помнит, ела ли когда-то вкусную еду, приготовленную мамой. Не помнит, как это бывает, когда просыпаешься от солнечных лучей в окне, а в доме пахнет дровами в натопленной печи и лепешками. Все это сейчас не про нее, это из другой жизни. Кому сказать, как она скучает по матери? Кто ее слушать будет? Только и скажут: «Тоже мне мать, едва мужа схоронила – и сразу замуж выскочила, и ребенка бросила!»

Девочка снова провалилась в сугроб, тяжелый снег сорвал с ноги башмак. Она нащупала его рукой, надела и пошла дальше. Вот уже и берег. Осторожно, чтобы не соскользнуть в поток, набрала воду и, не давая себе времени передохнуть, начала карабкаться вверх по той же тропе. Густой снег уже успел замести ее следы, и она заново прокладывала себе путь, боясь поскользнуться и упасть с ведрами в сугроб...

Как ни странно, отец всегда был ласковее к ней, чем мать. Такой строгий, сдержанный, весь в работе, а вот с дочкой он был разговорчив и не жалел для нее слов. У него было много земли, и работы хватало круглый год. А как соберет урожай – наймет нескольких возчиков с подводами и едет на базар в Гумкале. Перед отъездом он непременно прощался с дочкой, подкидывал ее на руках, хотя она была уже довольно большая. И каждый раз спрашивал:

– Ну, говори, что тебе привезти?

И она всегда отвечала одно и то же:

– Привези сережки!

И он покупал ей сережки, никогда не повторяясь и всякий раз стараясь выбрать самые красивые. И еще он покупал ей нарядные платица, которые всегда были впору, будто по ней сшиты. Да, Лейла была очень счастливым ребенком, которого любили и баловали. А потом... Со смертью отца все хорошее в ее жизни закончилось. Теперь она училась всего лишь в начальной школе, но детство уже прошло. И вот она тащит на худеньких плечах ведра с ледяной водой, которая при каждом неловком шаге проливается ей на одежду и за края худых башмаков. Но не холод пугает девочку: если принесет домой неполные ведра, ее поругают.

С усилием вытягивая ноги из плотного снега, выбралась-таки на ровное место. Глянула на свои озябшие ноги – и обомлела: обувь потеряла! Вот достанется ей теперь! Она уже слышала истошные крики: «Куда башмаки дела? Иди и найди, где оставила!» Что делать? Поставить ведра и искать пропажу в снегу? А если башмаки потерялись в разных местах, как она их найдет в сугробах? Еще скажут: где до сих пор была! Нет, лучше сначала воду отнести, потом вернуться за башмаками. А если не найдет? Может, кто-то одолжит ей свои, чтобы она в школу могла пойти?

Зайдя в дом, она постаралась неслышно поставить ведра на пол. Натертые коромыслом плечи ныли, отмороженных ног она вообще не чувствовала. На ее счастье, вспомнила о паре холщовых башмачков, спрятанных под лавкой, и надела их. Ноги стали немного согреваться, но теперь они сильно болели, и девочка стала быстро перебирать ими, чтобы привести в чувство. Выглянула в сени хозяйка:

– Ты чего тут пляшешь?

– Я не пляшу, просто хочу огонь в печи развести поскорее, а потом в школу собраться.

– Печь топят, пока еще утро не наступило и пока все не проснулись! Вставать надо пораньше! Ну, чего застыла? Нечего тут ногами стучать, дай людям поспать!

Усилием воли сдержала она дрожь в ногах и присела перед печью, крепко сжав колени. Выгребла золу и развела огонь, чтобы до пробуждения домочадцев в доме стало тепло. Каким-то чудом шкафчик на кухне остался открытым, а в нем всегда держали под замком сахар. Лейла стащила кусок сахара, и на том ее завтрак закончился. Потом быстро взяла портфель и побежала в школу. После школы ее вновь ожидали дела по хозяйству – на ней были все заботы по дому, уход за скотиной, а как сойдет снег – и огород. Но все это было ей не в тягость. Самое тяжелое – в утренних сумерках ходить на реку за водой...

Жили бы они с матерью в своем доме, в родном селе, пусть нелегко бы пришлось, но все же лучше, чем теперь. Так нет же, бегом продала дом, детей лишила не только своего крова, но и отцовского рода. Сама замуж вышла, о детях даже не подумала... Эта мысль свербела в мозгу Лейлы, раньше времени повзрослевшей от сиротской жизни. И после, подрастая, она не переставала думать об этом. Бесконечно попрекаемая куском хлеба в чужом доме, она едва смогла окончить четырехлетку, а дальше ей не дали учиться. Но даже при этом она казалась взрослее и мудрее многих с высшим образованием. Ее умелыми ручками и безотказностью не только восхищались, но и пользовались. «Лейла хорошо обмазывает стены», – говорили про нее и звали на подмогу. «У Лейлы саманы получают добротные», – и опять ее приглашали месить глину с навозом и соломой и формовать кирпичи. Так получалось, что сирота у всего села была в услужении, а если случалось по доброй традиции всем миром помогать кому-то отстроиться, то и тут без Лейлы не обходилось.

Вскоре она стала работать в колхозном поле. Видя резвость и трудолюбие девочки, норму ей ставили наравне со взрослыми. Попробуй она не успеть – тут же безжалостно могли лишить единственной лепешки, что выдавали на обед. Время было тяжелое, послевоенное, каждая крошка хлеба на счету. Да и отстающим быть в работе считалось позорным. Люди рвались в поле и трудились безостановочно, чтобы получить

свой чурек. А если по весне удавалось найти перезимовавшую в почве картофелину – это было настоящей удачей. находку прятали в карманы или за пазуху, чтобы вечером тайком унести домой. Ради полусгнившей или подмерзшей картошки люди готовы были по несколько раз перекапывать пустое поле.

Так, в трудах и заботах, Лейла выросла. Она стала настоящей красавицей – сероглазая и белокожая, рослая, с безупречной осанкой. Видно, не прошли даром годы, когда она ходила по уступам речного берега с полными ведрами, боясь оступиться и пролить хоть каплю воды. На нее заглядывались все парни, слава о ее благонравии и трудолюбии доходила и до окрестных сел. Правда, были и такие, кто, вознамерившись заполучить в дом такую красивую и прилежную невестку, отступали потом, узнав, что у нее нет отца, а мать оставила ее и вышла замуж. За спиной у нее никого нет, выходит, безродная...

Эти разговоры и пересуды неизменно доходили до девушки, заставляя ее снова и снова переживать унижение, виной которому была собственная мать. А кому это расскажешь? Разве что самой себе. Не потому ли Лейла теперь считала едва ли не родным домом берег реки, которого так боялась в детстве. Спустится по знакомой тропе, сядет на камень прибрежный – и говорит сама с собой и с рекой. Выскажет всю обиду, выплачет все слезы, что скопились за день, и вроде бы отпустит боль. Гневно бурлящий поток, казалось, осуждал ее обидчиков. А когда он утихомиривался на время, девушке чудилось, что река пытается утешить ее. Успокоившись немного, она зачерпывала ладонями студеную воду и смывала слезы с лица. Потом, собрав волю в кулак, говорила себе: «Что ж, видно, такая мне выпала доля. И такое случается». – И прощалась с рекой до следующего приступа горечи, который вновь приведет ее на этот берег.

Мада родился в селе, но вырос в городе. После смерти отца мать с сыновьями переехала в город. Устроилась на работу в столовую. Каждый вечер приносила готовую еду, и дети никогда не голодали. Кроме того, она время от времени отпрашивалась у начальства и ездила за товаром. Перепродажей зарабатывала лишнюю копейку, да и сыновей умудрялась хорошо одевать.

Но городской жизни Мада предпочитал сельскую. Все каникулы он проводил у своих дядей. С удовольствием делал с ними любую работу в хозяйстве и в поле. С детских лет он знал Лейлу и выделял ее среди других соседских девочек. Шли годы, дети подрастали, и в очередной приезд на каникулы к своим родственникам Мада не узнал Лейлу. Вроде не так давно приезжал, а как она изменилась! Прямо расцвела, настоящая невеста. Вскоре он понял, что не он один интересуется девушкой.

Приятель признался, что она ему давно нравится. Мада заволновался, заперевжал, потом поделился с тетей. Она обрадовалась:

– Очень хорошая девушка, и красавица, и воспитанная, а работающая какая! Только боюсь, уведут ее у тебя из-под носа. Твой друг собирается к ней посвататься. И семья его, говорят, медлить не будет.

– Правда, все так серьезно? – еще больше забеспокоился влюбленный юноша. – Ну, это пока только планы. Пока они собираются, я с ней договорюсь. Только и нам стоит поторопиться, не так ли?

Парень взялся за воплощение своей мечты немедленно. Встретился с девушкой и признался ей в любви. Она ответила взаимностью. Семья, в которой жила Лейла, тоже дала понять, что не против такого родства.

Не мешкая, Мада поговорил с матерью. Намерения сына она тоже одобрила.

Свадьбу сыграли шумную и красивую, каких давно в этом селе не было. Общими усилиями родня привела в порядок домик в две комнаты на отцовском подворье и поселила там молодоженов.

Впервые в жизни Лейла была счастлива. У нее теперь был свой дом и двор. Молодые любили друг друга и жили душа в душу. Все радовались их счастью. Разве что друга это событие не привело в восторг. Что ж, выбирая между дружбой и любовью, Мада выбрал второе. А друга, похоже, потерял навсегда.

Годы, прожитые в городе, парень считал едва ли не потерянными. Словно взаперти жил, без воздуха и солнца. И теперь любая работа доставляла ему радость, будь то сенокос на крутом склоне или уход за скотиной. Только здесь он дышал полной грудью и всем сердцем ощущал полноту жизни. А после трудового дня торопился домой, к любимой жене. Каждый час, проведенный вместе, был для молодых бесценным даром.

Мать часто навещала сына и невестку и уезжала, счастливая и довольная. Да и как было ей не радоваться счастью сына. Такую невестку, как Лейла, было поискать. Мягкая, приветливая, прекрасная хозяйка – не сноха, а мечта для свекрови! Когда она выходила провожать мать своего мужа – Фатимат казалось, что вся улица ей завидует. Она продолжала ездить за вещами на продажу, и теперь из каждой поездки привозила красивую одежду для невестки. А бывало и так, что сын скажет: «Какое на тебе красивое платье, мама! Твоей невестке тоже такое подошло бы», – и мать, нисколько не обижаясь на счастливого сына, снимает с себя приглянувшееся платье и отдает Лейле, невзирая на ее протесты. Размер у них был один и тот же, так что с выбором трудности не возникало.

Счастье молодых увенчалось рождением сына. Мада не мог нарадоваться на новорожденного. Ребенку был всего месяц, когда счастливый отец заворачивал туго спеленатого младенца в отцовскую бурку и ставил его в деревянную бочку стоймя, потом хохотал над своей проделкой,

как мальчишка: «Смотри, Лейла, мой сын уже стоит на ногах!» Мада часто повторял: «Увижу ли я когда-нибудь, что мой сын ходит своими ножками и разговаривает?» Лейла не любила, когда муж так говорил, у нее болезненно сжималось сердце, и она мягко одергивала его:

– Зачем ты так говоришь? Конечно же, увидишь.

– Не знаю, но боюсь, что не увижу, как он вырастет...

– Довольно испытаний, что мы уже перенесли. Впереди у нас все должно быть хорошо, – неизменно повторяла она, а у самой холодело внутри от непонятого предчувствия: вот зачем он все время говорит о плохом?!

Послевоенные годы были жестокими во всех отношениях. Самое трудное было в том, что людям приходилось голодать. Колхозное добро стерегли день и ночь от самих же колхозников – мало ли, вдруг кто посягнет на початок кукурузы или меру пшеницы. Случалось и такое. Только за один початок человек мог получить год лагерей. Согласно политике властей, до тех пор, пока не будут полны государственные закрома, ни один человек не мог получить ни горсти зерна, ни зарплату, ни заработанные по трудовням продукты. Вот и охраняли сторожа с собаками колхозные угодья и амбары день и ночь, попросту живя в соломенных шалашах прямо в поле.

Мада с Лейлой не были исключением, и зачастую молодой женщине приходилось понемногу откладывать из скудных запасов, чтобы к приезду матери в доме была еда. Незачем ей знать, что они нуждаются, и без того она, бедная, кишки из себя тянет, чтобы детей поддержать. Красиво одеваться – это хорошо, но жить впроголодь никому не хочется. И чаще всего Лейла обменивала подаренные свекровью платья на продукты у тех, кто ни в чем не нуждался – у жены председателя колхоза или бригадира, у других состоятельных сельчан. На одно платье выходило кукурузной муки на одну сковороду киржина, или картошки на один обед. Мада видел это и молча закипал от такой несправедливости. Почему одним можно забирать себе пропитание из колхозных закромов, а простым работягам, чьими руками это добыто, нельзя?! Почему его красавица жена должна отдавать свои наряды этим зазнавшимся теткам за горсть муки? И, в конце концов, у него в голове созрел план.

Луна была ущербная, и ночи стояли темные. Ничего не сказав жене, Мада вышел из дома. Стараясь ступать тихо, дошел до края кукурузного поля и затаился в колючем кустарнике. Он ждал, когда охранники пойдут в очередной раз обходить поле дозором. Тогда он выберется из укрытия и наберет хурджин кукурузных початков. Или хотя бы в карманы и за пазуху сунет, чтобы побыстрее. Продержаться бы пару дней, а там видно будет, глядишь – трудодни выдадут, или зарплату привезут, сам будет свой обед домой приносить, как обычно. Ничего, продержатся.

Ждать пришлось долго. Вот уже и край неба начал светлеть. Когда сторожа чуть поутихли, Мада решил: дальше медлить нельзя, скоро светать начнет. Бесшумно перешагнул через ров вокруг поля и исчез среди кукурузных стеблей. Надо отойти чуть подальше, а то услышат. И вдруг он едва не споткнулся о внушительную кучу отборных очищенных початков. Не иначе как сами охранники приготовили для себя. Злость захлестнула парня, и он набил свой хурджин кукурузой, забыв о том, что собирался украсть совсем немного. Потом закинул мешок на плечи и благополучно ушел с поля. Добравшись домой до рассвета, спрятал мешок под кроватью. Ложиться было поздно, скоро на работу. Помешкав немного и не будя жену, он вышел, тихо прикрыл за собой дверь и отправился на работу со спокойной душой. Теперь семья не будет голодать.

Он был уверен, что все прошло гладко, и его никто не заметил. Как же он заблуждался. Не знал он, что в обязанности стражей входило следить не только за колхозным урожаем, но и за каждым живущим в селе. Они всегда знали, кто во сколько пришел домой, а из этого уже делали выводы. Наивный Мада и не предполагал, что пытливые глаза следили за ним с самого поля до двери дома. Стоило ему уйти утром на работу, как в сонный дом без стука вломились несколько мужчин.

– Лейла, мы знаем, что твой муж вернулся сегодня почти под утро и принес с полмешка кукурузы. Мы-то промолчим, но следом зайдут другие и найдут краденое. Лучше отдай нам сейчас кукурузу, и мы ее перепрячем в надежном месте. Если хочешь знать, нас Мада об этом попросил. – Лукавые гости пугали Лейлу неотвратимым наказанием. – Скажи, где мешок с кукурузой?

Растерянная женщина не знала, что делать. Поверив незванным гостям, ответила честно:

– Я не знаю. Но если он что-то принес, поищу в доме.

Долго искать не пришлось. Она обнаружила хурджин под кроватью и вытащила его. А тем только того и надо было, забрали зерно и ушли.

– Твоя жена тебя сдала, – сообщили они ошарашенному Маде. – Своими руками выдала то, что ты ночью украл.

Человеческая подлость не знает предела...

Его арестовали, судили и отправили на угольные шахты. Народ осуждал не его, даже не тех, кто коварством подставил молодую семью, а ее, Лейлу. Встретятся двое на улице – только и разговоров:

– Слыхали, своими руками выдала мужа за кусок хлеба, что он для нее же добыл! Виданное ли дело!

– Что же ты натворила, как же не подумала, чем это обернется для моего сына! – горевала Фатимат, но тут же одергивала себя: ведь не со зла это сделала невестка, злые люди ее вокруг пальца обвели. И сама Лейла убивалась не меньше. Она до сих пор не верила, что ее снова постигло то, чего она боялась больше всего – одиночество. Теперь нужна

давала о себе знать с новой силой. Работать она не могла с грудным ребенком, и прокормить его и себя было не на что. Делать нечего, пришлось выходить в поле на прополку или сбор урожая и брать малыша с собой. Заработанное за день было их пищей. Единственной лепешкой мать кормила ребенка, сама выпивала похлебку от хатламы. Разомнет в соленой водичке хатламу – и у сына есть еда. С солью в каждом доме была нехватка, спасал единственный соленый источник в пойме реки. Идти до него было далеко, и очереди такие, что за полдня еле можно разжиться ведром воды. Лейла брала ребенка с собой, а когда шла обратно, часто останавливалась, пересаживала малыша на другую руку, другой подхватывала ведро. И так с трудом одолевала крутую извилистую тропинку по крутому склону. Голод стал ее обычным состоянием, и потому все время кружилась голова, иногда она даже падала в обморок, и только плач ребенка на груди приводил женщину в чувство. Зато дома она не могла нарадоваться на это ведро соленой воды: подогреет чуть, выпьет кружку – и голод отступает на время. А водичку она берегла, растягивая на много дней, и только пару ложек могла добавить в скудную стряпню.

А ночью она оставалась один на один со своей бедой. Часто не успевала набрать хворосту на растопку печи, и в доме было холодно. Наступила поздняя осень. Работа в поле закончилась, и она теперь все время думала о том, как бы навестить любимого мужа. К счастью, его не отправили в дальние края, но тоже не ближний свет. Взять с собой ребенка невозможно, машин на дорогах почти что нет. Не взять – на кого оставишь? А если найдется добрая душа, то еды нет никакой, чтобы мужу отнести и в дорогу взять. Наконец все сошлось. Лейла упростила свекровь приехать к ней и остаться с ребенком. К тому времени и еды немного подсобралось. Хорошо, что дороги пока были сухие, хотя со дня на день могли начаться холода и снег. Женщина завернула провизию в платок и собралась в путь. Свекрови удалось договориться, чтобы ее довезли на грузовой машине, пусть не до самого места, но хотя бы полпути сократить получалось.

Дорога из села по Баксанскому ущелью была всего одна, и та необустроенная. Две машины не смогли бы на ней разъехаться, и если водители встречались в узком месте, один должен был сдать задом на длинное расстояние, чтобы пропустить другого. Хорошо, если нет дождя или снега. В плохую погоду из-за таких движений недолго и в пропасть сверзнуться. А пешком преодолеть этот путь, да еще одинокой женщине, да в такое время года, было бы очень затруднительно. Спасибо свекрови, все-таки она сумела найти выход.

Дорога была ухабистой, но сухой, и ехали пока без приключений. Вот только тревожила Лейлу черная туча, все больше окутывающая горизонт. Как бы погода не испортилась.

Лейла ехала к мужу, и да душе у нее было и радостно, и тревожно одновременно. Сможет добраться до цели и вернуться живой и здоровой? Увидит ли она своего сыночка? Назад она, конечно, не повернет. А обратно как? Никто ее не довезет обратно. А если ночь застанет в пути? В какую дверь стучаться? Как найти Маду, у кого спросить?..

Непогода не заставила себя ждать. Резко усилился ветер, следом повалил снег, да такой густой, что мигом залепил все стекла, закрыл дорогу. Шофер остановил машину, боясь, что в такой кутерьме можно сбиться с пути и упасть с обрыва. Лучше переждать, пока снег и ветер немного утихнут. Он не стал глушить мотор, чтобы не замерзнуть. Около часа простояли они в снежной пелене. Наконец бензин закончился, и машина заглохла. В кабине сразу стало холодно. Лучше идти пешком, пока светло, – решила Лейла и вышла из кабины, тут же провалившись в нетронутый снег. Шофер, видно, побоялся отпускать ее одну:

– Постой, вместе пойдем, куда же ты одна? Вдруг с пути собьешься, или с обрыва соскользнешь. Заодно и я бензин поищу.

Лейла обрадовалась. Дороги она не знала, в жизни по ней пешком не ходила. Ни людей, ни машин на ней не было. Еще до сумерек добрались они к развилке, откуда вела дорога к месту заключения Мады. Попутчик указал ей, куда идти, попрощался и пошел своим путем. Отсюда до тюрьмы нужно было идти километров семь в гору. На каждом километре стояли охранники, которые приостанавливали вагонетки, крепившиеся на толстых канатах к опорам, сажали и выпускали людей. Теперь она уже точно не заблудится, – успокаивала себя женщина. – Тут дорога только одна. А если на вагонетке – вообще хорошо.

Но и тут не повезло бедняжке. Ураганным ветром оборвало провода на опорах, и все погрузилось во тьму. Канаты в одном месте порвались, и вагонетки разбросало по склону. Что ж, она пойдет пешком. Страшно, конечно, по пути могут встретиться плохие люди или звери. Ветер хлещет по лицу, вздувает подол, она скользит и падает, при этом не забывая крепко прижимать к груди сверток с едой. Окоченевшие руки пытается согреть, засовывая в подмышки, но это мало помогает. От усталости, стужи и страха она спотыкается все чаще, но снова встает и идет вперед.

И вот она у ворот тюрьмы. Охранники даже удивились, откуда в столь поздний час очутилась здесь эта одинокая женщина. Они оказались людьми добросердечными, не только не прогнали ее, но даже провели внутрь, разрешили встретиться с мужем и на ночь выделили им отдельную комнату.

Эта ночь стоила целой жизни. И холод, и усталость, и страх – все осталось позади. Теплые объятия заслонили собой все беды для любящих молодых супругов. Эти долгожданные часы пролетели стремительно. А утром Лейла простилась с мужем и, все время оглядываясь и остав-

ляя здесь свое сердце, пошла вниз по горному спуску, подгоняемая не утихшим за ночь ветром. Снега навалило еще больше, и женщина шла наугад, и все же теперь путь не казался таким тяжелым – все же не в гору, а с горы, да еще сердце оттаяло и наполнилось новой надеждой от встречи с любимым. Теперь она спешила к своему сыну.

Не таким радужным казалось будущее самому Маде. Обида и разочарование душили его. Родное село, которое он любил всем сердцем, односельчан, которым он доверял и уважал, он теперь ненавидел. Почему они так обошлись с ним? Почему ни один человек не встал на его защиту, когда его незаслуженно осудили? Именно незаслуженно, считал он. Кто виноват, что он вынужден был работать круглый год, а зарплату получать один раз. Разве человек может есть раз в году? Как ему содержать семью? И все ведь понимали это, все были в таком же положении. Но никто не заступился за него. А те, кто предал его, пришел в его дом с черными помыслами – они тоже из того же села. Они не подумали о нем, о его маленьком сыне, которому надо есть, о жене, которая останется без заступника и без куска хлеба.

Да и сама она, при всей любви к ней, при всем понимании ее невиновности, – она ведь своими руками показала злодеям, где он спрятал кукурузу. Он рисковал для нее и ребенка, а она что сделала? Нет, чтобы сказать: не знаю, не видела, нет ничего. А она вытащила этот злосчастный мешок: вот, полюбуйтесь, мой муж украл зерно!

Мада понимал разумом, что Лейлу обманули, сыграли на ее наивности и растерянности. Но простить ее не мог. Он твердо решил: как только освободится, он уедет из села. Бросит и дом отцовский – его там ничто больше не держит. А в городе у него мать, братья, квартира. Найдет работу и заживет, как все. Он даже не уверен, что возьмет с собой Лейлу. Вот только о сыне сердце щемит. Может, только из-за него до сих пор не подал на развод.

Ничего не подозревающая о душевных терзаниях мужа Лейла ждала его и отдавала все свои силы ребенку. И дождалась счастливого дня, когда он отсидел свой срок и вернулся к ней. Радость длилась, однако, недолго. Мада был мрачен, и в тот же день сказал ей:

– Мы больше не будем здесь жить. Собирайся, переедем в город.

Она опешила:

– Как? Куда нам в город? Как мы будем там жить, на что?

Лейла никогда не видела другой жизни и не представляла, как люди живут там, где нельзя ни пахать, ни сеять.

– В городе люди не хуже живут. Жить будем с матерью. Найдем работу.

– Но там ведь не растет ни картошка, ни кукуруза...

– Ты что, ничего не понимаешь? – рассердился муж. – Не слышишь меня? Я сказал: будем работать! Там за работу деньги платят, а на деньги

мы купим тебе и картошку, и кукурузу. А в магазине продают мясо и молоко!

– Но... на что мы это купим?..

– Тебе сколько раз повторять, чтобы ты поняла? – повысил голос Мада. – Если работаешь – тебе каждый месяц платят зарплату, а не задерживают ее на год. Не то что здешние начальники. – Он опять вспомнил, из-за чего отсидел в тюрьме, и раздражение его нарастало. – Э, да что тебе объяснять, все равно не поймешь. Ты за всю жизнь только и видела, что картофельную ботву да кукурузные стебли. Конечно, не ты в этом виновата... – Он осекся, поняв, что причиняет жене боль. Она ведь тоже немало настрадалась за эти годы.

– А как же наш дом... – продолжала лепетать Лейла. Ей невыносима была сама мысль, что нужно покидать это жилье, выстраданное долгими годами мыкания по чужим углам. Ведь только здесь она впервые ощутила себя счастливой.

– Дом продадим, – настаивал Мада. И в конце концов она сдалась – перечить мужу было не в ее правилах. Его мать, правда, не была в восторге от такого решения. И вовсе не потому, что не хотела возвращения семьи к ней в город. Просто она хорошо знала вспыльчивый и непредсказуемый характер своего сына и всегда была на стороне невестки. Если у других была одна мать, то у Лейлы их было две, но при этом она была сиротой. Свекровь одна стоила их обеих, так она была ласкова и добра к невестке.

Покупатель на дом нашелся быстро. Получив деньги на руки, Мада договорился, что Лейла с ребенком поживет здесь, пока не соберет вещи и не приведет дом в порядок. А он тем временем работу найдет, квартиру подыщет – нельзя опять на шею матери и братьям садиться. С тем и уехал.

Лейла собиралась неохотно. Завязывает тюки с пожитками, а перед глазами стоит родная река, которой она изливала свои слезы и свои беды, улицы, по которым ходила все детство и юность день за днем, память о родне, корни которой были здесь. Город казался ей пустым, а многоэтажные дома со многими окнами – тюремной крепостью.

И вот вещи собраны, а Мада все не едет. Прошла неделя, вторая. Закончилась еда в доме, и Лейле пришлось распаковать собранные тюки и в очередной раз продать что-то из своих вещей. Потом еще. Вот уже и продавать нечего, и деньги закончились. А муж все не появлялся и не давал о себе знать. Уже и покупатель приходил, дал понять, что неплохо бы дом освободить. Выждав время, пришел снова, уже с вещами и с семейством: дом уже куплен, значит, надо уступить его новым хозяевам. Несколько дней Лейла с ребенком ютилась в уголке, пока ей прямо не сказали: «Долго ты собираешься жить здесь? Это уже не твой дом, прости».

Лейла с извинениями рассовала остатки вещей по соседям. А самой куда деваться? Жалостливые соседи по очереди приглашали ее переночевать – не оставлять же женщину с дитем на улице! Ни сама она, ни любопытные соседи никак не могли объяснить, что происходит.

В конце концов, терпение Лейлы иссякло, да и в селе на нее стали пальцем показывать. Попросив соседку присмотреть за мальчиком, она поехала в город. При виде ее свекровь обрадовалась, потом испугалась:

– Ты одна? А где Мада, где мой внук?

– Я думала, он у тебя. Сказал, что идет работу искать, и пропал...

– Да я в глаза его не видела! Вот, значит, как! Продал дом, деньги в карман положил и сбежал? Вольной жизни захотел! Ну, погоди, я ему устрою, дай только найти его.

– А где же мы его найдем? – расплакалась Лейла.

– Я знаю где. Пойдем в Дом Советов. Там есть отдел, который занимается делами семьи и детей.

Фатимат не могла не удивлять своей смелостью. Лейла никогда не посмела бы идти и жаловаться на мужа. Но свекровь была непреклонна:

– Там его быстро найдут. Я ему покажу, как оставлять жену и ребенка одних в чистом поле! Придумал тоже. Сам не нахлебался разве безотцовщины? Хочет, чтобы и сын повторил его судьбу?

Сидевший в кабинете мужчина выслушал их внимательно. Точнее, говорила Фатима, а Лейла не смела поднять глаз. Наконец хозяин кабинета спросил:

– Я так понимаю, пропал ваш зять, а это ваша дочь?

– Если бы зять, я бы его на части разорвала! Я сына ищущу, а это моя невестка.

Мужчина удивился:

– Всякое я повидал, но чтобы мать пришла обвинять собственного сына – такое вижу впервые. Ладно, сейчас разберемся. Как имя-фамилия вашего сына?

Он позвонил куда-то. Не прошло и часа, как в кабинет ввели Маду, его сопровождали двое служивых. При виде матери и жены недоумение на его лице сменилось гневом:

– Так это из-за нее вы меня выдернули? Чего тебе еще нужно? Сколько раз я должен сидеть по твоей милости?! Ты что, всю жизнь меня будешь преследовать? То пешком по сугробам в тюрьму приперлась. Теперь с милицией меня разыскиваешь?

– Это я тебя разыскиваю! – прикрикнула на сына Фатимат. – Ты что же это, жену и сына одних бросил, и ко мне не пришел. Где пропадаешь? Я думала, тебя жизнь чему-то научила, а ты все такой же непутевый. Ступай домой, у вас ребенок, его растить надо вместе!

– Не нужна она мне, понятно? У меня теперь своя жизнь. Она меня сдала один раз, и я отсидел ни за что по ее вине. Видеть ее не хочу!

– Постой, молодой человек, – остановил его сидевший за столом чиновник. – Я так понимаю, здесь твоя мать и жена, и у тебя еще ребенок есть.

– Да, но я...

– Значит, ты должен нести за них ответственность. О сыне твоём кто будет заботиться?

– Никому я ничего не должен. И ее знать не хочу. У меня теперь новая семья. Я живу с другой женщиной, я принял и ее сына, его растить не надо, самостоятельный уже.

Женщины онемели от такого заявления. А хозяин кабинета только руками развел:

– Ну, это уже не по моей части. Разбирайтесь сами...

Что оставалось делать Лейле? Только оплакивать свою злосчастную судьбу. Она не ожидала такого от своего мужа. Ведь они так любили друг друга. Куда ей теперь деваться с ребенком на руках, без работы, без дома?

Не легче было и Фатимат. Чувствовать вину за проступки детей – доля всех матерей. И она успокаивала Лейлу как могла:

– Не плачь, все образуется. Не верю я, что он долго будет по чужим углам слоняться. Да еще чужого сына воспитывать. Помотается и вернется, никуда не денется. Дом продал – ну, что поделаешь, это его дом, а сохранить ума не хватило. Видишь, какого героя я вырастила? Не сын он мне больше! А ты у меня поживешь, мой дом – твой дом. Я тебя на свою работу пристрою, а сама буду с внуком сидеть. Плохо разве? Время все покажет...

Но Лейле надо было торопиться в село, к ребенку, которого оставила у чужих людей. Как она теперь объяснит свое положение? Да и можно ли что-то скрыть от людского внимания? Пришлось рассказать все начистоту. Приютившие ее люди поохали, развели руками и позволили ей остаться еще на ночь. Но при этом не предложили пожить у них, пока она не найдет себе жилье. Да Лейла и сама не хотела быть кому-то в тягость. После бессонной ночи она приняла решение. Ни в какой город она не поедет. Свекровь, конечно, примет ее по доброте душевной. Но там у нее еще два сына. Все-таки она им чужая. Да и Мада ей житья не даст, еще заявится и выгонит. Или вообще продаст квартиру вместе со всеми жильцами. Ему не привыкать. Что ж, и ей не привыкать жить одной и добывать себе кусок хлеба. Она снимет комнату. Людям всегда нравилось, как она работает. Можно выполнять любую работу за деньги или продукты.

Так снова началась для Лейлы ее прежняя жизнь подёнщицы. Она хваталась за любое дело – кому стены обмазать глиной, кому побелить, кому огород вскопать. В селе знали, что лучше нее ни у кого не получают саманы – крепкие и гладкие, и она делала их постоянно. Как подсохнут – продает, благо что покупателей всегда хватало. Из этих денег оплачивает жилье, покупает еду ребенку и себе.

В пору полевых работ старалась не отстать от других. Как повелось еще с подростковых лет, Лейла управлялась с нормой раньше других, а за переработку полагалась дополнительная еда – чем не повод рвать жилы. Настал черед уборки картофеля – она опять в поле с сельчанами. Перекопают все поле лопатами, а как передышка – разводят огонь из ботвы и соломы и греются. Лейла исхитрилась и здесь что-то придумать: наберет в ведро картошки, опрокинет его в костер вверх дном, а сверху ботвы побольше, чтобы учетчик не увидел. Печеная таким образом картошка была вкусной, рассыпчатой, люди быстро разбирали ее и ели, перебрасывая из ладони в ладонь, да еще и руки грели, и Лейлу благодарить не уставали. Установился молчаливый сговор: Лейла каждый день печет в костре картофель, и никто не должен об этом узнать. А она каждый день приносит малышу готовую еду. Казалось, в жизни понемногу появлялся просвет.

Так и шло время.

У Мады тоже жизнь протекала своим чередом. Недолго длилась красивая история с женщиной, позади у которой также была разбитая семья. А ведь он думал, что нашел ту, с которой сближают его похожие неудавшиеся жизни. Выходит, они поторопились, когда давали друг другу слово всегда быть вместе и растить ее сына. Даже договорились, что он отберет у брошенной жены ребенка, и они будут воспитывать мальчиков вместе. Конечно, тут его одолевали сомнения: разве мать отдаст малыша? Он понимал, что Лейла скорее с жизнью простится, чем с сыном.

А теперь Мада прозрел. Любовь прошла. Да и была ли она, эта любовь? Скорее, не было ее, просто мимолетное увлечение. А сейчас тем более. И он все чаще задумывался: что он делает здесь? Почему живет с чужой женщиной и чужим ребенком, когда у него есть настоящая жена и сын?

В такие минуты он был готов бросить все и бежать, просить прощения у Лейлы и своего ребенка. Но простит ли она его... Примет ли? Скорее всего, нет, а позориться на все село тоже неохота. Уже опозорился один раз. Мада успокаивался на время, а потом снова на него накатывали сожаления, и снова он решал собрать свои пожитки и без оглядки бежать к своей семье. У него сын растет, его плоть и кровь. Жена у него – более красивой и работающей женщины не сыскать ни в Баксанском ущелье, ни в Нальчике. Вот только куда ему теперь бежать – дома-то уже нет. Как он мог продать отцовский дом и оставить семью на улице? Вот вырастет сын – что он ему скажет? Что скажет жене, которой причинил столько зла? Вот он я, нагулялся и явился? Допустим, простит она. И что он ей предложит теперь? Ютиться по чужим углам?

Сын пока маленький, мало что понимает. А как подрастет – он же его и обвинит. А в чем он виноват? Такое может случиться с любым мужчиной – и в тюрьму попасть, и жену выгнать. Такая наша доля трудная.

Ну, ошибся, ну, дурака сваял, что ж теперь, всю жизнь каяться? Нет, лучше забрать его хитростью и растить при себе, чтобы не отвыкал, а потом нипочем ведь не приманишь. А там и мать за ним потянется, сама попросится. Еще виновата окажется, и у меня руки будут развязаны. А мне виниться не в чем.

Так он решился еще на один несправедливый шаг. Словно боясь передумать, тут же пустился в путь. Стыд за то, что натворил и еще собирался натворить, заставлял его замедлить шаг, но он гнал от себя всякие сомнения. По своей привычке Мада всегда находил виновных, только себя в их числе не желал видеть.

Только бы она дала ему увести сына. Скажет, что ненадолго, а сам постарается привязать к себе мальчика, чтобы он захотел остаться с ним...

Лейла, как всегда, была занята делами, и неожиданное появление Мады потрясло ее. Женщине показалось, что земля уходит из-под ног, потемнело в глазах, она пошатнулась и едва не упала. Оба молчали, и никто не мог начать первым. А Лейле и нечего было сказать: перед ней стоял единственный свет ее жизни, и она хотела думать только о том, что он вернулся. Она готова была забыть все, только бы сказал, что возвращается к ней. Они снова заживут счастливой жизнью и никогда не будут вспоминать эти черные дни и годы. Вот он сейчас решится и скажет, что не может без нее жить. Или ничего не скажет, просто молча останется с ней. Она так соскучилась по его голосу, ласковым словам, объятиям...

Но Мада сказал не те слова, что она ждала:

– Я приехал за сыном. Пусть у меня немного побудет, потом привезу.

Лейла, как всегда, поверила ему и сразу согласилась:

– Хорошо, пусть побудет. Только недолго. Я за ним приехать не смогу, мне работать надо.

Она ушла в дом и стала собирать вещи ребенка. Суетилась, все падало из рук, но радость переполняла душу. Увидела его – уже счастье. И сына пусть забирает, пусть он знает, что у него отец есть. Не приведи Аллах ему тоже познать сиротство. А потом, может, наладится все...

Мада обрадовался, что она так быстро согласилась. В глубине души он понимал, что пришел сюда не столько за сыном, сколько потому, что хотел увидеть ее, незаслуженно им обиженную. Но признаться в этом у него не хватило мужества. Заходить в дом не стал и ушел, как только Лейла вывела принаряженного мальчика.

Маленький Пита не сразу освоился в новой семье. Поначалу шархался от всех, даже от отца. Но Мада делал все, чтобы малыш не чувствовал себя одиноким. Играл с ним, водил в парк, покупал подарки, игрушки разные. Дома устраивал соревнования между мальчиками. Пасынок был постарше, и когда они начинали бороться, Мада исподтишка подталкивал своего сына, помогая ему одержать верх. А потом громко радовался и кричал жене:

– Смотри, мой сын победил твоего!

Та раздражалась в такие минуты:

– Чего раскричался? Будто никогда детских игр не видел.

– Нет, ты посмотри, твой сын больше и сильнее, а мой его свалил!

И так, шаг за шагом, Мада привязывал к себе сынишку. А долго ли ребенка на свою сторону склонить, если каждый день дарить ему игрушки и водить в кино или в парк. Поначалу Пита скучал по матери, спрашивал, когда они к ней поедут, потом стал вспоминать все реже. Спит с отцом, ест с отцом, со всяким капризом или жалобой – сразу к отцу...

Лейла трудилась теперь без передышки, чтобы заработать побольше, пока сын находится у отца. Вот подошел срок, когда тот обещал привезти ребенка, но Лейла его так и не дождалась. Подождала еще, надеясь, что со дня на день она увидит мужа и сына, но все было напрасно. Где его искать, что делать? Когда истекли все мыслимые сроки, она отправилась к той единственной, которая была ей ближе матери – к свекрови. И снова оказалось, что Фатимат ничего не знала о случившемся. Мать сразу поняла, что это очередная пакость ее сынка.

– Вот как. Теперь решил и ребенка тебя лишить. Ладно, ты пока побудь у меня, на улицу не показывайся. А я что-нибудь придумаю.

Фатимат отправилась на ту улицу, где обитал теперь ее сын. Зная, что Мада в такое время на работе, она зашла к нему домой. Его новой жены тоже не было дома, мальчишки мирно играли во дворе. Сказав, что хочет купить подарок внуку, взяла его за руку и увела с собой. Она понимала, что сильно рискует: когда Мада узнает, он устроит страшный скандал, не посмотрит, что перед ним родная мать. Не поздоровится и ей, и бедняжке Лейле. Таким она его воспитала. Не смогла воспитать... А она целиком на стороне невестки. Ведь она мать ее внука, значит, все равно что родная дочь. Тем более что ее сын так подло с ней обошелся.

Мальчик не хотел идти, вырывал руку, и все повторял: «Мне папа велел никуда не уходить, кто бы за мной ни пришел!» Теперь он хотел быть только с отцом, который баловал его и задабривал щедрыми подарками, не то что мама. Бабушка с трудом, уговорами и посулами, довела его до своего дома. Увидев мать, Пита бросился к ней и обнял, затем вынул изо рта новенькую свистульку и заявил:

– Мама, папа не хочет, чтобы ты к нам приходила. Тогда он не станет покупать мне подарки. Мне надо домой.

Невестка со свекровью переглянулись. Как удалось ему в короткий срок настроить ребенка против матери?! Но медлить было нельзя: вдруг Мада придет с работы раньше времени, узнает обо всем и отберет ребенка.

– Пита, мама хочет тебе купить что-то, пока папа с работы не пришел. Потом вернешься к нему. Тут, в городе, нет такого, что она тебе присмотрела, надо ехать. Надо же успеть до прихода папы, да?

– Мне бы только из города выбраться, – тихо сказала Лейла. – А потом я посмотрю, как он сына будет у меня забирать! В глаза он его больше не увидит!

– И правильно, так ему и надо! – поддакнула свекровь. – Вообще не надо было давать. Если не может жить без сына, пусть возвращается к тебе, или ко мне пусть вас перевезет. Ишь чего захотел, готового сыночка забрать!

На трассе Фатимат посадила их на попутку в сторону Баксана и, немного успокоенная, пошла домой.

Мада в этот день вернулся раньше обычного, зная, что дети дома одни. Необычная тишина в доме напугала его. Он посмотрел во всех комнатах, даже в шкафы заглянул. Обежал весь двор и соседние дворы. Сына нигде не было. Тогда он поспешил к матери:

– Пита не у тебя? Дома никого нет, и я подумал: вдруг ты его забрала? Или нет? А может, ты специально его спрятала, чтобы меня позлить? – Не дожидаясь ответа, он заглянул во все углы квартиры, окликавая сына.

– Его забрала мать, – сказала, помедлив, Фатимат. – Где такое видано, чтобы у матери дитя отбирали?

– Что?! Да как она посмела увезти моего сына! Он едва ко мне привык и остался бы со мной навсегда! Это твоих рук дело, у нее бы на такое смелости не хватило! Почему ты вечно лезешь не в свое дело! – Накричав на мать, он побежал в сторону трассы, остановил первый попавшийся грузовик и запрыгнул в кузов.

По пути он всматривался во все машины, надеясь увидеть беглецов. Если в Баксане она села на автобус или другую попутку, или пешком идет, он все равно ее догонит. Мада рассчитал все правильно и, в конце концов, увидел в кабине одной из машин, оставшихся позади, знакомые лица. Он бешено заколотил по крыше кабины, требуя остановить, и тут же стал махать водителю догоняющей машины, чтобы затормозил. Но тот его не замечал. Зато Лейла заметила. Страшно напуганная, она пригнулась в кабине. Машина мчалась по сельской дороге. На обочине она увидела толпу людей у распахнутых ворот – видно было, что люди собрались на похороны. У Лейлы мелькнула спасительная мысль. Она попросила остановить машину прямо у этих ворот и смешалась с толпой. Быстро войдя во двор, она подошла к одной из женщин, по виду своей в этом доме, и тихо сказала:

– У меня беда. Мой муж гонится за мной, хочет отнять ребенка. Он увез его от меня, а я его выкрала! Он убьет меня, если найдет, и он видел, что я сюда зашла. Спрячь меня куда-нибудь, прошу!

– Пойдем скорее, – отозвалась добрая женщина, и беглянка с ребенком пошла за ней. За домом росла высокая кукуруза. Хозяйка быстро провела их между рядами и велела сесть и затаиться. – После я вам принесу чего-нибудь перекусить.

Стебли кукурузы сомкнулись над ними, давая им крышу, и шептали, словно пытаясь утешить. Бегство подкосило Лейлу, и мягкая земля показалась ей пуховым ковром. Сердце ее бешено колотилось в груди, слезы лились по лицу, смешиваясь с каплями, щедро осыпающимися с росистых листьев. Ветер доносил до нее визгливый голос Мады – или ей это чудилось? Неужели он будет скандалить здесь, в чужом дворе, на чужих похоронах? Лейла боялась вскрикнуть от страха и обиды и выдать себя. Сколько времени она ждала любимого, и вот он совсем рядом, но она боится его, как огня, прячется, как воровка! От него сейчас исходит не то тепло, которого она так желала, а опасность. Ведь он хочет отобрать у нее самое дорогое, что есть на свете, – ее сына!

А мальчишка все рвался из рук, все дул в свою свистульку, подаренную отцом. Он пытался убежать, но запутывался в колючках, и пока мать очищала его одежду, ненадолго умолкал. Удивительно, как быстро можно отучить ребенка от матери, просто подарками и лживыми словами!

Когда по стеблям кукурузы прохаживался ветер, они начинали шуметь сильнее, и тогда Лейла чувствовала жжение в груди, словно сердце раскалилось и вот-вот разорвется на тысячу горячих осколков. Потом она заставляла себя поверить, что это только ветер, и брала себя в руки.

Лейла не помнила, сколько времени она просидела в кукурузе. Мальчик присмирел, видя бесконечные слезы и страх матери, и жался к ней всем своим дрожащим тельцем. Вот шуршание стеблей и листьев усилилось, и Лейла замерла. Это оказалась уже знакомая им женщина:

– Ну, как вы тут? Не замерзли? Не бойся, он уже ушел, и люди разошлись понемногу. Вот покушать вам принесла немного... Что за человек ужасный, лучше совсем без мужа, чем с таким жить. Бесноватый совсем, бегаёт по двору и кричит – где, говорит, женщина с ребенком, я видел, что они сюда зашли, где вы их спрятали. И людей не постеснялся. Ему говорят: не знаем ничего, и не до тебя нам сейчас, горе у нас, а он все свое... Бросай его, уноси ноги. Вот попадись ты ему сегодня – убил бы.

Слова женщины больно резанули Лейлу по сердцу, словно у нее насильно отбирали любимого человека. Пусть он обидел ее, все равно без него она жизни не видит. Но сейчас у нее нет другой защиты, кроме этой чужой женщины, которую она видит впервые. Ее сочувствие растрагало бедняжку, и она снова залилась слезами.

– Не плачь, милая, поешь, и ребенка покорми. А его не бойся, я сама видела, как он прыгнул в машину и уехал. Не знаю, правда, в какую сторону.

Лейла успокоилась немного, накормила Питу, и сама немного подкрепилась. Остатки еды женщина завернула и дала им в дорогу. Потом проводила ее и помогла сесть на попутную машину.

Куда ей теперь деваться? Где скрыться? В селе пока лучше не показываться. Лейла вспомнила, что на окраине Баксана живет дальняя родственница, и решила попросить у нее укрытия.

Куаца не удивилась ее появлению:

– Только что Мада был здесь! Хорошо, что ты позже приехала! Весь дом перерыл, все тебя искал. Ты проходи, проходи, не бойся, бедняжка.

Измученная Лейла снова расплакалась от слов сочувствия.

– Кто бы мог подумать, что он такой грубиян, – продолжала Куаца, – а ведь казался таким смиренным, таким добрым. А тут – прямо как подменили, никакого почтения к старшим, так и исходит злобой. С таким жить нельзя, Лейла, и хорошо, что он ушел... Не плачь, успокойся. Думаешь, я бы дала тебя в обиду? Пусть бы попробовал! Думаешь, со мной так просто сладить?

Она завела гостей в дом. Надо было решать, что делать дальше. Вот вернется она домой – и что, никакой защиты у сироты нет, как никогда и не было. Куаца не стала их отпускать, оставила у себя на время, пока Мада успокоится и отстанет от нее. А через несколько дней, когда и Лейла немного пришла в себя, собралась и поехала вместе с ней – вдруг Мада снова нагрянет. Побудет сколько надо, присмотрит за мальчиком, пока он снова к матери не привыкнет.

Пита со временем присмирел и перестал досаждать матери. И Мада пока не объявлялся. И все же Куаца боялась оставлять их одних. Но ведь у нее есть мать, – думала она, – хотя она что есть, что нет. А та семья, что воспитала ее? Родственница взяла с собой Лейлу с ребенком и отправилась с ней в дом, где она жила и росла.

Без долгих объяснений Куаца перешла в наступление:

– Будь у Лейлы все удачно в жизни – вы бы на каждом углу кричали, что это ваша воспитанница, пороги ее обивали бы. А если у нее не сложилось – вам до нее и дела нет. Она ведь выросла в вашем доме, почему вы не можете постоять за нее? Что же, сироте всю жизнь несчастной быть суждено? Ее муж обидел, оставил без кола и двора, теперь преследует, ребенка хочет отобрать.

Хозяева, конечно, решили сохранить лицо:

– Лейла выросла в нашей семье, значит, она наша дочь. Пусть возвращается и живет с нами, будет есть то, что и мы, и делать то же, что и мы. Но с Питой мы ее не можем принять. Мальчик – это плоть и кровь отца, это его фамилия, и смотреть он будет всегда в ту сторону. А каким он вырастет? Вдруг таким же, как его бесноватый отец. Нет, его мы не можем принять, пусть Лейла одна возвращается, без сына.

От этих слов Лейлу чуть ли не подбросило:

– О чем вы говорите?! Вы думаете, ради кого я терплю все эти муки? Только ради сына! И вы хотите, чтобы я от него отказалась? Не нужно мне ни помощи вашей, ни сочувствия. Я и не знала, что мы пришли просить вас, думала, идем навещать...

Лейла осталась жить в своей съемной комнатухе. Мада, видно, успокоился, по крайней мере, не приезжал больше. Время от времени

сьемное жилье приходилось менять – кто-то передумал сдавать, кому-то надоедал слишком шустрый мальчишка. Иногда даже приходилось проситься на ночлег к добрым людям. Все кругом наперебой советовали ей:

– Пусть твой муж алименты платит, это и его сын, не только твой!

Ты одна из себя жили тянешь, а он чужого сына воспитывает...

Лейла сама задумывалась об этом. Сын растет, запросы его тоже не уменьшаются. Может, и вправду потребовать помощи у его отца? И она решила посоветоваться со свекровью. Оставила сына у родственников, в чьем доме сама выросла. Фатимат встретила ее, как всегда, ласково. Они сидели за накрытым столом и тихо беседовали, когда вдруг появился Мада. Увидев бывшую жену, о которой часто грезил по ночам, он слегка опешил, потом на него нахлынула прежняя злость за то, что она похитила его сына:

– Что ты здесь делаешь? Почему не оставишь нас в покое? Ты мне с сыном не даешь видиться, значит, и тебя я видеть не желаю! Проваливай отсюда! – И он замахнулся на Лейлу. Фатимат вскочила и встала между ними:

– Ах ты, негодяй, я тебе руки обломаю, попробуй только! Сам дел натворил, а ее винишь? Ты что же думаешь, можешь всю жизнь чужого сынка растить, а своего на произвол судьбы бросать? Алименты ей будешь платить, вот что!

– Еще чего! Она не дает мне сына, а я ей плати? Значит, это не мой сын, пусть идет к настоящему отцу и у него денег попросит! – Он сказал это и даже сам удивился: услышь он такие слова от кого-то другого – убил бы. – Только попробуй, не дождешься!

– Ты совсем с ума сошел? – прикрикнула на него мать.

– Мама, я тебя не понимаю, словно я не твой сын, а она твоя дочь. Ты почему защищаешь ее, ее, которая донесла на меня за пищу, которую я для нее же украл?

– Красть тоже надо уметь, не жадничал бы, взял поменьше – может, и не заметили бы. А что она не виновата перед тобой – сам прекрасно знаешь.

– А кто же виноват, если не она! Жизнь мне испоганила, а теперь еще и сына не отдает. – Он снова подскочил и попытался ее ударить, и снова мать заслонила собой Лейлу. Мада все не мог успокоиться, как сорвавшийся с цепи пес, и бедной женщине ничего не оставалось, как ускользнуть в открытую дверь на улицу. Она бежала, боясь, что взбесившийся муж вот-вот догонит ее и прибьет. Дело было уже к вечеру, на автобус она вряд ли попадет. Хорошо, что свекровь еще раньше указала ей адрес гостевого колхозного дома, где останавливались на ночлег припозднившиеся сельские торговцы с колхозного рынка. Быстро темнело, и редкие фонари едва освещали опустевшую дорогу. Ей было страшно, она шаралась от редких прохожих. А страх, как известно, притягивает

опасность. В переулке к ней привязался какой-то пьяный нахал. Она припустила что есть духу, а он погнался за ней, крича на всю улицу:

– Стой, все равно не уйдешь! Стой, кому говорю!

Сейчас ей казалось, что напрасно она убежала от Мады, лучше бы он побил ее, чем вот такой позор. Еще два квартала убегала Лейла от преследователя. Вот, наконец, она на месте. Она начала колотить в дверь, крича: «Дуся! Дуся!» Так звали женщину, к которой Фатима велела ей обратиться. Открыла женщина, Дуся или нет – Лейла не знала, просто без слов ввалилась в дверь. В порыве благодарности она обняла свою спасительницу. А пьяный преследователь без сил свалился за порогом. Слава богу, теперь она в безопасности.

В доме было людно. Постояльцы жались ближе к железной печке-коббе посреди общей комнаты. В углу дома была насыпана горой подсолнечная шелуха, и кто-то время от времени зачерпывал ее ведром и сыпал в огонь, чтобы печь не остывала. Сидели, под гудение огня рассказывая истории своей многотрудной жизни, словно все здесь были давно знакомы. Кто где живет, зачем в город приехал и остался на ночлег – все говорили без утайки. Но не было среди них никого, кто был так гоним судьбой, как сейчас Лейла. Она тихо сидела в уголке, печалась о том, что ее ребенок этой ночью остался один, без матери, у чужих ему людей. Но горше всего было, что теперь рухнули все надежды на примирение с Мадой. Он отказался не только от нее, но и от ребенка. Значит, можно вот так запросто заявить: это не мой сын.

Едва забрезжил рассвет, она покинула временное прибежище и уехала к себе в село. От родственников ничего скрывать не стала, рассказала, как Мада обошелся с ней и сколько наговорил. Как бы безразлична ни была им судьба бедной воспитанницы, на сей раз они рассердились всерьез:

– Ах вот как! Не его сын, значит. Что ж, пусть так и будет. Мы тебе дали свою фамилию, и сыну твоему дадим.

В короткие сроки поменяли метрику малыша и вписали в нее фамилию, под которой дальше предстояло жить матери и сыну, фамилию, от которой не было ни пользы, ни вреда.

Несмотря ни на что, Фатимат продолжала заботиться о внуке и во всем поддерживала бывшую невестку, хотя это и приводило в бешенство ее сына. Неумная женщина обивала пороги городского начальства, доходила и до Дома Советов. В конце концов, она сумела выбить для внука квартиру в городе. Когда она сообщила Лейле эту радостную новость, та не поверила своему счастью: неужели такое возможно, и у нее наконец будет свой угол? Быстро собралась и поехала в Нальчик. Но все оказалось не так просто. Документы были оформлены на отцовскую фамилию, а у Питы была уже другая фамилия. Разбираться никто не захотел, и им отказали. Мать с сыном вернулись в село ни с чем.

А квартира досталась приемному сыну Мады, которого он усыновил и дал свою фамилию.

Маду такой поворот нисколько не огорчил, напротив, он испытал некое мстительное чувство. Его не трогало, что родной сын растет в нищете, а чужому ребенку он отдает и отцовское внимание, и заработок. Он боялся признаться себе в одном: больше, чем сын, его волновала та, которую он бросил. Своим дремучим, злым нутром он все же знал, что только эту женщину он любил всю жизнь. Да, он помнил, что своими руками разрушил их жизнь и любовь, лишил ее мужа, а сына – отца. Он мстил ей, сам порой не понимая, за что. Накатывала тоска по любимой – но стоило ему увидеть ее, как тут же просыпалась в нем ярость, граничащая с ненавистью, и он должен был сделать или сказать что-нибудь ужасное, что ранило бы ее до глубины израненной души, чтобы она была уничтожена, раздавлена и не поднялась больше. Может, только так он умел любить – чем больше ей сделает, тем сильнее любит? Оправдываясь перед своей совестью, пытался убедить себя, что ненавидит эту женщину, что она не нужна ему, и сын не нужен, потому как, воспитанный ею, он станет таким же.

Теперешняя его жена тоже была хорошей женщиной, терпеливой и заботливой. Хорошо относилась к маленькому Пите и радостно встречала его в те редкие дни, когда его приводили к ним домой. Умудренная горьким опытом, она знала, как обходить крутой нрав мужа и угодить ему, чтобы сохранить семью. Конечно, она боялась, что Маду снова потянет к бывшей жене. Ведь она и моложе, и краше ее самой, к тому же растит его сына... И потому буквально смотрела ему в рот, ловила каждое его слово и исполняла все его желания. Что и говорить, Маде везло с женщинами. И причиной его внутреннего раздора были вовсе не они, а он сам.

Лейла в самом деле была в расцвете женской красоты. Трудности гнули ее, но не сломали. Высокая и статная, она сохранила все ту же горделивую осанку, нежный цвет лица. Длинную косу она теперь собирала на затылке, приоткрывая длинную шею, и сводила с ума всех мужчин в селе. Не раз ей намекали, да и прямо говорили, что пора бы уже подумать о новом замужестве. Но ее ужасала даже мысль об этом. Для нее Мада оставался единственным желанным мужчиной на свете.

До Мады доходили слухи о том, что к его бывшей жене пытаются посвататься, и просто о том, что она многим нравится, и исходил ревностью. Он был готов убить любого, кто попробует приблизиться в Лейле. Пусть он сам давно живет с другой семьей – Лейлу он лишал такого права. Бывало, ему напрямую говорили: она больше не жена тебе, у тебя другая есть, и бывшая может замуж выйти. Тут он просто выходил из себя и, не стесняясь в выражениях, мог заявить: «Пусть только попробует, она только моя женщина!» Желая уколоть его еще

больше, знакомые говорили: «А какие у тебя права на нее? Ты все у нее отнял, теперь страдаешь, что она не почернела от горя, а осталась такой же красавицей?»

Расставшись с мечтой о примирении с мужем, Лейла все силы и время посвящала сыну и работе. Трудилась в колхозе, не покладая рук, а после ее поставили поварихой на полевом стане. В поварском деле ей равных было не сыскать, и люди в бригаде не уставали нахваливать ее золотые руки и хлебосольство. Теперь и у нее с сыном дела пошли на лад. Раньше приходилось Питу оставлять у соседей, а на кухню она могла брать его с собой. Он был накормлен и досмотрен весь день. Мальчик подрос, но в школу еще не ходил. Кудрявый, ухоженный, круглолицый малыш был всеобщим любимцем. Целыми днями его звонкий голосок звучал на полевом стане.

Все стало сложнее, когда за Лейлой начал ухаживать мужчина, старше ее годами, солидный и неразговорчивый. С женой был в разводе по одной причине: у них не было детей. Маленького Питу Джерий полюбил, очень хотел назвать его своим сыном, дать свою фамилию, пока он еще маленький, и вырастить, как родного. Так он говорил. Но Лейла была непреклонна. Женщина была уверена: вряд ли она сможет когда-нибудь полюбить снова. Как ее ни уговаривали все вокруг, твердила одно:

– Ни за что, и слышать не желаю. Не верю я ни одному мужчине. Если Мада сумел отказаться от сына – чего ожидать от других? Значит, судьба моя такая, буду жить для сына и для себя.

Но Джерий не сдавался. Редкий день он не появлялся на полевом стане, где работала Лейла. Правда, разговаривать с ней подолгу стеснялся, даже краснел, как юноша. А советчики не давали ей покоя: «Ну что тебе еще надо? Серьезный, состоятельный, дом – полная чаша, хозяйкой в нем будешь. А он только и мечтает, что о тебе и твоём сыне».

Иной раз она и сама задумывалась: может, и вправду лучше будет, если она не останется на всю жизнь одна в поле, и у ребенка отец будет, хоть и не родной, а все же защита. Но стоило подумать, каково это – жить с нелюбимым мужчиной, она вздрагивала и отступала. Как ни странно, в глубине души она верила, что Мада когда-нибудь одумается и вернется к ней. Только о нем она грезила, и все так же не могла свыкнуться с мыслью, что он потерян для нее навсегда. Зачем он обрек ее на одиночество? За какие грехи ее карает Всевышний? Если бы просто ушел – так нет, он унижает ее и сына. Сына, который так привязан к нему и ждет его все время! Мало ей было страданий в сиротской жизни. А он еще добавил ей сиротства, подкосил ноги своего сына, повернувшись к ним спиной. В страшном сне ей не могло бы присниться все, что произошло с ними – с ней, с Мадой, с их ребенком...

– Несчастливая, хватит раздумывать, – убеждали ее отовсюду. – Или ты всю жизнь хочешь оставаться брошенной женой, к которой любой

прицепиться захочет? А сына как будешь поднимать? Выходи за Джерия, и забудешь про свои заботы, наконец...

Лейла долго не сдавалась. Выйдя замуж, она отсекает все пути назад, все надежды на возвращение Мады. Неужели она больше никогда не услышит его ласковых слов, не окажется в его нежных объятиях?..

И тогда за дело взялись те, что считались самыми близкими для нее – вырастившая ее семья:

– Когда ты поймешь, что твой муж бросил тебя, женился на другой, усыновил чужого ребенка! Мы тоже имеем право принимать участие в твоей судьбе. Ты выйдешь замуж за Джерия, лучшего мужа тебе не найти.

Это было сказано не просто так. От слов родственники перешли к делу, и Лейле ничего не оставалось, кроме как смириться. Но с первых же дней поняла: лучше бы она жила одна. Этот мужчина был ей чужим, а его дом – крепостью. Постылые ночи казались бесконечными, она мучилась бессонницей и часто смотрела на часы, дожидаясь утра. А Джерий наконец получил свою мечту, рядом с ним была красивая, молодая жена, и его безмятежный храп перекликался с ровным, таким же безмятежным дыханием. Ребенка он очень любил, и при виде Питы его губы расплывались в нежной, счастливой улыбке. И это было искренне, он не мог пройти мимо мальчика, не погладив его по головке, и называл его ласково «сынок».

А еще в ночные обязанности Лейлы входило вставать и смотреть, не сползло ли одеяло с двух ее золовок, старых дев. Притом одеяла полагалось не только поправить, но и подоткнуть, чтобы они проснулись и увидели ее, иначе они на завтра надули бы губы и пожаловались, что сноха ни разу не проводывала их за ночь. Капризные и вечно недовольные, эти девицы про всех находили, что сказать плохого, неудивительно, что замуж их так никто и не позвал. И вряд ли еще позовет. А эта их новая сноха умудрилась дважды выйти замуж – это, конечно, бесило их больше всего. Впрочем, их постоянные придирки и ворчание мало трогали Лейлу. Напротив, ей нравилось вставать по ночам, будить золовок, разговаривать с ними – так ночь казалась короче.

Разница в возрасте с мужем была заметная. Бывало, придет кто-то по делу к Джерию и, видя ее, скажет: «Позови отца». В доме, где все были старше ее, Лейла казалась цветком.

Ее красота и великое терпение были еще одним поводом для зависти ее склочных золовок. Она никак не откликнулась на их придирки, все сносила молча и не давала втянуть себя в ссоры. При этом думала: «Ради чего я все это терплю? Ладно бы из любви к мужу, но этого как раз и нет...» Ничего, кроме благодарности за его доброе отношение к ней и сыну, она к Джерию не испытывала. А он, казалось, не замечал ее холодности. Он просто был счастлив и каждое утро ощущал себя помолодевшим.

Лейла при каждом удобном случае старалась уединиться в пустой комнате и давала волю слезам. Иногда Пита заставлял ее и спрашивал: «Мама, почему ты плачешь? Ты по папе скучаешь?» Она прижимала к себе сына и плакала еще горше – ведь ребенок говорил истинную правду. Смотрела на него – и не находила ни одной точки, не похожей на отца. После замужества ее тоска по Маде не только не угасла, как она надеялась, но усилилась и стала невыносимой. Она сравнивала нелюбимого мужа с ним, вспоминала его руки, которые ее обнимали в минуты счастья. Каждый день, прожитый с Джерием, отдалял их с Мадой друг от друга. Она мечтала хотя бы услышать что-нибудь о нем – как он, что думает, что делает? Может, он вернется и вырвет ее из этого ада, если Пита скажет ему те же слова, что и ей: «Папа, ты скучаешь по маме?».

Она даже не предполагала, как близка к истине. Узнав о замужестве Лейлы, он окончательно сник, его буйный нрав непостижимым образом утихомирился. Жизнь показалась пустой и никчемной. Женщина, с которой он жил без особой любви, теперь совсем ему опостылела. Впрочем, и ей, видно, надоели его шараханья. Вскоре выяснилось, что она помирилась с бывшим мужем, и они решили снова быть вместе и воспитывать своего сына. Она потребовала развод, Мада не особо сопротивлялся. Квартира, которую он оформил на пасынка, ему же и досталась по закону. Так что Мада остался ни с чем и один на один со своим раскаянием. Он не пытался теперь искать себе оправданий, хотя и раньше понимал, что он один виной их с Лейлой несчастья. Ослиное упрямство и короткий ум – вот к чему они ведут. «Разве я был достоин такой женщины? – говорил он теперь себе. – Ведь знал, что она одна на свете такая красивая и чистая. И что я натворил? Своими руками отрезал от себя и сына, и любимую жену. От сына-то как я мог отказаться! Что за пелена была у меня на глазах? А теперь что делать? Пойти к ней, покаяться и увести из новой семьи? Я и знать не хочу ее нового мужа, и видеть не хочу, боюсь, не удержусь и убью на месте... Вот тебе и отомстил. Привел в дом соперницу, думал Лейле больно сделать. А она мне в ответ... Как она терпела все эти годы такое унижение?.. Да, но как мне стерпеть, что она теперь с другим мужчиной?! – Он бил себя по голове, мучимый поздним раскаянием, и сам же отвечал на свои вопросы: – А вот так и стерпишь, Мада. Ты умом оскудел и наворотил дел, теперь расхлебывай!»

Он жалел себя, воображая, что Лейла теперь счастлива, с ней рядом и муж есть, и сын. А он совсем один. Больше всего было представлять себе, как Лейла обнимает другого. Неужели она обнимает того мужчину так же нежно и с любовью, как было с ним? Нет, не может быть. Лейла только его женщина, и ни с кем другим она не может быть так ласкова, как с ним. Такая любовь бывает только раз в жизни. И они рано или поздно снова будут вместе.

Он тешил себя надеждами, но не делал никаких попыток повернуть время вспять. Поехать бы к ней немедленно, рассказать обо всем, что выстрадал, покаяться и забрать ее, чтобы заново строить свое гнездышко, как было раньше. Но что-то его останавливало, а что – он и сам не мог сказать.

Шли дни за днями. Он оставался один, и даже родным не сказал, что жена ушла от него. Каждую ночь он ходил по комнате без сна и давал себе слово: завтра же он поедет и заберет свою Лейлу. Но наутро, словно протрезвев, думал: «Ведь у нее семья, муж. Если ладят между собой – пусть так и будет. Зачем опять вмешиваться и рушить ее жизнь?» Но наступала ночь, он опять метался по дому и твердил одно: «Она моя, и завтра же я поеду за ней и за сыном!»

В конце концов, устав от метаний и одиночества, он познакомился с какой-то женщиной и привел ее в дом. Она была из тех, что повидали многое и многих на своем веку, и вела довольно свободную, разгульную жизнь. Каждый вечер к ней навевались шумные компании подружек и дружков, в доме до утра не прекращались пьянки, музыка и танцы. Вскоре и Мада втянулся в эту развеселую жизнь, стал выпивать. После этой женщины у него появилась еще одна, затем еще. И вот так, в пьянках и разгуле, прожигал он свою молодость.

Жизнь Лейлы тоже никак нельзя было назвать счастливой. Джерий всегда оставался невозмутим, ленился лишнее слово сказать. Придет с работы – подай ему чистую одежду, горячую еду, дай молча выслушать стенания сестриц, которые исходили ядом в адрес снохи – и все. Потом завалится спать и до утра забывается безмятежным сном. Лейла же была в его доме прислугой. Но любому терпению приходит конец. Она предпочла одиночество, от которого бежала, и ушла от мужа. Снова пошла в колхоз работать, а Пита в том году пошел в первый класс. Правление выделило ей участок, на нем выстроили ей домик в две комнатки. Часть затрат взял на себя колхоз, часть должны были удерживать из ее зарплаты. Что ж, лучше свой маленький курятник, чем дворец, в котором ты бесправна. Лейла затянула потуже пояс и начала строить жизнь заново.

Все больше скатывался по наклонной Мада. Он спился окончательно, женщины в его доме менялись одна за другой, но ни одна не стала для него спутницей жизни. Большим ударом стала смерть матери. Теперь он окончательно осиротел. Братья повзрослели и жили своими семьями. Постаревший раньше времени Мада иногда навещал их, но никто ему не был рад. Напротив, снохи откровенно воротили носы при его появлении, могли даже сказать: «Ну вот, приперся опять, кому он нужен?!» Со стуком поставят перед ним, как перед собакой, тарелку с какой-нибудь едой, скомандуют «ешь!» и отойдут, брезгливо морщась – мол, нечем от перегара дышать. Только такого отношения заслуживал в их понимании старший деверь. От этих унижительных слов и отношения

бедному Маде кусок не лез в горло. И он так и уходил, не доедая, хотя горячую пищу видел редко.

В свои годы он выглядел дряхлым стариком, тощим и жалким. Знакомые отвернулись от горького пропойцы. Со временем он вообще перестал заходить к братьям. Снохи не особо переживали по этому поводу, братья тоже не очень скучали. Стояла зима, на улице был страшный гололед. Мада все не появлялся. И тогда братья забеспокоились: не случилось ли чего с этим несчастным? Дома его не оказалось. Стали искать по всем знакомым, по местам пьянок, возле пивнушек – никто ничего не знает. Кто-то сказал, что он иногда уходил за город, туда, где стояли заброшенные совхозные бараки. Братья поехали туда, надеясь отыскать следы Мады. Пошел густой снег, и он тут же скрывал все следы. Так что оставалось только заглядывать во все сараи и углы. В одном бараке без дверей в углу лежала куча соломы, на которой виднелось что-то темное. Человек? Братья бросились туда. В закоченевшем от холода и голода существе узнали своего брата:

– Он?

– Да! Вроде дышит...

Они перенесли его в машину, привезли домой к среднему брату. Искупали в теплой ванне. Как ребенка, одели в чистое и уложили в кровать. Мада был совсем обессилен и не мог даже встать. Говорил через силу, да так тихо, что его едва было слышно. Пришлось снохам ухаживать за ним, преодолевая отвращение. Он чувствовал это и молча сносил косые взгляды, старался ничем не утруждать женщин, пока братья были на работе. Но когда они приходили, позволял себе капризничать. Впрочем, просил только об одном – немного водки.

– Все равно подышать... дайте хоть умереть спокойно, – умолял он, и тогда ему наливали полстопочки. Но вскоре он и к водке потерял интерес. Теперь взгляд его был все время обращен к двери, и всякий раз, когда она открывалась, он спрашивал:

– Пита? Это Пита? – Поняв, что ошибся, начинал причитать, тихо шевеля губами: – Прости меня, сынок... Дурак был, молодой, непутевый. Ты-то в чем был виноват, сынок, как я мог так обойтись с тобой! Прости...

Глаза его плохо видели, и он иногда путал дверь с окном и тянул руку в сторону просвета, как бы призывая кого-то и приглашая зайти. И все ждал, ждал. Не дождавшись, хватался за голову, потом рука его обессиленно падала на грудь.

Так и оборвался его нелегкий жизненный путь...

Пита из окна увидел, как возле ворот остановилась машина, и из нее вышли двое мужчин в шапках. Похолодевшим сердцем юноша понял, что это горевестники, и они принесли плохую весть об отце. Он вышел на улицу. После короткого приветствия ему сообщили о случившемся. Пита стиснул зубы и, едва удержавшись на ногах, ухватился за ствол

молодого дерева, которое сам же посадил у ворот. Мужчины посочувствовали его горю и уехали. Пита мог теперь не сдерживать свои слезы. Все так же держась за ствол дерева, он медленно сполз вниз и опустился на колени. Кому он пожалуется на свою сиротскую долю? Разве что этому деревцу, такому же терпеливому и открытому всем ветрам. Оно стояло прямо на улице, и не раз его ветки обламывали прохожие, объедали животные. Но корни давали ему силу, и оно снова по весне возрождалось и радовало глаз молодыми побегами, давало тень усталым путникам. Не раз Пита глядел на усилия дерева и восхищался его волей к жизни. Не раз он разговаривал с ним, сравнивая свою судьбу с судьбой дерева. Бывало, спрашивал у него: «У тебя хватило бы сил оторвать от себя вот этот свой побег и выбросить на произвол судьбы? А если бы тебя не держали в земле корни и ты умело бы ходить, разве ты не захотело бы посмотреть, где теперь твой побег, что с ним, где он пустил корни, или, может, засох где-нибудь на отшибе? А может, твой росток сам виноват? Ты не смог найти его, и ему пришлось пустить корни в чужой почве?»

Сегодня он задавал себе те же вопросы и не находил ответа. Он бы хотел поехать на похороны отца, но в мозгу звучали горькие слова, разлучившие их: «Не сын он мне!». Так и получилось – отец его бросил, променял на чужого сына, а родной так и остался мыкаться, завидуя тем, у кого есть полная семья. И сегодня он будет один среди родни: кому он нужен, кто его узнает на этих похоронах? К кому подойти? Кто обнимет его и будет оплакивать отца вместе с ним?

Оплакивать? Он уже давно оплакал своего родного отца. Все свою короткую жизнь только это и делает. С младенчества как остался без его тени, так и прожил до сих пор. При живых родителях был сиротой. И сейчас он оплакивает вместе с ушедшим отцом и свою жизнь, и несчастную долю своей матери. Горячие слезы падали на тонкий ледяной наст под деревом, прожигая его. Скрытая боль распирала его грудь до дрожи во всем теле. С веток осыпался заиндеветый снег, остужая голову. Порывы ветра еще сильнее трясли деревце, словно прогоняя замерзшего юношу в дом. Да что ветер, он и так всю жизнь продувает его со всех сторон. А может, помогает устоять, стать крепче? Повзрослеть, в конце концов?

Осиротевший Пита, утомившийся раньше срока от дороги, вечно идущей вверх, казалось, остановился и замер теперь на краю пропасти.

КОГДА-ТО ЭТО БЫЛ ГОРОД-САД

*Стихи и удетероны*¹

Я ВИДЕЛ ИСКАЛЕЧЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ...

Я видел деревья, искалеченные людьми,
Птиц с перебитыми крыльями,
Котов и кошек с выбитыми глазами,
Брошенных собак и детей.
Мне часто бывало стыдно, что я человек.
И только иногда гордился принадлежностью
К роду людскому –
Когда читал Толстого и Руссо,
Слушал Бородина и Даргомыжского,
Стоял возле полотен Рембрандта.

ТРИПТИХ О ВРЕМЕНИ

1

странное было время
искривленное было пространство
Эйнштейн ничего не понимал
и часами играл на скрипке
а мама в школе учила стихи
о легендарном батыре Ежове

2

Какая стабильная была жизнь:
Каждые пять лет партсъезд,
Планы на будущее и предстоящее.
И никто на трибунах не замечал,
Что будущее расходится с настоящим.
Об этом кричали только поэты,

¹ Удетерон – авторский термин, которым поэт и теоретик стихосложения Владимир Бурич называл минималистские тексты (например, одностроки) или фрагменты более обширных текстов.

Но все они были отправлены
На берега Леты, в психушки,
Лазареты и специальные кабинеты.
Потом будущее, как водится, стало прошлым,
И критиковать партию стало пошлым.
А поэты стали известными, жирными
И многословесными.
Оправдались их прогнозы,
Что зимой будут сильные морозы,
Весной – капель, кукушка – летом,
Осенью – луна.
С праздником, родная сторона!

3

Облака, как конница, движутся в Сухум.
Море Черное старается – моет берега.
Человек под деревом думает о времени.
«Остановись мгновение – ты прекрасно», –
молвил как-то древний грек.
Человек – ты сам мгновение.
И прекрасен только в те часы мгновения,
когда Всевышний отражается в тебе.

КОМПЛЕКС СТАНИСЛАВСКОГО

Когда порою рассказываю, что это был город-сад,
в котором не знали, что такое контртеррористическая операция,
люди на улицах делились не на мусульман и православных,
а на курортников и местных жителей,
вдоль всего главного проспекта цвели розы,
а в маленьком букинистическом магазине встречались
известные поэты и будущие нобелевские лауреаты, –
случается, замечаю, что молодежь с трудом преодолевает
в себе комплекс Станиславского.
С таким же затаенным «не верю» слушал когда-то и я
рассказы героев Гражданской войны!

ГЛАВНЫЕ СИЛЫ

Я знаю, что такое жизнь!
Мне о ней рассказывал

старый подполковник
в пивном ресторане
на Петроградской стороне.
Ему приказали удерживать
плацдарм до подхода
главных сил.
На третьи сутки боев
он спросил по рации
командира, когда же подойдут
эти самые главные силы.
И услышал в ответ:
«Их не было, сынок!
Теперь главные силы –
Это ты и твои головорезы.
Держитесь до последнего!».
Звезду Героя ему вернули
только после XX партсъезда.
На всех этапах, лагерях и пересылках
его хранила одна лишь вера
в страну и русский народ.
«Помни, сынок, теперь ты –
резерв главного командования.
Стой до последнего
на своем рубеже!» –
говорил он мне,
мальчишке-студенту,
разливая водку по стопкам.
И мы пили, стоя, за нашу Державу!

Ты не подорвался на mine,
как подполковник Дзахмышев,
тебя не застрелил снайпер,
как капитана Казиханова,
ты не разбился в самолете,
как генерал Трошев,
не погиб в ДТП,
как старлей Волков,
не спился с тоски,
как майор Ленька Жуков,
так какого чёрта ты жалуешься на судьбу?
Ты еще не раз напешься в зюзию
после выписки из госпиталя!

Встретишь в поезде хорошую женщину.
И на одной ноге и протезе
будешь с ней в обнимку шагать по этому зеленому саду,
где мы все вместе сажаем семена любви и братства.

К тому лету готовились основательно:
Она купила себе итальянские бикини,
брендовую пляжную сумку
и супермодные солнцезащитные очки,
он – джинсы-бермуды, зеленую бейсболку,
плавки с рисунками в стиле Хуана Миро
и сандалии из мягкой кожи.
Спорили только о месте отдыха:
она хотела в Афон – чистое море,
все диковинки на одном пяточке,
фантастическое вино Гиви Тарба
и двадцать минут до Сухума,
если захочется развлечься,
он настаивал на Коктебеле –
мансарда Волошина,
винная линейка завода Инкерман
и литературные фестивали,
где его когда-то принимали на «ура».
Но все сложилось, как в дурном кино:
он все лето провел на больничной койке,
а она была при нем и сиделкой,
и медсестрой и поварихой.
А теплое море билось о старые пирсы,
выбрасывало на берег причудливые дары
и обдавало их пенными брызгами только
со страниц антологии новозеландской поэзии,
которую она ему читала перед сном.

ОТ МАТФЕЯ

Он всегда думал, что ему будет знак.
Он успеет проститься с друзьями,
сказать финальную фразу
и эффектно уйти в вечность.
Но все произошло как-то неожиданно,

после полудня, на пригородном вокзале.
Он даже сплунуть не успел!
Говорил же нам Матфей, что каждому
воздастся по делам его.

ТОСКА ПО БАРАКУ

Бывший узник соцлагеря
Просится обратно в свой барак.
Но некому открыть ему ворота –
Охранники заседают в парламенте.

КРАТКИЙ КУРС ФИЛОСОФИИ

Бибихин разъяснял нам Хайдеггера.
Мотрошилова разъясняла нам Хайдеггера.
А Хайдеггер разъяснял всем Парменида.

ПРОТЕСТНОЕ

Протестую против империализма тела!
Да здравствует социализм мысли!

ЭПИТАФИЯ ПОЭТУ

Никогда не знавший денег,
За переправу он заплатил стихами.

ПИТ МОНДРИАН: Композиция из линий. 1916–1917

Аз, буки, веди,
Глаголи мастер:
«Добро есть –
Живете зело!».
Иже как люди мыслете:
«Наш он – Пит голландский
Мондриан!».
Забросил в небо алфавит
И, затаив дыханье, зрит,

Как капли звуков
На землю льнут стихом.
На реки покой,
Слово твердо,
Живопись сильна.
Там ер и ять червем
Карабкаются на ферт.
Рцы вам, юс большой и малый!
Фита и ижица
По краю движутся.

Борис БАЛКАРОВ

КАК МЫ СНИМАЛИ КИНО

Рассказ

В тот год Вера с Колей решили пожениться. А почему бы нет? Наша доблестная компания студентов-физиков восприняла это как очевидный с точки зрения физики факт. То есть если два атома летают рядышком, то, естественно, они склеятся в одну молекулу.

Но вопрос был не в том. Напоминаю, мы – студенты, а молодым надо что-то подарить на свадьбу. Тем более, они же из нашей компании. Объясняю. С одной стороны, речь не шла о шкафах или там постелях и пододеяльниках – не сиротки. С другой стороны – хотелось чего-то такого, чтобы ну типа «на всю оставшуюся жизнь». А с третьей стороны, мы же – студенты, и стипендии хватает исключительно на пиво, реже на «шмурдяк»¹, а еще реже на водку.

Оргкомитет – наша компания, к которой, кстати, принадлежали «молодожены», напрягался так... Забыл, кто написал песню про два монастыря, вот пара строк из нее:

*...Потом мужчины долго заседали,
И обсуждали план работ на год.
А в это время женщины копали,
И продвигались женщины вперед!*

И вот кто-то из них, красивых, но умных (не, девки наши были «супер» – недаром же мы их подбирали, – не в том смысле, что там они никому не были нужны, а в том смысле, как подбирают артефакты в коллекции), с математического отделения и филологинь, сказала: а фотоаппарат у них есть?

Эта фраза подействовала на меня как упавшее яблоко на Ньютона.

– Есть, есть! Кинокамера! Во! И на сдачу бачок для проявки киноплёнки. И можно зафиксировать все свадебные торжества, а также последующие интересные моменты супружеской жизни (ну, это пусть сами молодые и фиксируют).

Тут надо обязательно отметить, что у меня уже начиналась как бы литошизопаранойя, развитию которой весьма способствовал мой тог-

¹ Убийственный на вкус портвейн, названный так по фамилии тогдашнего директора Прохладненского винзавода. Главные достоинства – цена и то, что он гнался всё же из винограда.

дашний друг Андрюша Лихачев (где ты ныне?). И мы с ним на лекциях по теории машин и механизмов увлеченно «ковали» роман, названия которого я уже не помню, но пару цитат не удержусь привести: «Агент Афедрон-000, выскочив с сотового этажа небоскреба и придя на копчик, в сердцах сказал: проклятые глюканы, третий звездолёт угоняют!». Или: «Артык, вскричала Айна, в тоске ломая себе все четыре руки... Айна, вскричал Артык и потянулся к ней всеми своими шестью губами...». В общем, фантазия наша удержу не знала.

Видимо, у всех из нашей компании были тогда в шкафу скелеты подобного рода.

И ещё. Вышло это нам, студентам, вполне по карману. О господи, да о чем говорить! Несколько позже я купил себе полупрофессиональную камеру – 16-миллиметровый «Красногорск» за 350 рублей. А бутылка водки, для сравнения, в то же время стоила всего 6 рублей. А зарплата у меня была 400 р. Но «Красногорск» – это же по тем временам советский «Мерседес» от кинокамер! И за такие деньги...

Так что «Кварц», бачок для проявки и даже проектор под тем же названием вполне оказались по карману бедным студентам тех времен.

Ну, свадьба отгуляна, до сессии ещё далеко, а на дворе весна, ранняя, но тёплая. И понятно нам стало, что пора снимать кино. А что, такая техника – и простаивает даром!

Со времен, ну не Льюэра, но, по крайней мере, Эйзенштейна любое кино (хотя мне больше нравится архаичное «фильма») начинается со сценария. А точнее с некой такой задумки – об чем снимать.

Да, кто хоть раз побывал в наших ряях (хотел написать «краях», но я ошибся, и, по-моему, в правильную сторону), тот сразу бы понял, что снимать нужно исключительно вестерн. А что? Природа соответствует, да и от джигита до ковбоя расстояние небольшое. Идея снять вестерн очень пришлась по душе нашей компании. Ведь дух «Великолепной семерки»¹ с великолепным Юлом Бриннером² всё ещё ощутимо витал в воздухе. «Никогда не думал, что для того, чтобы попасть на кладбище, нужно быть ещё чем-то кроме трупа».

Но пред нами встал вопрос о сценарии. И мы решили устроить мозговой штурм. И мы его таки устроили! Алкоголя было как раз в пропорции между стипендией и креативом.

¹ «Великолепная семерка» – один из редких американских вестернов 50–60 годов прошлого века, вышедший на наш экран и сразу ставший культовым. Кстати, фильм был раздерган на цитаты и ниже по тексту приводится одна из них.

² Юл Бриннер сыграл в «Великолепной семерке» главную роль и был совершенно лысым. После этого фильма молодежь стала поголовно брить головы.

Итак, сюжет (раскадровку мы решили делать по методу Дзиги Вертова, по месту и обстоятельствам, то есть если режиссер решит, что надо снимать крупным планом окурок, торчащий из урны, мы его снимем!).

Молодая и красивая наследница нехилого ранчо отдает свое сердце бедному, но красивому и благородному герою. Злодейский злодей¹ хочет завладеть наследством красавицы, для чего решается на злодеяние: красавца-героя убить, а красавицу и наследницу похитить и держать в «черном теле», пока она не согласится стать его женой. Начало драмы и по сию пору поражает меня оригинальностью замысла.

Злодей подслушивает разговор героини с героем, в котором тот назначает ей свидание на «их» поляне для окончательного выяснения магримониальных проблем. Злодей тут же разрабатывает коварный план, который состоит в похищении героини с места свидания. Для похищения злодей и подкупает нескольких индейцев, которые за соответствующую дозу шмурдяка готовы были бы похитить и самого декана, тем более, что дело клонилось к сессии.

Но коварные планы злодейца становятся известными слуге красавицы, старому негру Юпитеру (подслушал, сука), и он спешит на встречу, которую, прикинувшись белым и пушистым, назначает ей злодеец. Ну, надо же предупредить свою госпожу о готовящемся злоумыслии!

Сейчас, вспоминая о тех светлых временах, я высоко оцениваю не только оригинальность замысла, но и его логику. Что бы, например, этому верному слуге не раскрыть своей хозяйке гадский умысел еще дома. Таки нет! Он отпускает ее на свидание, а потом мчитя туда...

По умолчанию и героиня, и злодеец едут на роковое свидание на мустангах. Тут надо отметить, что с мустангами у нас была конкретная напряженка, потому и «по умолчанию». Старый же добрый негр Юпитер лупит туда пешком. Ну и, разумеется, находит вместо героини «искры непогасшего костра». Пытаясь найти в угольях следы злодеяния, он подставляет спину коварным индейцам, которые уже схватили и сдали свою прекрасную добычу злодейцу и вернулись на место преступления, чтобы замести следы. Итог – старый добрый негр Юпитер получает в спину коварную индейскую стрелу.

Но долг перед красавицей хозяйкой много сильнее смерти, поэтому он (Юпитер) не подыхает, пока на этой поляне не появляется геройский герой (чего он туда приперся? Ах, да, интуиция и вообще, экзистенциализм и прочее...). Но старый добрый негр Юпитер на последнем издыхании рассказывает герою, как его возлюбленную умыкнул этот злодейский злодеец. Причем приводит такие подробности, от которых холодеет сердце. Оказывается, чтобы сломить ее сопротивление и по-

¹ Да знаю я, что такое тавтология! (Автор.)

колебать моральные устои, он поил ее лимонадом, который разбавлял изрядной долей «Фруктово-ягодного» за 1 р. 17 коп.¹ Ясно, что после такого коктейля пуритане, а красавица была пуританкой, нервно курят в сторонке, если у них еще хватало на это здоровья.

Изложив все эти перипетии геройскому герою, старый добрый негр Юпитер умирает в страшных муках. Герой проливает скупую мужскую слезу и претя наказывать героя, а заодно и выручать свою суженую.

Понятно, что он таки настигает злодея. Дальше – смертельная схватка в каком-нибудь экзотическом пейзаже. Героя долго и нудно избивают злодей, но в конце концов злодей напарывается на собственный ножичек, который с кровью в дланях выворачивает из его рук герой... и так шестнадцать раз.

Не, ну, конечно, не «Великолепная семерка», но и фильм-то по определению собирался быть малобюджетным. Но, как говорится, у нас было. А было у нас два ружья, которые вполне могли сойти за винчестеры, здоровенный штык, которым в конце концов герой «успокаивал» злодея, и еще, может быть, самое важное – коробка театрального грима.

В общем, сценарий прошел. Следующий банкет был посвящен распределению ролей. Тут тоже возникли вопросы. Естественно, роль героини досталась Верке. Ну, во-первых, красивая, а во вторых... да она и сейчас почти такая. А вот роль героя её мужу не досталась. Было сказано – камера твоя, вот и стой за камерой, главным оператором. Коля очень нервничал. Ведь в конце фильма герой должен был наносить героине крупноплановый поцелуй в диафрагму. А бедный Коля должен был всё это снимать.

Вот тут пришло время конкретизировать нашу съёмочную группу. Итак.

Главный герой – Жек (Принц). Высокий блондин в... дальше, кто знает, то продолжит.

Злодейский злодей – Вовка (Книгин). Тоже блондин, но мы ему собирались зачернить бровки и подрисовать гадские усики. Очень стал бы похож.

Коварные индейцы – еще два Володи (Дон Фофо и Балдежник). Для придания им хотя бы какого-то индейского антуража пришлось нарвать целый сноп папоротников, которые мы при гриме и напихали им в разные места, и разрисовать морды белыми и красными полосами.

Каскадер – Сашка (Степан). Атлетический юноша. Когда в «последней схватке» герой и злодей делали акробатические трюки, то на самом деле их делал Степан. В промежутках жарил шашлыки.

¹ Фруктово-ягодное – это было много страшнее на вкус шмурдяка, поэтому мы его и не пили.

Старый добрый негр Юпитер – ваш покорный слуга. Дело в том, что у меня у единственного в съемочной группе были белые штаны (забегая вперед, скажу, что после съемок они такими быть перестали). Ну и поскольку меня назначили режиссером фильма, то я выбрал роль, в которой меня быстро убивают, чтобы после этого я бы мог без помех ваять наш эпохальный вестерн, направляя в русло мировой кинематографии.

А на камере был Коля. Ну его же камера...

Да, еще был штатив. Маленький, но настолько похож на настоящий, что на его ручку можно было вывести тросик спуска камеры, а вращая головку, делать приличные панорамы.

И вот, наконец, наступил первый съемочный день – воскресенье. Наша доблестная группа погружается в автобус и едет на Белую Речку. Помимо всех аксессуаров, необходимых для съемки, типа ружей и т. п., «в резерве главного командования» имелось в наличии достаточное количество согревающих напитков (достаточность количества объяснялась не алкоголизмом, а тем, что весна была все-таки ранней, а вода в горной речке – холодной. Ну и кастрюля шашлыка – какая съемка на пленере без оного?). Слушайте, мы же даже «хлопушку» сделали. Кусок фанеры с болтающейся на гвозде планкой. Правда, её мы забыли дома.

Пленер был супер! Поляна столь широкая и живописная, что на ней бы и стадо мустангов могло бы устроить нехилый стипль-чез. Но не было их у нас. Сбоку по поляне протекал маленький, но шустрый ручеек. А кончалась поляна откосом, метра четыре высотой. И вот тот самый ручеек с этого откоса падал вполне себе серьезным водопадиком, причем не по откосу, а оставляя достаточно пространства между стенкой откоса и местом его падения.

Ясно стало ежу, что финальная схватка героя и злодейца должна происходить именно здесь, и чтобы их лица – у одного обуреваемое жадной справедливой мести, а у другого – лютой злобой, перекрывали струи летящей на них воды.

Дальше – грим. Ну, индейцев не столько гримировали, сколько увешивали папоротниками, лопухами и прочей флорой. Со злодейцем тоже было просто. Подрисовали тонкие черные усики, подчеркнули бровки (а был он откровенным блондином), внеся в его внешность этакую злодейскую гадкость.

А вот со мной, старым добрым негром Юпитером, пришлось повозиться более изрядно. Прежде всего, мне нужно было загримировать морду лица полностью. Во-вторых, нужно было загримировать руки почти до плеч и ноги почти до колен. Вы же понимаете, что рабы в ту пору в Америке ходили босиком. И оказалось, что если мазать меня чисто черным гримом, то это не есть правильно, ибо тогда я начинаю походить на участника советских джаз-бандов начала становления Советской власти (см. фильм «Мы из джаза»). Оказалось, что лучше всего

подходит смесь из коричневого, темно вишневого и, совсем немножечко, черного тонов. Так вот меня и зашпаклевали.

Первая сцена. Юпитер на поляне осматривает следы костра и убеждается в том, что героиня была похищена. «Мотор, камера...». Из кустов появляются Дон Фофо и Балдежник в «прикиде» индейских таких индейцев. Они целятся из луков в бедного Юпитера. Правда, в момент выстрела у Дона Фофо падает его юбка, сплетенная из листьев папоротника.

Вот тут требуется некое пояснение. Луки у наших индейцев хоть и уступали знаменитому тисовому луку Робин Гуда, но были сделаны из имеющегося под рукой орешника, а тетива у них была из гитарных струн, и били они вовсе не хило. А вот теперь подумайте, как натянуть лук и выстрелить из него, когда одной рукой ты должен поддерживать спадающие вместе с юбкой, извиняюсь, трусы. То есть стрелять нужно одной рукой. Как?

Тут напрашиваются несколько вариантов.

Первый. Лук ты держишь этой рукой, а тетиву и стрелу зубами. Правда, если зубы у тебя не очень (а откуда у студентов тех лет они были «очень?»), то есть большая вероятность, что тетива спустится раньше времени и вдгонку за стрелой полетят и твои зубы.

Второй вариант. Ты держишь зубами не тетиву со стрелой, а сам лук. Но тогда при выстреле, даже если хвостовик стрелы не угодит тебе в глаз, то по морде тетивой ты точно получишь. Конечно, «мужчину шрамы украшают...», но мы же тогда это так не воспринимали.

Третий вариант. Говорят, что некоторые народы успешно применяли тактику, когда лук зажимался ногами. Тогда его можно было вроде натянуть одной рукой. Но народы сии явно жили не в те времена и не в тех местах, о которых поведывала фильма.

Какой способ выбрал Дон Фофо, нам до сих пор не известно. Но, выстрелив, он падает ниц, подставляя ласковому весеннему солнышку свои тощие бледные ягодицы (все-таки юбка и трусы с него спали). Сцена, особенно по нынешним временам, приобретает несколько двусмысленный характер. Конечно, в силу экзотичности техники стрельбы он не попадает. Поэтому роковой выстрел наносит Балдежник, но при этом стреляет так, что мне надо падать лицом в костер.

Ну, я тогда ещё относился к своему лицу с достаточным пиететом, чтобы украшать его ожогами. Пришлось хватать первую подходящую по длине и прямизне ветку, прислонять её к груди и, изображая муки убиенного коварной стрелой, падать на землю так, чтобы всё-таки не угодить в костер. Правда, стреляли они мне в спину, а стрела торчала из груди, но, может, это был такой режиссерский ход? Да, моя белая футболка (а в чем ещё ходили негры?) была конкретно испорчена, потому как наш оператор Коля (из мести, наверное, что ему не дали роль главного

героя) заявил, что тут нужен крупный план. Для этого Верка выдавила мне на футболку полпомидора, и после того, как эта жижа впиталась, Колька с какой-то садистской усмешкой таки сделал «крупняк».

Пока до трюковых сцен еще дело не дошло и Степан был как бы не при деле, ему поручили жарить шашлыки. Делал он это, надо сказать, с большим профессионализмом. Однако тут возникла некоторая сложность. В какой-то момент съемочная группа заметила, что он слишком много внимания уделяет дегустации. А контроль над Степаном, сами понимаете, это нарушение творческого процесса. Да, кстати, это уже более поздние изменения в сценарии – Степан играл друга героя, который выследил и жестоко отомстил индейцам-убивцам. Правда, это обошлось нам дорого. Мертвые индейцы с удовольствием присоединились к дегустации шашлыка, и все увещевания о том, что мертвый индеец не может так много жрать, не произвели на них впечатления.

Правда, Степан все-таки занял заслуженное место на киноолимпе, сыграв мустанга. О нет, мы его не взнуздывали и не гримировали под лошадь. Но на краю поляны росли плотные и высокие в рост человека кусты. И это мы использовали, чтобы отснять погоню героя за злодеем. Сперва Книгин скакал верхом на Степане, постреливая из ружья (холостыми, разумеется). Затем на Степане скакал Принц, столь же лихо стреляя злодею вдогонку. Разумеется, самого Степана из-за кустов видно не было. Но то, как на нем гарцевали и Книгин и Принц, создавало полное ощущение, что под ними горячие четвероногие сыны прерий.

Но вот съемки подошли к своей финальной сцене. В кровавой схватке схватываются герой и злодей. Что тут сказать. Несмотря на неумеренное тестирование шашлыка и шмурдяка, Степан поставил им великолепную драку.

Итак – фон. Берег горной речки. Метра четыре гальки и четырехметровый обрыв, с которого струится самый настоящий водопад. А над водопадиком небольшой, но очень киногеничный грот. Как и водопад, маленький.

И вот под этими струями льющейся сверху воды герой и злодей фехтуют ножами (один из них действительно был штык, времен скорее Первой мировой, чем Второй). Второй же нож был позаимствован на чьей-то кухне за свой размер и устрашаемость. Удары и выпады чередовались с бешеной скоростью и с остановками на то, чтобы Верка, которая по совместительству выполняла функции гримера, могла бы нанести на тела и лица обоих «жуткие кровавые» раны.

Ненависть, гнев, жажда мести и кровь витали над местом схватки. И когда они оба перешли к кулачному бою, выбив из рук друг у друга свое смертельное оружие, то накал перешел в апогей. Подножки, удары следовали один за другим. Дело дошло до бросков через головы, причем приземление приходилось в стремнину реки. И то злодей, то герой, вы-

бираясь из нее и шумно отфыркиваясь (преувеличение – фильма была немая), тянулись к лежащему на берегу кинжалу.

За такой динамикой, за таким напряжением никто и не заметил, что из одежды и на героя, и на злодее только плавки, причем соответствующие моде отнюдь не времен американского фронта. Но это же мелочи, не так ли? А речка-то в это время, нужно сказать, отнюдь не радовала теплом. Так что независимо от исхода схватки и злодей и герой дружно решили, что лучше по окончании съемок переодеться в сухое и теплое.

И тут злодей, как всегда, выбравшись чуть раньше на берег, чем герой, кинул ему в глаза горсть песка (да не было там песка – одна галька) и завладел кинжалом. Начался последний смертельный танец. Злодей загоняет героя под водопад и уже собирается нанести роковой удар...

Крупный план: лицо злодея со злодейской усмешкой победителя.

Следующий крупный план: лицо героя, героически стиснувшего зубы в понимании того, что кто, кроме нас?

И последним чудовищным усилием, изнемогая от нанесенных злодеем ран, герой перехватывает руку с роковым кинжалом и направляет её точно под мышку Книгину. Фу-у-у! Стоп, камера! Снято!

Верка мажет Книгинскую подмышку кровавым гримом. После чего камера запускается, и злодей, истекая кровью, падает под водопад. Хорошо снимать через водопад – не видно, что кинжал торчит не из груди или там, например, живота, а из подмышки.

Герой пытается встать на ноги, делает это с трудом. Но труд его быстро вознаграждается, потому что из грота над водопадом выскакивает героиня и падает в объятия героя. После таких проявлений восторга герой, который по сюжету никак не должен твердо стоять на ногах, вдруг восстает, как птица-Феникс из праха, и заключает героиню в объятия.

Всё! Финал. Поцелуй в диафрагму. Я четко слышу скрежет зубов Кольки, Верочкиного мужа. Он же, бедный, не только не может оторваться от камеры, но зараза-режиссер требует повтора кадра в крупняке! Снято!

И мы уже сидим у костра, как говорится, веселые и довольные, доедаем не слопанный Степаном шашлык, допиваем недопитый им и убиенными индейцами (Доном Фофо и Балдежником) шмурдяк, и проникаемся своей причастностью к великому искусству.

И вот тут радость творчества постепенно начинает переходить в трагедию. И ведь не для всех, а конкретно для меня.

Мы собираемся домой. И нужно разгримировываться. Что там разгримировываться герою – стёр подрисованные бровки. Или злодею – у него кроме бровок еще и усики. Даже индейцам – разноцветные полосы с мордас стереть – не есть проблема. А каково мне – старому доброму негру Юпитеру?

На мне этого грима – килограмм, причем трех цветов. Ну мы же не знали тогда, что грим нужно накладывать не на голую кожу, а на под-

ложку, например, вазелин. Я пытаюсь стереть с себя все эти краски, но чем больше тру, тем более страшный облик приобретаю.

А друзья мои наотрез отказываются ехать со мной в одном автобусе и ставят меня перед альтернативой. Либо я остаюсь здесь до утра, пока они не привезут, как я понял, ацетон, либо... Я согласился на второй вариант.

И они загоняют меня в горную речку, холодную, между прочим, особенно к вечеру, и начинают оттирать «негритянский» грим песком со дна, как хозяйки в свое время оттирали кастрюли.

Незабываемые, я вам доложу, ощущения. Время от времени они извлекали меня из горного потока, критически качали головами и начинали оттирать снова. Наконец, эта «китайская пытка водой», на их взгляд, привела меня к виду, ну, более-менее похожему на человеческий, хотя...

И, тем не менее, в автобусе они запрятали меня в самый дальний угол самого заднего сидения. Знаете, в то время негр в Кабардино-Балкарии был существом весьма экзотическим, а уж негр, большой каким-то экзотическим заболеванием, когда все его части тела... Хорошо каким-то там ягуарам – у них шкура покрыта значительно меньшим количеством цветных пятен. Это я, когда до дома добрался и посмотрелся в зеркало, понял. Понял также, почему народ, который на последнем автобусе ехал в Нальчик, не занимал не то что заднее сидение, куда меня впахнули, но и ещё предшествующий ряд сидений. А то! Сидит личность в бывших некогда белых штанах. Происхождение непонятно, но налицо какое-то жуткое кожное заболевание, выражающееся в пятнах разных цветов – от светло-коричневого до черного на лице и остальных конечностях. Да ещё на коленях рюкзак, из которого выглядывают два достаточно внушительного вида ружейных ствола. Да я бы сам испугался ехать с таким типом не то что на одном сидении, но и в одном автобусе.

Насчет подложки к гриму мне мама объяснила на следующий день, попеняв, что теперь отстирывать простыни ей долго придется, а свои чудные белые штаны я могу просто выбросить, потому как они уже никогда не будут белыми, хотя, может быть, некоторое время будут чудными.

Для себя же я решил, что никогда больше не буду сниматься в гриме. Но после монтажа не только многие с нашего курса, но и наши «подруги-врагини-филилогини» побывали на просмотре дома у Кольки с Веркой, и все были в восторге. А о количестве выпитого на этих банкетах шмурдяка я скромно умалчиваю...

От автора

«Поэзия возвышает и облагораживает человека», – говорил Басё. Искусство хайку (хокку) – это, прежде всего, умение сказать многое в немногих словах. Это не назидательное изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача поэта – заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех ее деталях. Хайку требует от читателя максимальной активности, втягивает его в творческий процесс, дает толчок его мысли. Хайку нельзя «пробежать глазами». Если читатель будет пассивным и недостаточно внимательным, он не воспримет импульса, посланного ему поэтом, поэтика учитывает встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рождают музыку. В колчане у него всего две-три стрелы: ни одна не должна пролететь мимо. Он только будит мысль читателя, дает ей определенное направление. Все растолковать до конца – значит, не только погрешить против поэзии, но и лишить читателя большой радости вырастить цветы из горсти семян, щедро рассыпанных поэтом.

Танка – пятистишие – поэтический экспромт, сложенный по конкретному поводу.

ХАЙКУ (ХОККУ)

В тусклом окне
отражаюсь саксофоном.
Осенний блюз.

Прилипла к губам –
и оторвать нет мочи –
«бесаме мучо».

Одуванчик ждет
дуновения ветра –
прыжок в вечность.

За ноги мои
желтый лист цепляется –
блудный котенок.

Теплой осени просинь
на склонах Эльбруса
подняться так и просит...

Прошла осени
золотая карусель –
ещё б один круг...

«Божья коровка,
полети на небо...» –
верни моё детство...

Падают звёзды,
на каждой сидит колдун,
сжигая души...

У обочины в пыли
поники подорожник –
некому раны лечить.

Шиповник – княжич-красавец –
напоминает молодость мою:
мимо юбка не пройдет – цепляется.

Встречаю зарю.
Мятою пропах шалаш,
снится сенокос.

Жив буду, слажу стихи –
весь день звону моей косы
вторит жаворонок.

Приятный вечер,
знойный час, устали губы,
щечок аромат её волос.

Древний тополь
о чем-то громко поёт,
аж ветки сухие летят.

Отстал от стаи,
скорбно кричит на пруду
одиноким гусь.

На цепи спит пёс.
Возможно, снятся кости,
а может, всё-таки свобода.

Испуг в глазищах
у друга нувориша:
в долг просить пришел?

Порывы ветра то там, то тут,
скачет каштан по тротуару –
осени дни сочтены.

Жуткая бойня на небе:
белых ягнят глотает
черная туча-дракон.

Пейзаж у водопада:
купаются дева, тигры на страже...
Бархатный коврик на стене.

Белого котёнка в зубах
принесла наша черная кошка.
«К добру», – прошептал домовый.

Гарцует, как княжич,
лучезарный шиповник –
осенний подул ветерок.

Дела отвлекли городские,
проворонил отлет соловьев,
до следующего лета дожить бы.

Мимо моего поплавка
грациозно проплыла гадюка –
туда, где запела лягушка...

Утром встал рано:
умылся, оделся, попил чай...
Ну, что ж, придётся жить дальше.

На увядающем цветке
пригорюнилась бабочка –
к утру примёрзла, и всё...

То морось, то дождь, –
пропахла прелой листвой
поздняя осень.

Развод был очевиден –
борщ, поставленный мне на стол,
как и её душа, был холодным...

Нежно-печально
звучит в ночи на склоне лет
осенний мой блюз.

Перезревшие сливы
опали, потрескались –
осы и пчёлы пьют сок...

Что ты каркаешь, ворон,
мне тут на заборе?
Я ведь тоже не сладко живу...

В лесу наелся мушмулы и терна,
аж язык не поворачивается –
спешу к горному роднику...

Далеко видать черную точку –
на скошенном кукурузном поле
бродит одинокий осёл.

В Гурзуфе с пристани
чётко видать, как Аю-даг
крадётся в море...

В безветренный день
кто-то вздумал жечь листья –
пёт глаза едкий дым!

От злых не уйдёшь...
С детства летаю во сне –
лишь там свобода...

По свежей пашне
важно вышагивает ворон –
будто учётчик...

В ливень попала
бабочка однодневка –
жизнь пропустила...

Пытался пожить,
не хватало времени,
так и не пожил.

Тридцать лет уж прошло –
улыбнись и тоскую –
добрым был мой отец...

ТАНКА

Лютая зима –
кукурузными хлопьями
трещит иней вдоль дорог –
акация, шурша,
раняет последние стручки.

Рассыпан жемчуг,
колокольчики звенят,
на каждой травке
утренние росинки
бойко слизывает ветер.

Стожок на склоне
к пруду направлен носом,
словно катерок,
ждет попутного ветра,
подымет якорь и вниз...

О, поле моё –
серая перепелка,
прощаясь с тобой,
слышу плач души твоей –
с неба падает печаль...

Над багряной водой
с отблеском роится мошкара,
переливаясь в багряных лучах,
выпрыгивая, резвятся рыбы...
Занимается вечерняя заря.

В кустарнике,
где шиповник в цвету,
в последних лучах заката
порхают блестящие пичужки –
серебряные, золотые...

«Нынче народ
пошел не тот...
В прошлом году
люди были добрее...» –
ворчит попрошайка.

В казахских степях

Ветер в степи разгоняет жару,
маки танцуют вокруг,
пылая багрянцем,
райские птички поют...
Я в центре вселенной!

Ягнёнок, от стада отстав,
метался, жалобно блеял –
несу на руках к маме-овце,
весь, бедный, дрожит,
а сердце в копытцах стучится.

Лунная ночь. Засыпаю –
из шалаша слышны
всплески рыб на озере...
К утру подцепил огромного карпа,
не успел вытащить – отец разбудил.

Знойное марево.
Выкинул асфальт смолу –
прилипает к подошве...
Видны следы ослика копыт
и две полоски от брички...

Ночью слышу
близкий хохот филина...
Тоже нашел над кем смеяться –
над зверски замученным
в шалаше комарами!

Жара за сорок,
из уличного крана
течёт кипяток –
на базаре стакан воды со льдом
продаю по копейке...

У леса со склона,
где только что закончил косьбу,
издали вижу мерцающие огоньки
села
и как лиловые сумерки плотно
ложатся на крыши...

Мрачная осень –
ангел гуляет вокруг...
Тишина в доме –
бабушка в детство впадала –
воет и воет наш пёс...

Утром солнышко,
смеясь, вспыхнуло в росе,
ветер, кот-лизун,
хвостом своим виляя,
мириады солнц умял...

Показывая
свои хайку и танка
снобу или простофиле,
никогда не докажешь,
что ты не круглый дурак...

Далеко видать –
на высоком холме,
как огромный зонт,
стоит одинокое дерево,
не знаю, какое,
но, пожалуй, я его навещу.

Солнце садится
чуть отдохнуть на горах –
косые лучи
режут деревья в роще,
во ржи поют перепелки...

Устроил ветер
листьям ночную трепку,
на мгновение
весь мой сад осветился –
так блеснула молния...

Допела осень
свой прощальный блюз-печаль –
к утру выпал снег...
Но клён-то ещё звенит –
листья на снегу горят...

С отцом у костра

Капающий жир
в мамалыгу макая,
жарит шашлычок,
улыбается в усы –
доброе вспоминает...

Амур БАКИЕВ

Бакиев Амур Шодиевич. Родился 20 сентября 1961 года в пос. Янтак (Таджикистан). Выпускник средней школы № 9 города Нальчика, в 1983 году с отличием окончил историко-филологический факультет КБГУ. В 1998 году защитил диссертацию на тему «Адыгская цивилизация». Кандидат исторических наук. Автор исторического романа «Легионы идут за Дунай» (изд. 1991, 1995, 1997 гг.), пьесы «Глаза наших друзей» (2009 г.), юмористических, лирических рассказов. В настоящее время работает генеральным директором ООО «Управляющая компания «Порядок».

ЖЕЛЕЗНАЯ СТАВКА САТАНЕЙ

*Главы из романа*¹

9

...Хахуж сделал маленький шаг вперед.
– Начинаем!

Лицо Канжа приняло хищное выражение. Он воткнул свою пику в землю и закрылся прекрасно сработанным медным щитом.

Хахуж – безжалостный убийца-профессионал, непроизвольно насторожился. Он ожидал напряжения, мелких бисеринок пота на тыльной стороне ладони у молокососа. Каких-то заученных поз фехтовальщика без опыта. Ничего подобного не было и в помине.

Грубым жестом резника, идущего к связанному для забоя быку, Канж выдернул свою короткую хошису из ножен. Тускло блеснул серый, плохо отполированный металл лезвия.

«Луженая бронза, что ли?» – успел подумать наставник.

Меч Канжа казался тяжелым и грубо сработанным. Но жала на острие и обеих сторонах клинка были широкими и хорошо наведенными.

Опытный глаз Хахужа отметил такие детали сразу. «Лудили, наверное, цинком... Точно, не оловом... Зачем?» – машинально размышлял рубака. – Мастер Дабеч?! Дешевка! Отправить сына воевать с такой грубой отливкой! А может, малыш сам сделал себе этот стр-р-раш-ш-ный меч?» – Хахужу стало весело от этой мысли. И в тот же миг

¹ Продолжение. Начало см. в № 1, 2019 г.

он вспомнил свой ночной сон. Не предутренный. Именно ночной. Он пытался вызвать его из памяти и не мог. А здесь, перед самым боем, вспомнил.

Во сне он танцевал. Красиво, как никогда. С самых дней своей юности. Звучали пшинадыкуако¹. Да-да! Не шикапшины², а именно пшинадыкуако. И звонкие пхасыч – самшитовые трещотки. Вокруг было много народу. А он ходил по кругу в энергичном и торжественном удже³. С обеих сторон его держали под локти лучшие ученицы-красавицы – Паго⁴, Нашхо, Жан...

Хахуж шел на стоящего перед ним юнца, улыбаясь. Даже с благодарностью. За пробужденные приятные воспоминания о своем забытом сне. И только замахнувшись для обманного движения, он вдруг явственно увидел прозрачные капли, сбегаящие по подбородку запыхавшейся Бафо. Она торопливо пила воду и говорила ему, полизывая зубами о край походной медной чашки: «Быстрее! У них закончились стрелы! Даханэ просит подкрепления! Быстрее, Хахуж! У нас большие потери. Много раненых! Жан утонула в реке... Паго и Нашхо убиты лучниками Тлебьцы...»

«Так, я танцевал с уже мертвыми?...» – мелькнуло в мозгу фехтовальщика. И он, отказавшись в последнюю долю секунды от обманного приема, с чудовищной силой обрушил на Канжа рубящий удар. Сверху слева.

Короткая хошиса врага совершила положенные ей полкруга снизу направо.

И встретила длинный гятэ мастера поединков жалом о жало. Микроном заточенного металла в микрон заточенного металла. Раздался резкий короткий звук. Не звон, а именно звук. Хахуж подался назад, и автоматически выбросил правую руку, чтобы перехватить свой прославленный меч из левой. Для смертельного тычка под щит сопляка. Боковым зрением оторопело уследил отлетающее в сторону отрубленное лезвие своего гятэ. И бесполезную ручку с остатком клинка в сразу ставшей легкой правой кисти.

Хахуж был воин. Один из лучших в Нарте. Он сражался до конца. Переброшенным в правую руку обрубок своего меча он нанес удар под щит Канжа. А левой выхватил кинжал-камэ на поясе и сделал прямой колющий выпад. В лицо сына Дабеча.

¹ Пшинадыкуако (нартск.) – струнный щипковый нартский музыкальный инструмент типа арфы.

² Шикапшина (нартск.) – струнный смычковый нартский музыкальный инструмент.

³ Удж (нартск.) – танец.

⁴ Паго (нартск.) – «гордая», женское имя.

Большой круглый мэух его молодого противника механически прижался к выставленному медному наголеннику, а короткая широкая хошиса совершила злое обратное движение. Справа сверху – вниз.

Раздался бесполезный стук жалкого остатка лезвия о щит. Одновременно с этим рука с кинжалом, отрубленная выше запястья, упала в желтую выгоревшую траву. И в следующий миг Хахуж почувствовал тупой и, как показалось ему, несильный удар в живот.

Тусклое острие вражеского меча, как масло, разрежало толстые кольца его медной кольчуги и пронзило тело насквозь.

– Мезитха, уэй-уэй! – выкрикнул боец мазгуаши, пошатнувшись и нагибаясь, чтобы взять здоровой правой рукой кинжал из левой отрубленной. Где-то там. Внизу. В пелене застилающего глаза тумана.

Ужасная широколезвийная хошиса взметнулась в третий раз и... на землю покатила голова Хахужа. Раз, два, три, четыре. Остановилась. Лицом в землю. Длинная косичка-акя свесилась с макушки по направлению к ногам победителя.

Вокруг стояла неправдоподобная тяжелая тишина. Молчали все.

Нарты Пануко. Нарты Сатаней. Кан-пшаши.

Канж вложил свой невиданный по губительным свойствам меч в ножны и приблизился к поверженному противнику.

Ухватив за рыжеватую с проседью акя, он поднял отрубленную голову. Посмотрел в бледнеющее лицо долгим уважительным взглядом. Алая кровь прерывистыми струйками еще текла из отверстий шейных артерий. Повернулся к своим братьям. Поднял повыше на вытянутой правой руке.

– Это Хахуж-гуазэ, который сражался за всех кан-пшаш Мезитхи.

Пораженные нарты продолжали молчать.

Канж, медленно поворачиваясь, показал свой трофей всем стоявшим за ним. По правую и левую сторону. Потом обернулся лицом к Сатаней и Уазырмесу.

– Священный лес – священное сватовство! Я готова отдать всех моих воспитанниц за сыновей Дабеча. Но хочу увидеть, смогут ли будущие мужья постоять за своих жен, когда встретятся с настоящими мужчинами? Такими, как воины Белой Мезитхи! – голос старшего сына Дабеча звучал громко и ровно. – Это твои слова, хозяйка священного леса Тхашага?!

И, не дожидаясь ответа Сатаней, растерявшейся от всего увиденного, победитель швырнул голову ее побежденного воина к ногам Дышацы.

Кабаниха, почуяв мертвую плоть, обиженно взвизгнула и попятилась назад.

– Барга! Барх!! Бабах-бах!! У-р-р-ф-ф! У-р-р-р-ф-ф-ф! Фью! Фью-ю! Фить! Фить!.. Завороженная торжественная тишина взорвалась сторонним грохотом. Громким шуршанием в воздухе. Свистом и дикими гортанными криками:

– Нарта – вей! Пануко – вей! Сатаней ди дара! Ин токо! Нарыбг токо!¹

Лавина каменных глыб катилась по склону на нартов мужского отряда. Одновременно воздух наполнился градом больших, с кулак, речных гольшей, выпущенных из пращей. Не с кулак нарта, а с кулак иныжа. Или с два нартских кулака размером. Раскрученные в конопляных бечевках и брошенные под гору снаряды легко летели на расстояние в двести шагов.

Догоняя свои брошенные камни, по склону неслись вниз девяносто пять бойцов от четырех до шести локтей² ростом. С деревянными палицами, бронзовыми топорами и мечами наголо. Задние стреляли из тугих ясеневых луков длинными тяжелыми стрелами. Самые высокие были вооружены исполинскими пиками в двенадцать локтей.

Уходя от каменного обвала, латники Белой Мезитхи бросились в сторону и вверх, в гору. Дышаца, звериным инстинктом выбрав верное направление, пыхтя (куда девалась ее усталость), уносила свою хозяйку подальше от опасности. Вслед наезднице понеслись улюлюканье и брань нартов Пануко.

– Потаскуха! Клятвопреступница! Лживая сучка!..

К стрелам иныжей присоединись стрелы кан-пшаш Сатаней.

– Ток! Ток! Быг! Вхок! Быг!

– Расступись! – громовым голосом орал своим бойцам Пануко. – Вниз! Под обрыв!

– Сыновья Дабеча, за мной! – призывал братьев Канж. – Вперед! Кишуко! Хыко! Прикрывайте меня! Рубите иныжей по ногам! Кто играл в Жан-шерх³, тот не боится Абра-мыва⁴! Фео, маржэ⁵!

Среди сбитых камнями и пронзенных стрелами убитых и раненых злобно скалились уцелевшие нарты мужского союза. На лицах у них застыла холодная ярость. Разбиваясь на бегу в колонны по три-пять

¹ Нарты – навоз! Пануко – навоз! Сатаней наша союзница! Ины побеждают! Нарыбг побеждает! (вульг. нартск.).

² Локоть – «афракя» (нартск.) – мера длины у нартов (≈ 50 см).

³ Жан-шерх – «острое колесо» (нартск.) – в нартском эпосе очень жесткая военно-спортивная игра на силу, смелость и ловкость.

⁴ Абра-мыва – «абра-камень» (нартск.) – в нартском эпосе каменная глыба, которую могли отвалить или перенести только богатыри из богатырей.

⁵ Фео маржэ! – «Бейте смело!» (нартск.) – боевой клич.

человек, они лезли наверх. Навстречу атакующим гигантам. Такова извечная тактика горной войны. Ни один нарт не дрогнул и не попятился. С самого детства их воспитывали с мыслью: биться до конца. До последнего! Не сражаются только мертвые! Убить как можно больше врагов. Пока воин-нарт жив и у него в руках оружие – он не побежден! Никогда и никем не побежден! Его невозможно победить!

– Уащхокан маржэ-э-э-э! – донеслось снизу от леса.

Это Пшая и его воины, не успевшие дойти до убитых нартских дозорных, торопливо взбирались обратно. На помощь своим.

Высоко в небо, далеко видимый по речной долине, поднимался прямой плотный столб белого дыма от большого костра. Сигнал: «Все в порядке!».

Правее к атаковавшим инам торопился наверх иныж с самшитовой палицей в руках и огромным кинжалом на поясе.

– Нарта вей! – слышался его раскатистый рык. – Нарыбг токо!

Нарыбг, уничтоживший нартский дозор и запаливший сигнальный костер, спешил возглавить своих воинов.

Пшая приостановился, достал из колчана стрелу и наставил на лук. Тщательно, с упреждением, прицелился и спустил тетиву. Иныж взбирался не шагом, а скачками. Стрела ударила в то место, где он был миг назад. Бзанк!

Нарыбг на ходу оглянулся и, посмотрев на Пшаю, показал нартам кукиш. Еще миг, и он с презрительным хохотом исчез в густых зарослях фундука¹. Через некоторое время его голос уже был слышен где-то рядом с группой иныжей-пращников, метавших камни в нартов.

Пшая оценил ситуацию.

– За ним! – скомандовал он товарищам. – Если мы убьем Нарыбга, остальные иныжи разбегутся. Стреляйте из зарослей по тем инам, что бросают камни в наших! Держимся друг от друга на пять шагов!

Все четыре нарта, как один, проворно полезли в гору. На ходу распадаясь в неровную цепочку.

Дым от костра послужил сигналам для нападения и тем иныжам, что укрывались в зарослях на левом берегу реки. На отряды Гогуажа и Тлебыцы тоже покатались валуны, полетели камни из пращей и посыпались стрелы.

Свист и дикие крики «Тлебыца – вей! Ин токо!» с левого берега слились в одну какофонию с воплями и ревом на правом.

Копейщики Гогуажа и лучники Тлебыцы-коротышки вступили в новый бой.

С тропы вдоль реки их опять атаковали «змеи» Тлепша в своих чешуйчатых бронзовых панцирях. Но теперь преимущество в стрелках

¹ Фундук – лещина, лесной орех.

было у Тлебыцы. Поредевшие лучницы Даханэ, занятые перестрелкой с нартами Пануко, ничем не могли помочь бойцам тяжелораненого Имыса. Сам Имыс не принимал участия в битве.

Бесстрашный воин и опытный предводитель Тлебыца-жей знал слабые места гигантов.

– Цельтесь иныжам в лицо! Стреляйте по глазам! – ревел он своим бойцам.

– Жей-вей! Навозный карлик! – неслоь ему в ответ от иныжей, понимавших нартскую речь. Стрелы густо летели с той и другой стороны. В некоторых местах дело дошло уже до рукопашной.

Бойцы инов бросались на нартов с особой лютостью. Это была застарелая многовековая вражда двух рас. Не успевший увернуться нарт замертво падал от удара циклопической самшитовой или дубовой дубины рослого шестилоктевого врага. Торжествующий вой остальных иныжей отмечал каждую такую победу над ненавистными соперниками в борьбе за главенство на этих землях.

Низкорослые, намного ниже и слабее, чем их гигантские противники, нарты брали в бою вооружением, сноровкой и храбростью. Пригибаясь под завывающими махами палиц или уворачиваясь от выпадов длинных пик, нартские витязи ловко били противников копьями и мечами в неприкрытые доспехами части тела. В ступни ног, в колени или внутреннюю часть бедер. Стреляли из луков и метали дротики в голову. Самые отчаянные удалцы-нарты не боялись скрестить с мечами иныжей свои гятэ. Один на один.

– Жамада! – кричал родичу Тлебыца-коротыш. – Почему идет белый дым?! Кто был у Пануко в дозоре?! Они что, не видят, что мы окружены?!

– О-хо-хо-хо! Я-ха-ха-ха! – торжествующе смеялись ины, говорившие по-нартски. – Нарыбг! Нарыбг! Нарыбг токо! Нартхэр вей! Жей-вей!

– Тлебыца! – перейдя на шагызэ мужского союза, яростным голосом отозвался Гогуаж. – Похоже, иныжи убили наших сигнальщиков и зажгли белый костер!

– Барг! Бака! Ток!

Два огромных голыша и длинная стрела ударили в щиты и шлем воинов, прикрывавших Тлебыцу-жея. Деревянный щит одного из нартов раскололся от удара. Стрела отлетела от бронзового шишака другого, слегка контузив его.

В ответ Тлебыца и его лучники дали залп по десятку инов с веревочными пращами, подобравшихся ближе остальных. Роняя голыши из кожаных сумок и хромая от ран, иныжи рассыпались поодиночке. Один скатился по склону и был тут же добит ближайшими к нему нартами Гогуажа. Двое сели и перестали бросать камни. Их раны были тяжелыми.

– Гогуаж! Нельзя, чтобы иныжи перешли на тот берег Туапсы ¹! Драться до последнего! Даже в воде!

– Конечно! Что нам?! Это пара пустяков! – кричал Гогуаж, отмахиваясь своим гятэ. Он чуть не юзом крутился, чтобы избежать смертельного удара огромной дубовой палицы, зажатой в руках сражавшегося с ним исполина.

Нарты, слышавшие его ответ, только крутили головами и смеялись. Неунывающий Гогуаж поднимал настроение даже безнадежно раненым.

– Урф! У-у-р-р-ф-ф-ф!! – с шуршанием рассекала воздух тяжелая палица. Иныж в нескольких местах был задет мечом Гогуажа, но, свирепея, рвался все ближе к ненавистному проворному недомерку. Его манили добротные доспехи в качестве трофея.

Чуть ниже, почти на самой тропе, два молодых ина стаскивали кольчугу и налокотники с убитого нарта, с размозженной головой под сплюснутым медным шлемом

– А-а-а-у! – взвыл иныж Гогуажа и отскочил назад и вверх. Нартская стрела глубоко пригвоздила его кисть к дубине, которую он держал.

Гогуаж сделал длинный выпад, но не достал врага и тоже отпрыгнул к своим.

– Тлебыца! Пошли вестника вниз, в лагерь, за помощью! И пусть принесут нам стрелы!

– Джейхав ², выручай нас всех! – Тлебыца рывкнул на мужском шагыбзэ. – Ты лучший пловец среди нас! Прыгай в воду и доберись до Сторожа! Приведи нам подмогу! Быстрее, Джейхав!

– Тлебыца! – нарочито визгливым голосом тут же отозвался на шагыбзэ плечистый нарт с луком. – Я иду! Стреляйте по мне, как будто я трус и бросил вас! Пусть тугодумы ³ не знают, что я веду помощь!

– Стой, позорник! – насупив брови и включаясь в обман, закричали нарты, ближние к реке.

– Гогуаж и Тлебыца предатели! Они завели нас на погибель! Бежим! Спасайся кто может! – громко, по-нартски, заорал Джейхав и, разогнавшись по склону, бросился в полноводную после прошедших ливней Туапсы. Брошенный лук поплыл по течению.

– Стреляйте по изменнику! – кричали Гогуаж и Тлебыца и грозили кулаками. Нарты у реки наставили стрелы на луки и внимательно смотрели в мутноватые струи воды.

– Нарта – вей! – торжествующе хохотали иныжи. – Ин токо!

¹ Туапсы – «Две реки» (нартск.) – река Туапсе на Северо-Западном Кавказе.

¹ Джейхав (нартск.) – «Сом» (рыба) – мужское имя или прозвище.

² Тугодумы – прозвище иныжей. В нартских сказаниях иныжи не отличаются сообразительностью.

Один из нартов выстрелил в воду в пятидесяти шагах от себя. Стрела звонко булькнула и ушла в глубину. Стоявшие рядом только сплюнули.

Было непонятно, от чего. От досады или от презрения к убитому предателю.

Бой возобновился на всех участках. Иныжи после бегства одного из врагов усилили натиск. Бойцы Гогуажа и Тлебыцы медленно отходили вниз и назад, к тропе. Но едва несколько дерзких инов сделали попытку войти в реку у поваленного граба, как лучники Тлебыцы-жея засыпали их стрелами. Уцелевшим пришлось бежать от ствола. Под защиту «змеев» Тлепша.

Джейхав был хороший пловец и ныряльщик. Энергично подгребая под водой и медленно стравливая воздух из легких, он вынырнул шагах в двухстах ниже по течению. Не показываясь на поверхности, гонец боком высунул из воды рот, сделал глубокий вдох и вновь погрузился в волны Туапсы. Так он делал еще два раза. Отдалившись почти на семьсот шагов от места сражения, Джейхав всплыл на поверхность и, энергично работая правой рукой, пристал к левому берегу. Выйдя из воды и отдышавшись, нарт бегом помчался в густой подлесок.

11

– Смерть иныжам! – братья Канжа, на бегу уворачиваясь от катившихся на них скальных обломков, присоединились к старшему брату. – Маржэ-э-э!!

– С нами бора-маиса ¹! – Канж размахивал своим коротким широким мечом.

Прикрытый братьями справа и слева, сын Дабеча бесстрашно вступил в схватку с передовыми воинами инов. Эффект от его неброской с виду хошисы и здесь был потрясающим.

– Нарта вей! Получай, коротышка! – хорошо вооруженный иныж с длиннющим гятэ набросился на Канжа. Два других гиганта, прикрывая товарища в атаке, выставили свои огромные тяжелые пики, ширяя ими в его братьев.

После первого же удара бронзовый меч иныжа переломился о меч нарта. Прыжок вперед, и хошиса секанула по нижнему краю медного наголенника врага. Отрубленная ступня повисла на сухожилиях. Здоровяк в пять локтей ростом с криком завалился на своего соратника слева. Канж ударил ногой по его открытой ране, и взывший ин рухнул на спину. Не теряя ни мгновения, оружейник вспрыгнул на упавшего про-

¹ Бора-маиса (нартск.) – «свирепый меч» – сказочный саморазящий меч в нартском эпосе.

тивника и ударом вправо отрубил правую кисть другого иныжа, пикой теснившего его родича.

– Ы-а-а-а!

Следующий режущий выпад обрушился в подколенную область исполина слева. Кровь из разрезанной артерии брызнула фонтаном.

– У-у-у-у!

Иныж, теряя с кровью силы, оперся на пику. Чудовищный меч Канжа перерубил древко, и гигант повалился на свой щит. Он еще падал, когда копыа Кишуко и Бжэмахо вонзились ему в горло и висок.

Воины Нарыбга, потрясенные мгновенной гибелью трех своих лучших бойцов от коротышки с игрушечным мечом, обратились в бегство.

– Бора-маиса! Бора-маиса! – кричали они. – Нары-ы-ыбг! Домбей убит! Псыбг убит! Жигэй¹ убит! У нартов бора-маиса!

– Бора-маиса! – кричали, наседая сыновья Дабеча.

– Бора-маиса!!! – победно подхватили повсюду нарты Пануко, видевшие страшную работу серой хошисы Канжа.

«Под мечом наны нет!» – гласит старая нартская поговорка. В бою нет места жалости, пока враг не обращен в бегство. Канж отрубил у поверженных им иныжей головы и скатил их по склону.

– А ну подходи, все, кто хочет узнать, как сечет бора-маиса Зейкотха²!

Его меч, высоко поднятый в руке, тускло мерцал непривычным серым светом.

– Гух хошиса! – удивленно и восторженно крикнул кто-то из нартов. – Цинковый меч!

– Домбеяк хошиса! – откликнулся другой. – Бронзовый меч! Покрыт цинком!

– Бора-маиса! – упрямо повторил Канж. – На ней заклятие Зейкотха! Скажешь ей: убей – она убивает! Я сказал ей: убей любого, кто перед тобой! Хошиса еще не насытилась кровью! В бой, нарты! В бой!

– Смерть иныжам! – жутким ором прокатилось по рядам уцелевших в сражении нартов.

– На иныжей, Канж, на иныжей! – приказал Пануко и указал рукой наверх.

И тут в разногласии битвы ворвался хриплый низкий голос:

– Остальные на Узырмеса! Вперед!

Это кричал рослый сильный нарт, до глаз закутанный шхарконом. С тяжелым двурогим копьём в руках.

Не подпуская на близкое расстояние латника с его ужасным мечом, воины Нарыбга снова начали метать из пращей камни и стрелять из

¹ Домбей, Псыбг, Жигэй (нартск.) – Зубр, Вал (огромная волна), Дуб – имена иныжей.

² Зейкотха (нартск.) – бог войны и набегов в нартском пантеоне.

луков в сыновей Дабеча. Братья Канжа под градом снарядов проворно расступились вверх-вниз, вправо-влево и двинулись в гору.

Прикрывая их, двенадцать лучников мужского союза составили вторую линию и открыли ответную прицельную стрельбу по инам.

Все остальные бойцы Пануко, уцелевшие после внезапной атаки иныжей, выставив щитоносцев в первый ряд, начали сближаться с отборными воинами Уазырмеса. Полными нерастраченных сил.

Даханэ коротко свистнула в свою костяную свистульку. Ее кан-пшаши дружно натянули луки.

Сатаней, сидя на Дышаце, с ненавистью смотрела на подходивших нартов мужского союза. Справа, через реку, доносился шум боя. Там вояки Нарыбга рвались к поваленному дереву, чтобы прийти на помощь своим на левом берегу. Судя по лязгу оружия и плеску воды, бой шел уже в реке.

– Священный лес – священное сватовство! Так ты держишь свое слово?!

– А-а, Сатаней?! Ты – клятвопреступница! Ты ведь знала, что иныжи нападут на нас! – приглушенно, из-за закрывавшей его рот ткани башлыка, выкрикнул закованный в медь силач. И потряс тяжелым двурогим копьем.

Теперь, когда он шел в центре наступавшего строя, а Пануко затерялся где-то по правую сторону, было ясно, кто подлинный руководитель набега. Сатаней молчала. Пока ее отделяли от нападающих несколько линий нартов Уазырмеса и кан-пшаш Даханэ, она не боялась. Как Белой Мезитхе, ей вообще нечего было опасаться. Ни один из мужчин, пришедших с Пануко, не осмелился бы поднять руку на Мазгуашу священного леса Тхашага. Ее раздражало только то, что какой-то ничтожный мужичок, с закутанным от страха лицом, обращался к ней по имени. Унижая в ней богиню.

– Уазырмес, – на шагыбзэ женского военного союза обратилась она к мужу. – Этот болтливый дурак в шхарконе нужен мне живым или мертвым. Не упустите его.

Уазырмес бросил на жену рассеянный взгляд. Он следил за солнцем и движением отряда Канжа по склону. И опасался, что сын Дабеча со своим невиданным мечом отгонит иныжей Нарыбга и вернется сюда. На помощь Пануко. Это означало бы конец всем надеждам на благополучный исход побоища. Вопреки всем ожиданиям, иныжи ничего не смогли сделать с отрядом нападавших. Наоборот, они сами бежали от маленькой серой хошисы, объятые животным страхом. Трусые!

Против меча Канжа и в его отряде не устоит никто. А ведь кроме этой всесекущей бора-маиса у Пануко осталось еще достаточно обычных мечей в опытных руках. Даже после понесенных потерь.

Солнце еще высоко. До темноты слишком много времени, чтобы продержаться, если ины с того берега не придут на помощь.

– Нам нужен не этот дурак в шхарконе, – отозвался Уазырмес. – Нам нужна хошиса Канжа.

– Бора-маиса Канжа, – поправила Сатаней. – Это не обычный меч. Он с заговором.

– Меч, с заговором он или без, не рубит бронзу и медь, как дерево. Дабеч нашел какой-то сплав. Лучше бронзы.

– Они кричали «цинк»!

Уазырмес отмахнулся, потом скомандовал:

– Даханэ! Засыпьте нарта в шхарконе стрелами! Он слишком много болтает!

Едва первая линия наступающих поравнялась с обезглавленным телом Хахужа, Даханэ отрывисто свистнула. Струя из стрел дружно ударила в центр нартской линии. В война с двурогим копьём. Но, прикрытый щитами соратников и своими доспехами, он был только легко ранен в ногу.

– Бегом! – скомандовал башлык остальным и первым устремился вперед.

– Еще, Даханэ! – закричала Сатаней.

Латники Уазырмеса встретили бойцов Пануко в копьа. Началась рукопашная. И здесь произошло небывалое. Неслыханное! Невиданное! Немыслимое от начала времен!

Воин с двурогим копьём, со своими телохранителями в медных доспехах, разметал стоявших перед ним вояк женского союза и оказался в пятнадцати шагах от Белой Мезитхи.

– Убейте наглеца! – злобно закричала Сатаней и, дернув узду вправо, толкнула свою кабаниху пятками.

Дождь стрел и град ударов обрушились на закутанного в шхаркон нарта и двух его неизменных соратников.

Сам Уазырмес с бронзовым топором кинулся на дерзкого нарушителя устоев мира.

– Откройтесь! – приказал своим медным защитникам закутанный.

Два щита раздвинулись, открывая широкий обзор. Нарт, как на состязании, медленно отвел руку с зажатым в ней тяжелым копьём назад...

– Ты проклят! – крикнул, прыгая на него, муж Сатаней.

И в это же мгновение тяжелое ясеневое копьё полетело в цель.

Духострый наконечник глубоко вошел рядом с левым коленом Белой Мезитхи – в бок золотошетиной Дышаце. В самое сердце кабанихи.

– Йужююююю!!! – взлетел и оборвался смертный визг свиньи.

Огромное животное завалилось набок, увлекая за собой Мазгуашу священного леса Тхашага. Что-то хрустнуло. Сатаней закричала от боли в правой ноге. В последний момент, проваливаясь в темноту, она увиде-

ла, как топор мужа обрушился на голову святотатца. Лезвие скользнуло по обмотанному башлыком шлему и разрубило ткань, сминая медь под нею. Встречный удар щита телохранителя отбросил Уазырмеса назад. Шхаркон сполз набок, и открылось лицо нарта, поднявшего оружие на саму богиню леса.

Это был Албеч! Албеч! Муж ее родной сестры Барымбух! Родной сестры! В тот же миг медные щиты сомкнулись и скрыли зятя-преступника. В глазах Сатаней померкло. Она потеряла сознание.

– У-а-р-р-г-а-р-р-а-х!!!

Далеко от Земли, под невидимыми днем звездами, раздался оглушительный удар. В Кузнице Бытия на наковальню Времени опустился исполинский молот Истории.

– Белая Мезитха! Мазгуаша Тхашага! – разнесся затихающий звон.

– Сатаней! Сатаней. Сатаней... – просто и буднично затюкал следом указующий молоточек незримого Кузнеца.

11

– Убита Белая Мезитха! Убита золотошетиная свинья Тхашага!

Громкий многоголосый вопль понесся по рядам противоборствующих сторон. Оглушительно свистела костяная свистулька Даханэ. Шесть дружинников, бросив оружие, старались вытащить неподвижную Сатаней из-под прерывисто дышащей и сучащей ногами кабанихи. Тяжеленная свинья ворочалась в агонии. Но ни у одного из шести воинов женского союза не поднималась рука прикончить ее. Подоспевший Уазырмес поспешил спасти жену. Он выдернул тяжелое двурогое копье Албеча из тела Дышацы. И вогнал свой кинжал под основание черепа громадной кабанихи. Короткая судорога от пяточка до кончика хвоста прошла по всему длинному телу животного, и все четыре раздвоенных копыта разом неподвижно замерли.

– И-и, вместе! – скомандовал Уазырмес.

Ухватившись за ухо, щетину и хвост свиньи, шесть дюжих нартов едва смогли приподнять и удерживать тушу, пока муж вытаскивал придавленную ногу Сатаней. Подхватив на руки находившуюся в обмороке женщину, Уазырмес бегом отнес ее под защиту кан-пшаш и передал на попечение их начальницы.

Наверху вдруг бросились врассыпную иныжи-пращники Нарыбга. Меткие разящие стрелы из кустов почти в упор свалили тяжелоранеными и убитыми четырех гигантов. Незаметно подкрававшиеся Пшая и его воины стреляли на выбор. Второй залп из четырех стрел полетел уже в одного открывшегося Нарыбга. Ему везло. Стрела из первых выстрелов попала в кожаную кассету с метательными ножами. Бронзовое лезвие

спасло от ранения в бедро. Бывалый воин Нарыбг мгновенно прикрыв область сердца и голову своей вертикально поднятой палицей. И перепрыгнул с ноги на ногу, сбивая прицел невидимым убийцам в кустах.

– Ток! Ток! Ток! Вхок!

Он знал, что делал. Три стрелы отлетели от палицы в трех местах. Одна неглубоко оцарапала вождю лоб. Четвертая стрела впилась в бок. Но не глубоко. Выручил прыжок. Лучник повелся на обманное движение.

Опомнившиеся ины закрыли своего военачальника щитами.

– Стреляйте в кусты! – заорал Нарыбг таким диким голосом, что Пшае и его нартам стало не по себе.

Град завывающих камней и тяжелых стрел полетел в заросли фундука, перевитые лианами. Затрещали переломленные ветви и полетела сбита листва. В ответ по щитам инов опять простучали еще четыре стрелы.

Иныжи ринулись в заросли. Мелькнули ускользящие тени. Одна из них сильно хромала и отставала. Потом впереди раздался стон, и тело раненого нарта покатило с обрыва вниз. К реке.

Нарыбг обломил древо и вырвал стрелу из мышцы на боку. Поморщился, но не издал ни звука.

– Не подпускайте воина с бора-маисой близко к себе! Скатывайтесь на нартов камни! Чераз¹, возьми десять наших и скиньте удравших нартских крыс в воду! Остальные за мной! Идем на помощь Узырмесу!

Пять молодых инов с луками и пятеро с топорами в руках пошли в лес.

Едва Нарыбг вышел на открытое место на прежнюю позицию, как его огорошили известием:

– Там нартский сигнал, Нарыбг!

Далеко внизу, за лесом, поднималась в небо тонкая струйка темного сизого дыма. Ближний сигнальный костер все тем же ровным столбом продолжал струить редующие клубы белого дыма.

Предводитель соображал недолго. «Темный дым – сигнал тревоги и призыв о помощи». Лицо его озарилось радостью.

– Аша и Тлепш атаковали лагерь Тлебыцы. Самое время нам ударить здесь по нартам всеми силами. Кричите громче о победе Аши и Тлепша! Вперед в атаку! Оставьте в покое коротышку с бора-маисой и бегом вниз на Пануко!

Воодушевленные иныжи с новыми силами низвергли лавину глыб и устремились вниз по склону на спасавшихся от очередного камнепада бойцов Пануко. Канж и его братья, уклоняясь от катящихся камней размером с хороший Абра-мыва, тоже бросились на помощь своим. Приближалась развязка сражения.

¹ Чераз (нартск.) – «черешня» (дерево) – имя иныжа.

– Курш ¹! – замедлив на спуске, указал пальцем Нарыбг второму после себя командиру-иныжу. – Видишь то дерево, что лежит в реке поперек течения. Веди своих храбрецов к нему. Не задерживайся возле нартов Пануко. Я и Уазырмес сами погоним их. Не лезьте на ствол, а идите через реку, прикрываясь им! Если бревно валяется в воде, значит, там не очень глубоко. Твои ребята не утонут даже в доспехах. Видишь «змеев» Имыса? Это – наши. Бери левее. Не спутай их с нартами Жейвея Тлебыцы! Дай навозному карлику так, чтобы он бежал до самого костра с черным дымом, без оглядки!

Курш, такой же крупный, как и Нарыбг, но одноглазый и со шрамом на виске, избочась осмотрел своим зрячим оком и реку, и дерево внизу, и кивнул.

– Делаем! – Потом, вытащив из-за пояса короткую бузиновую сопелку, он проиграл пронзительный отчетливый сигнал. – За мной!

Воины его отряда, заслышав знакомую команду: «Все ко мне! Все ко мне!», с разных сторон сбегались к предводителю. Курш коротко объяснил им задачу и, шурша камешками под сыромятными чувяками, устремился вниз. Гиганты в пять и шесть локтей ростом запрыгали следом.

– Аша токо! Тлепш токо! Нарыбг токо! Пануко вей! – торжествующие крики заполнили пространство над Туапсы от берега до берега.

Уазырмес и Даханэ переглянулись.

– Аша и Тлепш пришли на помощь! Победа! – закричали они.

– Тлепш! Тлепш! Тлепш!!! – подхватили на разные голоса кан-пшаши и следом за ними все воины Уазырмеса.

– Вперед!

По свистку своей дзэгуаши самшитовые лучницы дали три залпа по нартам Пануко. Его стрелки огрызались разрозненными выстрелами. Натиск бойцов Уазырмеса был дружным и решительным. Когда к месту боя подоспели Канж и его братья, большинство нартов мужского союза уже пятились к лесу, из которого не так давно вышли. Почти все увидели сигнальный темный дым в долине и поняли, что крики иныжей и воительниц Белой Мезитхи не были пустой похвальбой.

– Нельзя было убивать золотошетинную свинью Мазгуаши! Боги отвернулись от нас!

– Ха, свинья! Пострадала сама Белая Мезитха!

– Это еще хуже! Боги не простят святотатства!

Туча стрел и дротиков полетела в Канжа. К нему не приближались, стараясь поразить издали. Его короткая хошиса по-прежнему внушала ужас.

– Уа-а-х-х-х! Ин токо! Тлебыца – вей! – раздался дружный рев внизу, в реке.

¹ Курш (нартск.) – «гора» – имя иныжа.

Иныжи Курша, прикрываясь громадным стволом поваленного граба, перешли реку и ударили в спину отрядам Гогуажа и Тлебыцы. Завидя своих соплеменников в реке, с новой силой набросились на нартов ины на правом берегу. По тропе наступали закованные в гибкие бронзовые доспехи немногочисленные, но решительные «змеи» Имыса.

У воинов Тлебыцы почти не осталось стрел. Нарты Гогуажа сильно поредели числом. Отбиваясь от наступавших отовсюду иныжей и защитников Сатаней, бойцы мужского союза начали медленно, потом все быстрее отступать.

На левом берегу Пануко сигналами рога собирал своих отступавших товарищей. Пхут в оленьей безрукавке, уцелевший во всех перипетиях сражения, энергично махал рукой и кричал:

– Все в лес! Быстрее, надо торопиться на помощь Сторожу! Пусть Канж и его братья прикрывают наш отход!

– Дельно! – отозвался погубитель золотощетинной свиньи и ее хозяйки. – Канж! Встаньте тут и задержите своих невест, пока мы помчимся на выручку Сторожа. Считайте десять раз по сто и можете уходить вслед за нами. Пусть твоя бора-маиса еще раз нагонит на них страху.

– Исполним! – кивнул Канж.

– Пхут, веди нас через лес! – приказал Пануко. – Самой короткой дорогой!

Все восемнадцать сыновей Дабеча и Пшая с двумя стрелками остались стоять у самой кромки густого подлеска.

Едва последний раненый нарт мужского союза скрылся в изумрудной зелени, пятнадцать воинов Уазырмеса и двадцать два иныжа начали метать в арьбергарт Пануко камни и стрелы. Целясь, в первую очередь, в Канжа.

12

Сатаней медленно открыла глаза. Вместе с сознанием к ней вернулась острая боль по всей правой ноге. Бафо, поливавшая гуашу водой из козьего фэнда, облегченно улыбнулась.

– Даханэ, мазгуаша пришла в себя!

Лицо Бафо над Сатаней сменило лицо Даханэ.

– Как ты, Мезитха?

– Где Уазырмес? – вместо ответа, с трудом разлепив губы, спросила раненая красавица. Ее начало знобить. Мокрое от воды тело, едва прикрытое оленьей шкурой, пронизывал холод.

– Он с отрядом, гонит Тлебыцу. – Голос Даханэ был хриплым.

– Здесь есть мужчины?

– Да. Уазырмес оставил пять копейщиков.

– Раненых?

– Нет.

– Оставь меня с Бафо, Даханэ...

– Что, Мезитха? – Тонкая сильная рука Бафо взяла Сатаней за запястье.

– Слушай меня и запоминай. – Гуаша посмотрела по сторонам и перевела дыхание. – Среди вас есть убитые?

– Нет. Даханэ не пустила нас в бой. Мы только стреляли.

– А где погибшие кан-пшаши?

– Лежат у реки. – Голос Бафо не дрогнул. В нем было безразличие.

Сатаней хорошо знала эту девчонку. Очень хорошо. Не зря она подзвала сейчас именно ее.

– Спустись туда к ним и принеси мне одежду. Только сухую. Мне холодно. Оставь мне свой гомилэ. Я должна поесть.

– Это все? – Бафо отцепила ополовиненный мешочек со своим дорожным припасом и положила гуаше на живот.

– Нет. Скажи Даханэ, пусть эти пятеро нартов освежают и разделяют убитую Дышацу. Это мой приказ. Сейчас. Сразу. Пусть приступают немедленно. Голову, шкуру и мясо отнесите и повесьте на деревья повыше. Принесите воды в фэндах и замойте место, где ее разделявали. Потроха бросьте в реку. Ничто не должно напоминать о том, что случилось. Лашин, Ваго и трое мужчин должны отправиться в Тхашаг, за лошадьми. Надо до темноты перевезти все мясо на стоянку. В наш лес. Теперь иди... Бафо!

– Я здесь, Мезитха.

– К реке иди одна, – Сатаней в упор посмотрела на свою дзэпшацу.

– Там могут быть раненые.

– Там нет раненых! – отрезала гуаша. – Не должно быть.

Бафо выставила подбородок. Совсем по-змеиному.

– Нет, значит – нет.

– Ступай! И помни: я не забуду ни этот день, ни тебя.

Сатаней двумя руками расстегнула массивную золотую фибулу, скреплявшую ее оленью шкуру, и вложила застежку в пальцы Бафо.

– Это для памяти.

Кан-пшаша приблизила свои терновые глаза к глазам лежавшей перед ней женщины. Такого же тернового цвета. И тихо, в самое ухо, прошептала:

– Я все сделаю, тетя...

На земле, на подстилке из нарезанной травы, прикрытая накидкой из шкуры оленя лежала красавица с поврежденной ногой. В тридцати шагах от нее пятеро нартов свежевали громадную свиную тушу.

Раненая отрешенно смотрела на лежавшую голову кабанихи и ее отрезанные ноги. Это было все, что осталось от золотошестинной свиньи священного леса Тхашага. Это было все, что осталось от тысячелетий величия и магии богинь леса. Сатаней знала, что Белой Мезитхе, упавшей вместе с Дышацей, на глазах сотен воинов, воительниц и иныжей, уже не подняться в прежнем блеске и почитании. Ни через год, ни через десять лет. Ни через сто.

Когда задние ноги разделанной кабанихи, на продетых под сухожилия копьях, перенесли к высоченному дубу и подвязали ремнями к его могучей ветви, с потревоженного дерева упал большой темно-зеленый лист. Он опустился под самые висящие окорока и перевернулся обратной стороной вверх. Пепельное резное пятно в желтоватых прожилках четко выделялось на фоне коричневой прели.

Светлоореховая, с черными, синими и белыми пятнами на крыльях, сойка перелетела с дуба на соседний клен.

– Чжиу итс... – прокричала она, глядя в перевернутый дубовый лист у основания ствола, и прибавила: – Чжиу чи-чи.

Кто из нартов, шагавших назад, за грудинкой и ребрами Дышацы, обратил внимание на этот дубовый листок? Кто из кан-пшаш, менявших истертые тетивы на луках, мог понять, что прочитала им цветастая птица?

Дубовый лист! Нет! Это в Книге Миров незримая рука Управляющего перевернула очередную страницу и сделала новую запись.

«Сатаней – Мать нартов» – означали желтые прожилки-буквы на резном листе.

– Сатаней! Мать нартов! Мудрая Сатаней! – снова и снова, в упорении, читала сойка измученным девушкам в клацающих самшитовых безрукавках и женщине под оленьей шкурой.

*Ибрагим ГУКЕМУХ,
историк, журналист*

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Рассказ

Перед смертью Иван Петрович не мучился. Его не донимали ни боль, ни навязчивая забота родни. У него её попросту не было. В последний свой час он думал о прожитой жизни и, от жалости к себе, плакал.

Родился Иван Петрович в Курской губернии, в крестьянской семье, и был крещен по православному обряду. Ребенком он любил ходить с родителями в храм и слушать гулкие проповеди батюшки Михаила, в которых говорилось о добре и смирении.

Но после революции 1917 года той жизни пришел конец. Церковь закрыли, а батюшку Михаила увезли молчаливые люди в чёрной коже. Новая власть объявила, что никакого Бога нет, что в Него могут верить только те, кто не хочет расстаться с проклятым прошлым, и потому им нет места в прекрасном будущем. Ваня не совсем понимал, что значит «проклятое прошлое», но в настоящем ему было одиноко и голодно. Его отец ушёл с «зелеными» и пропал, мама умерла от сыпного тифа, а соседи, спасаясь от продотрядов, бежали в поисках лучшей доли. Чтобы не умереть с голоду, Ваня отправился в уездный город. Ночевал на железнодорожном вокзале в пустых товарных вагонах, а с первым светом выбирался на привокзальную площадь кланить копейку или кусок хлеба. Иногда милиция устраивала облавы на беспризорников. Во время одной из таких Ваню поймали, несколько дней продержали в участке, а потом отправили в детский дом. Здесь было неплохо – кормили супом и кашей, учили грамоте и рассказывали про мировую революцию и Антанту. Вот только хлеба давали мало. В детдоме Ваня записался в общество «Красные дьяволята», а вместо забытой фамилии взял новую – Октябрьский.

Перед пасхой и другими церковными праздниками «Красные дьяволята», во главе с вожатым, ходили по окрестным деревням, устраивали митинги, агитировали крестьян против попов и распространяли печатный листок «Религия – опиум для народа». Листок расходился бойко – из бумаги, на которой он был отпечатан, мужики крутили сигарки.

Пустой суп и каша не насыщали, и жалостливая няня, баба Нина, тайком подкармливала Ваню. Перед отбоем она часто просила его помочь убраться в столовой. Дождавшись, когда все улягутся, она угощала остатками ужина или припрятанным кусочком хлеба. Баба Нина сади-

лась рядом с Ваней, смотрела, как он жадно грызет хлебную корку, и крестилась, вздыхая.

– Вот ты, баб Нина, все крестишься, – спросил Ваня однажды. – Неужто думаешь, что Бог есть?

– Как же без него, Ванятка? Есть, конечно, и все видит. Но мы Его видеть не можем! – шепотом ответила няня и, сделав страшные глаза, приложила к губам палец.

– Вот и ребята говорят про тебя, что ты, баб Нина, темная старуха...

Покинув детский дом, Иван отучился три месяца на пехотно-пулеметных курсах и отправился в Туркестан – воевать с басмачами. Два долгих года в составе частей особого назначения он сражался с фанатиками-мусульманами, расстреливал ишанов и мулл и помогал строить колхозы. После победы над басмачами и установления в Туркестане власти Советов, командир взвода особого назначения Иван Октябрьский был награжден именными часами и вступил в партию большевиков. Он думал, что вернется в родные края и продолжит громить белобандитов, но к тому времени Советская власть победила всех своих врагов, и в РСФСР наступил период мирного строительства. Для решения новых задач Иван Петрович Октябрьский был направлен на Кавказ, для работы в должности начальника отдела кадров одного из Научно-исследовательских институтов. Ему был выделен отдельный кабинет, усиленный паек и просторная двухкомнатная квартира. Новый партийный лозунг «Кадры решают всё!» обязывал товарища Октябрьского бдительно следить за тем, чтобы в институт не прокрался классовый враг. Иван Петрович старался, бдил. Очень скоро, с его помощью, органам госбезопасности удалось разоблачить в НИИ контрреволюционную организацию буржуазных националистов. Руководил ею не кто иной, как директор института. В ходе следствия выяснилось, что на народные деньги он организовывал экспедиции по сбору антисоветского фольклора. В организацию входило еще несколько сотрудников, которые умело маскировались под ученых. Взяли всех.

Через неделю после этих событий место арестованного директора занял бывший парторг фанерного завода, а коллектив института был усилен выпускниками рабфака.

Новое руководство института строило большие планы, но их нарушила война. Большая часть сотрудников НИИ ушла на фронт, а те, кто остался, были привлечены к пропагандистской работе. В общем, до окончания войны научную работу пришлось отложить.

Лежа на больничной койке, Иван Петрович вспоминал, как радовались сотрудники института, когда Совинформбюро сообщило о контрнаступлении Красной Армии под Москвой. Тогда казалось, что ещё немного, максимум год, и немцы запросят мира. В ожидании новых побед встретили весну, но война все длилась. Из официальных сводок

следовало, что на всем протяжении фронта, от Баренцева до Черного морей, идут бои местного значения, и что наша армия копит силы для последнего, сокрушающего удара. Однако чувство тревоги не отпускало.

В конце лета с фронта стали доходить нехорошие слухи, а санатории на окраинах города в спешке переоборудовались в госпитали. Прибывающие раненые рассказывали о страшном поражении наших войск где-то под Харьковом, и говорили: «Фриц прёт – не остановишь». Началась эвакуация. Партийные учреждения и институты один за другим грузились в эшелоны и отбывали на восток. Так Иван Петрович оказался в Ташкенте, в местах, где когда-то громил басмачей. Первое время вместе с несколькими сотрудниками расформированного НИИ он жил в густонаселенном бараке. Однако эта, по выражению самого Ивана Петровича, «цыганская жизнь» длилась недолго. Меньше чем через три месяца Кавказ очистили от оккупантов, и Иван Петрович с немногочисленными коллегами откочевал обратно, в южный город.

Если не считать нескольких сожженных зданий, все здесь было по-старому. Так же зеленел парк, пели птицы, гремели по мостовым повозки, а уцелевшие учреждения были украшены свежим кумачом. Научная работа в институте почти не велась. Сотрудники НИИ восстанавливали разграбленный оккупантами музей и библиотеки, заменяя ушедших на фронт учителей, проводили уроки в школах. Иван Петрович занимался политинформацией в рабочих коллективах, а иногда выезжал в села. Он рассказывал колхозникам о международном положении и подтягивал их в смысле политграмоты. Во время одной из таких поездок кто-то из сознательных товарищей рассказал, что во время оккупации пышным цветом расцвели религиозные пережитки. Иван Петрович узнал о том, что отдельные коммунисты во время похорон своих родственников прибегают к услугам эфенди, а еще о том, что сам председатель, герой Гражданской войны и стахановец, на недавнем собрании сказал: «Хвала Аллаху, на всех фронтах наши войска перешли в наступление!». Естественно, Иван Петрович не мог закрыть глаза на это безобразие. Несознательные большевики были изгнаны из рядов партии, а председателю колхоза доходчиво объяснили, что успехи Красной Армии объясняются не промыслом Аллаха, а стратегическим предвидением Вождя. Конечно, Иван Петрович остался недоволен либерализмом местных партийных органов, но он был в курсе новой линии в религиозном вопросе и своего мнения не высказал.

Отдав лучшие свои годы делу служения родной партии, Иван Петрович так и не женился. Поэтому, в отличие от своих семейных коллег, известие о разгроме Германии он праздновал в компании институтского сторожа, бывшего «подкулачника» Хасана. Семья сторожа попала под «перегибы» еще в тридцать втором, из сибирской ссылки вернулся он один.

Праздновать решили в кабинете. Иван Петрович сам нарезал полбуханки пайкового хлеба, выложил из портфеля несколько стрелок зеленого лука, открыл банку американского фарша. Хасан достал из кармана спецовки купленную у спекулянтов «чекушку» беленькой. Из радиоточки гремели бравурные марши. После того как были подняты тосты «за победу» и «за товарища Сталина», потеплевший Иван Петрович неожиданно разоткровенничался и стал рассказывать Хасану о том, как вместе с бойцами своего взвода принимал сдачу курбаши Файзи. По кабинету растекалась былинная ностальгия. Проглотив непрошенные слезы, Иван Петрович уже переходил к теме разоблачения институтских заговорщиков, но тут Хасан, улучив паузу в рассказе, предположил:

– Люди говорят, в честь победы большая амнистия будет, может, и колхозы отменят, и мечети восстановят...

Иван Петрович побледнел, губы его задрожали, рука потянулась к тому месту, где когда-то висел маузер.

– Ах ты... ах ты, – зашипел он, медленно поднимаясь из-за стола.

Через мгновенье Хасан мчался по коридору, а вдогонку ему, из настежь распахнутых дверей кабинета, неслось уничтожающее «Ко-о-онтра!!!».

Оставшиеся до пенсии годы были наполнены смутными ожиданиями чего-то непоправимого. И вот оно пришло! Сначала на страну обрушилась весть о смерти Вождя, за ней – о расстреле ближайшего его соратника, который оказался английским шпионом. Решения XX съезда окончательно выбили Ивана Петровича из колеи. Все то, во что он верил, чему служил, было поругано, оплевано. «Что это? – размышлял он бессонными ночами. – Измена? Значит, и нас, значит, и меня?» Думать дальше было страшно. Во сне он слышал, как во двор дома въезжает черная «эмка», поднимался и, подойдя к окну, долго всматривался в темень ночи. Двор был пуст. Иван Петрович закуривал и, не зажигая свет, шел ставить чайник.

Жизнь текла дальше. Утром, включив радио, Иван Петрович автоматически завтракал, шел в институт. У него появилась привычка запирается в своем кабинете, где он внимательно просматривал свежие газеты. Всякий раз он находил в них непривычные, а чаще неприятные словосочетания: «культ личности», «антипартийная группа», «искусственный спутник»...

Единственной его отрадой была небольшая дачка за городом. Здесь, ухаживая за молодыми яблонями, он отвлекался от действительности. Неприятные чувства, вся эта новая жизнь, на время отступали. Однажды, поливая саженцы, Иван Петрович упал и никак не мог подняться. Руки и ноги отказывались слушаться. В больницу его привез сосед по даче, который в тот день заглянул к Ивану Петровичу за инструментом.

После бесчисленных капельниц и уколов Ивану Петровичу полегчало, но через несколько дней болезнь вернулась и, крепко сжав его рыхлое, старое тело, уже не ослабляла смертных объятий.

Однажды в палату зашла женщина-главврач, в которой Иван Петрович узнал жену директора НИИ, того, что был арестован перед самой войной. Иван Петрович пару раз видел ее в тридцать девятом, на праздничных собраниях. Женщина подошла к нему, пощупала пульс, взяла из рук лечащего врача историю болезни, полистала. Иван Петрович силился что-то сказать ей, объясниться, но сведенный параличом рот не подчинялся, и главврач услышала лишь мычание. Во сне Ивана Петровича провела баба Нина – детдомовская няня.

«Ну, что, милоч, достукался?» – шепнула она, вплотную приблизив к нему свое морщинистое лицо. – Досту-у-у-кался!» – и вдруг больно щёлкнула алюминиевой ложкой по лбу.

Хоронили Ивана Петровича на партийном кладбище.

На небольшом пятачке перед черным провалом свежесырытой могилы теснились представители райкома, обкома, бывшие коллеги, комсомольские вожаки. Зазвучали прощальные речи. Иван Петрович удивительным образом слышал каждое слово.

– Сегодня мы провожаем в последний путь товарища Октябрьского, верного сына партии и пламенного борца за счастье трудового народа!

– Выходец из семьи мелкого собственника, он всем сердцем принял Великую Октябрьскую революцию!

– Он добровольцем отправился на борьбу за счастье угнетенных народов Востока!

Одних ораторов сменяли другие. После партийцев наступила очередь институтских, за ними выступали комсомольцы.

Иван Петрович тихо лежал в нарядном, обитом красной тканью гробу, вспоминал проповеди отца Михаила, бабу Нину, фанатичных басмачей и думал: «Что вы несёте? Ну что вы такое несете?! Э-э-эх...»

ПУСТЬ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВОЙН

Отца Петька почти не помнил. Когда началась война, батя попрощался со всеми, поставил Петьку на пол и, сказав: «Стоять, Петька!», ушёл на фронт. Когда пришли фашисты, Петьке с матерью пришлось покинуть город. Но настало время побед. Всё дальше на запад, откуда и появилась, уходила война. Вот и Петькин городок освободили. В небо ещё тянулся дым – не тот весёлый, радостный дымок домашнего очага, пахнувший хлебом и парным молоком. В небо тянулся чёрный, едкий, пропитанный смертью и кровью дым, а в город уже возвращались жители. Они обживали землянки, селились в подвалах домов. Многих приютили соседи, знакомые. Вернулся в город и Петька. Он шёл по главной улице, держась за руку матери, и хныкал:

– Мам, ну когда мы придём домой, может, там нас папка ждёт.

– Уже пришли. Здесь был наш дом, – дрогнувшим голосом ответила она и показала на торчащую из пепелища печную трубу.

Постояв минуту, они пошли обратно.

– А как же папа, как он отыщет нас? – вновь спросил Петька.

– Найдёт, обязательно найдёт он нас, мы ему напишем, – успокоила мать сына.

Им повезло. В большом полуразрушенном доме оказалась незанятой маленькая кухонька. Они зашли передохнуть, да так и остались в ней. Рано утром мать уходила на работу. А Петька, проснувшись, брал хлебные карточки и бежал в булочную занимать очередь. Ах! Как пахло в булочной! Казалось, запах исходил отовсюду. Он кружил голову, щекотал нос, заставлял глотать слюну. А как хотелось съесть этот крошащийся, оттого что в нём почти не было муки, кусок хлеба. Ну хоть горбушки отщипнуть, хоть маленький кусочек, хоть крошку. Но Петька весь хлеб приносил домой. А дома, как всегда, обделяя себя, мать большую часть отдавала Петьке. Сама же, подперев руками щеки, смотрела, как сын ест.

– Мам, а ты почему не ешь? – спрашивал Петька.

– Я сыта уже тем, что ты ешь, – слышал он в ответ.

Как-то Петька узнал, что соседские мальчишки ходят на вокзал встречать своих отцов. Увязался за ними и он. Ребята искренне верили, что их отцы приедут обязательно из Москвы, где им вручат ордена и медали. С каждым днём ребят приходило всё меньше. К кому-то приезжали, чьи-то отцы долечивались в госпиталях, кто-то получал похорошки. Вскоре на вокзал приходил один Петька. Он сел на скамейку

и в группе военных, высыпавших из вагона, выбирал, кто же его отец. В этот раз он так увлёкся, что не заметил, как к нему подошёл солдат.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он.

– Я Петька Черкашин. Живу здесь с мамкой, а сюда прихожу встречать папу, но его всё нет. А вы мой папка?

– Петька... Черкашин, – задумчиво произнёс солдат. – Нет, Петька, я не твой папка. У меня тоже был сын Петька, такой же, как ты. Сожгли его фашисты вместе с домом и мамкой.

Тут Петька почувствовал, как на его коленку упала скупая солдатская слеза. Солдат развязал вещмешок. Достал буханку хлеба, банку консервов и два больших куска сахара. – Держи, парень, – сказал он. – Это тебе с мамкой. И жди, отец обязательно вернётся. Слышишь, жди. И верь.

Как только последний вагон скрылся за поворотом, Петька не пошёл, полетел домой, как на крыльях.

– Где взял? – строго спросила мать, когда сын выложил всё на стол. Он рассказал. Увидев восторженное, сияющее Петькино лицо, она поняла: нет, сын ей не врёт. Но на вокзал ходить запретила. В этот день они ели суп на мясном бульоне и пили чай с сахаром.

А однажды, когда Петька гонял с ребятами сшитый из тряпок мяч, во двор вошёл солдат и направился в Петькин подъезд. Сердце мальчишки затрепетало. Забыв обо всём, он кинулся к солдату. С криком «Папка, я тебя ждал, я знал, что ты найдёшь нас и приедешь!» уткнулся ему в колени. Но в это же время из подъезда выбежала соседка, тётя Варя, и вся в слезах стала целовать, обнимать солдата. Это был её младший сын, единственный вернувшийся живым из трёх её мужчин, ушедших на фронт. Целый день, сидя у окна, Петька проплакал от обиды. Много раз он по просьбе матери относил на почту письма и запросы, которые она писала. Но ответа всё не было.

Встречая почтальона, Петька каждый раз спрашивал, нет ли письма от отца.

– Пишет он тебе, Петька, пишет, – отшучивался тот.

А весточка всё-таки пришла. Правда, не та, которую ждал Петька. Другая, чёрная. Всего несколько строк, но от неё дети взрослеют, а матери седеют.

Увидев на столе конверт, Петька посмотрел на мать. Никогда прежде не видел он её такой. Бледная, осунувшаяся, словно высеченная из камня, неподвижно сидела она, уставившись в небольшой серый листок...

– Мам, это от папы? Он приезжает?

– Нет у нас больше папы. Убили его, – упавшим голосом произнесла она.

– Этого не может быть. Это неправда, неправда. Папа сильный, его не могли убить. Он победил, – вытирая слёзы, кричал Петька,

– Это правда, Петенька. Он погиб. Ты один у меня остался.

Она усадила сына возле себя и обняла за плечи. Так и просидели они, обнявшись, до утра.

Когда же рассвело, мать ушла на работу, а Петя взял хлебные карточки и пошёл в магазин занимать очередь за хлебом.

Надо было жить.

Когда Петька подросток, в своём сочинении по русскому языку он писал: «Великая Отечественная, самая жестокая, кровопролитная и бесчеловечная война, которую знало человечество. Отец, ты сильный, ты победитель. Память о тебе останется у нас, у наших детей, внуков навечно. Ты в одном строю с теми, кто выжил. Пусть никогда не будет войн».

Кораблик

Помню, в речку я весной
Запускал кораблик мой,
А малиновый рассвет
Красил парус в алый цвет.

На причале я стоял,
В путь кораблик провожал.
Всё мне снились с ним тогда
Голубые города.

Словно вешняя вода,
Уплывали те года.
Было счастье, в сердце боль,
А в кармане было ноль.

Но в душе всегда со мной
Алый парус над водой.

Танцует девчонка

Весна за окном расцветает,
Апрельской капелью звеня.
В общаге гармошка играет
В конце уходящего дня.

И парень в спецовке рабочей,
Гитару забыв у стены,

С девчонкой красивою очень
Кружится в объятьях весны.

Гармонь то хохочет, то плачет,
Стремительный вальс выводя
И косы девчоночки скачут,
Завистливых глаз не щадя.

И верится, видимо, паре,
Что сбудутся лучшие сны.
Танцуют девчонка и парень
В объятьях пришедшей весны.

Я тот

Я тот, кого ты обожала,
Кто верен был любви большой,
Пред кем ты плечи обнажала,
Молвы не побоявшись злой.

Я тот, кому ты песни пела,
Как самый близкий человек.
И в даль туманную смотрела,
Едва коня слышав бег.

Я тот, чьё сердце согревало
Тебя в осенние дожди.
Я тот, кого ты променяла
На леденящий блеск звезды.

Отчий дом

Край донецкий, ковыльное поле
С васильками и жемчугом рос.
Здесь с друзьями гулял я на воле
И с девчонкой, с которою рос.

С молоком материнским вместе
Здесь впитал я шахтёрский дух.
Здесь рванулись из сердца песни,
Чтобы пел эти песни я вслух.

Дни не шли – колесом катились,
Плыли ночи в дымке костра,
Паруса мне алые снились
И Ассоль по волнам плыла.

Оттого мне и дорог до боли
Средь мирской суеты и грёз
Край тот отчий – ковыльное поле
С васильками и россыпью рос.

Отплясали злые метели
Хрусталём зазвенела капель.
Лес проснулся, птицы запели,
Значит рядом уже и апрель.

А в проталинах, как предвестник
Наступающей рано весны,
Синеглазый смотрит подснежник,
Будоража последние сны.

Восемь строчек о России

Дали неоглядные расплескала Русь.
Речки и озера. Голубая грусть.
Птицей улетел бы в дальние края,
Только ты, Россия, родина моя.

Влево, вправо, прямо я с тобой иду.
Упаду и встану, заблужусь, найду.
И хожу, как странник, по земле родной.
Хоть и не избранник, но навеки твой.

*Ирина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ,
зав. сектором естественной природы
ГКУК «Национальный музей КБР»*

ПЁС И ВОРОНЫ

В кабинете учёного секретаря по ходу решения производственного вопроса все присутствующие глазели в окно, наблюдая за собакой и эмоционально комментируя её действия. Я тоже посмотрела в ту сторону...

Бездомный пёс где-то раздобыл куриную ножку. Это было не так трудно сделать, поскольку календарное число – 14 января – говорило о наступившем Старом новом годе. Вероятнее всего, это был не первый лакомый кусочек, потому как собака решила оставить его на чёрный день. Свой стратегический запас она определила на место выкорчеванного пня старого тополя, запустив мордочку, как землеройный механизм, в рыхлую почву. Проблема была решена, но пёс не торопился уходить. Его что-то беспокоило. Очередной раз он утрамбовал землю и обнюхал это место. Отошёл и посмотрел со стороны, вернулся и опять начал всё выравнивать. Вся эта церемония продолжалась несколько минут, и каждый раз он находил какие-то огрехи и исправлял их. Серым воронам, сидевшим в дозоре на ветках старого каштана, вся эта затянувшаяся собачья возня наскучила. Голод подталкивал их к решительным действиям, и они слетели вниз. Стремительный вороний десант стал окружать «закрома» пса. Самая шустрая уже сидела у «погребка», принаравливаясь пропахать клювом землю, но пристальный взгляд собаки её остановил. Пёс, вероятно, прокрутил в голове все возможные последствия и принял правильное решение: остаться и самому всё съесть. Никто ему в этом не помешал. Оставшиеся две вороны из пяти стояли напротив с вытянутыми шеями, готовые в любой момент помочь ему в его трапезе, но им достались только крохи. Им явно не везло. Но день только начинался...

И наш рабочий тоже...

УРОК ДЛЯ БЕЛКИ

Белки вошли в список народных любимцев, чего не скажешь о серых воронах. Во всяком случае, я ещё ни разу не видела, чтобы их кормили с рук. Вот им и приходится самим компенсировать такое невнимание.

Пушистенъкая белочка была очень хороша собой. При взгляде на неё рука непроизвольно опускалась на дно сумочки в поисках какого-либо

лакомства. Вот и моя подруга Татьяна одаривала её яблоками и орехами. Причём орехи уже были освобождены от скорлупы, в виде готовых ядрышек, яблоко – поделено на четвертинки. День начинался с того, что это «рыженькое чудо» забирало с ладони каждый кусочек по отдельности, относило на дерево и прятало в «седловине» между стволами. Последнюю четвертинку яблока белочка оставляла для утреннего перекуса. Она держала её обеими лапками, подобно тому, как мы держим ломтик арбуза. Удобно восседая на ветке, слегка раскачивая её весом своего тела, умудрялась в такт этим колебаниям работать зубками. Со стороны вся эта последовательность согласованных действий выглядела очень забавно и занятно. Но серым воронам так не казалось. Им в очередной раз никто ничего не принёс и ничем не угостил.

Серая пара выбрала пункт для обзора – высокую ветку на соседнем дереве. По тому, как они стояли навтыжку, развернув тела в одном направлении и держа равнение на белку и её яблоко, их полная боевая готовность была очевидна. Надеясь на успешный налет, вороны выжидали удачный момент. И он настал! Как по команде, они одновременно оттолкнулись от ветки и слетели вниз, вычертив угол. Одна полетела к белке, чтобы взмахом крыла выбить кусок яблока, другая – направилась к предполагаемому месту падения добычи. Манёвр прошёл без сучка и задоринки, как по маслу. Ворона наложила свою нижнюю длань на захваченный трофей – в прямом и переносном смысле – и в два приёма съела зафиксированный харч.

Белка в недоумении смотрела на свои лапки, не удержавшие одну четвёртую часть яблока. Минуты растерянности прошли и сменились желанием достать ещё одну дольку плода и возобновить трапезу. То, что произошло дальше, поменяло моё отношение к серым «братьям» в положительную сторону. Всё повторилось в тех же деталях и в той же последовательности, что и в первый раз, с одной лишь разницей. Вороны поменялись ролями, и теперь уже яблоком насыщалась вторая ворона.

Конечно, для нас, людей, все вороны на одно «лицо», так же, как и мы для них. Половой диморфизм у них почти не выражен. И, тем не менее, отличить самку от самца по внешним признакам, хотя бы по размерам тела, можно. Мы с Татьяной так и сделали, чтобы определить участие каждой из них в данной ситуации. Ну, а белочка? Урок ей пошёл на пользу. Следующий кусок она съела, спрятавшись в кроне листвы дерева.

ГИМН ПОБЕДИТЕЛЯ

Это было в начале 80-х годов прошлого столетия, в период Союза, ностальгия по которому не только у меня, потому как чаши социальных весов старались удерживать на одном уровне. Любая поездка была по карману, да и люди друг для друга были товарищами и братьями.

Туристическая путевка по Украине и Белоруссии включала в свой маршрут большие города для активного отдыха и маленькие населённые пункты с турбазами на озёрах – для пассивного. Из одной географической точки в другую мы переезжали в комфортабельных автобусах с чехлами на сиденьях, если даже расстояние не превышало тридцати километров. Отдых протекал ровно и гладко – по выверенному расписанию.

Все-таки в стабильный график однажды были внесены коррективы. Как-то, в назначенное для очередного переезда время, автобус не подъехал. Через некоторое время утреннюю прохладу сменила полуденная жара. Градус нашего настроения тоже повышался. Когда мы увидели автобус, он уже дошёл до критической отметки, но ответственные за наш отдых удачно огорошили нас. Венгерский «Икарус» – двухсалонная пассажирская машина, соединённая между собой гигантской гофрой, больше известная населению, как «гармошка» (такая же у нас в Нальчике ходила по маршруту «2а»). От такого «сюрприза» мы потеряли дар речи и лица наши заметно вытянулись. Автобус повёз нас при полном безмолвии, и, казалось, что дороге не будет конца. Единственным возмутителем угнетающей тишины был шмель, жужжавший пронзительно и недовольно. Сбившись со своего курса и случайно залетев в салон, он осваивал новый маршрут.

Автобус двигался со скоростью, вполне соотносимой со своим возрастом – тягуче-медленно, что, впрочем, в других обстоятельствах вполне подходило бы для детального созерцания природных красот. Но сейчас от летнего зноя они выглядели поникшими и какими-то унылыми. Это наводило тоску. От жары румянец на наших лицах стал переходить в тональность более сочного колера и... стал сигналом для водителя! Он пошёл на сознательное уничтожение распространявшегося вируса хандры.

Оглядев всех нас в зеркало, шофёр остановил взгляд на мне, видимо, моё лицо было самым показательным в данной ситуации. Подмигнув, запел... И как запел! Песня была довольно известная – «Несе Галя воду» – но никто не решался подпевать, всем хотелось слышать только его волшебный голос! Он пел плавно, без надрывов, мелодично и очень выразительно. Его голос струился потоком живительной, прохладной влаги... И всё сразу поменялось! Краски живых пейзажей за окном в лучах солнца переливались яркой гаммой цветов. Полёт шмеля приобрел совсем другой смысл. Украинская народная песня в его исполнении зазвучала, как гимн победителя. Она изменила всё, и захотелось ехать до бесконечности!

...Хорошая песня, безусловно, овладевает нашим сознанием – иногда с совершенно неожиданной силой, а стержнем её является голос исполнителя в сочетании с искренним желанием доставить радость. И неважно, насколько он профессионален, главное – быть на одной волне со слушателями, и тогда песня обретает крылья и поднимает всё на необозримую высоту!

МАЯК НАДЕЖДЫ

В советское время про отдых в районе посёлка Головинка знали все нальчане. Богатое предприятие «Сельхозтехника» отправляло на побережье Чёрного моря, на базу отдыха, сотрудников – и не только своих. Среди таких счастливиц иногда оказывались и я с сестрой. И вот, в конце августа 1971 года мы загорали на пляже.

Я не умела и не умею плавать, вернее, держаться на воде. Все мои усилия освоить этот вид спорта ограничиваются заплывом на дистанцию в два метра, с последующей остановкой и, при отсутствии точки опоры под ногами, погружением на дно «топориком». В тот день я, как всегда, решала проблему безопасного расслабления на воде с помощью надувной подушки.

Обхватив её обеими руками, погрузилась в мир неторопливого шелеста и ласки прогретой морской воды. Незаметно для себя я поддалась наваждению набегающих волн, незаметному ритму плавных подъёмов и спусков, и, практически, задремала. Наслаждаясь морем и находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии, не заметила, как отделилась от берега. Ощущение реальной опасности пришло, когда попытки грести одной рукой (другая удерживала надувную подушку) оказались почти полностью бесплодными. Усталость, очень скоро сменившаяся полной беспомощностью, мешала мне двигаться вперёд, и я отчётливо понимала, что такими темпами до берега мне не добраться. Не решалась кричать и звать на помощь, да это было бы бесполезно, так как плеск волн заглушил бы мой голос.

Маяком надежды для меня стал молодой человек на волнорезе. Стоя на изъеденном бетоне, он энергично жестикулировал руками, призывая меня плыть к нему. Расстояние до волнореза было значительно меньше, чем до берега. Его позитивная энергия придала мне сил, и этот отрезок пути показался мне ещё короче. Сильная и крепкая рука моего спасителя помогла мне выбраться из «морского плена». Дрожь и волнение, охватившие моё тело и душу, притупили и сознание. Я забыла поблагодарить и сказать ему спасибо. Лишь один раз подняла на него глаза, и единственное, что запомнила – встревоженный взгляд. На следующий день и в течение недели мы с сестрой искали его. Моя одинокая примета не работала – мы не находили молодого мужчину с внимательными глазами.

С тех пор прошло много лет, и я так и не помню того, кто стал для меня Маяком надежды. Но, может, ему стало хоть немного легче в этой жизни – своё каждое утро я начинаю с того, что желаю ему добра!

Аскер ДОДУЕВ,
народный поэт КЧР,
главный редактор журнала «Минги-Тау»

К Я З И М

Для каждого, кто хочет оставаться в этом мире человеком, Родина, родная земля, родная речь должны стать его дыханием, его душой и кровью, что течет в его жилах. Это они остаются верной опорой для людей с древнейших времен и поныне.

Кязим... Сколько добра и света, сколько чистоты вместе с мужеством вмещается в это короткое имя, с чего начинается балкарская письменная литература.

Кязим Мечиев родился в 1859 году в высокогорном ауле Шики Холам-Безенгийского ущелья Центрального Кавказа. Умер в 1945 году в селе Тельман, Талды-Курганской области Казахстана, в Средней Азии.

Между двумя этими датами поместилась многовековая история и яркая картина жизни и быта балкарского народа. Его стихи и поэмы переведены на многие языки мира. Все беды народа он пропускал через свое сердце. Не потому ли он пишет:

*Мир полон горя, радость же – редка,
Я к счастью путь найти не смог пока,
Изрешетили сердце сотни бед –
Кязим воюет с ними много лет.*

*Глаза араба, горца ли глаза –
В них горечи безвыходной слеза.
Печаль – повсюду, где ни прохожу,
В лицо всем нищим с болью я гляжу.*

Стихи Кязима берут силу у вечности и заставляют работать на себя, тем самым они находят к сердцу читателя самые короткие пути. Кто в его поэзию вложил душу, что ее окрыляет, кто открывает ей врата вечности?.. Это тайны и загадки для нас. И вряд ли эти секреты когда-либо

будут открыты или разгаданы, они навсегда будут связаны с каким-то волшебным таинством.

Когда остаешься лицом к лицу, наедине со стихами поэта, думаешь, что не может человек написать такое. Такое могут только тихо прошептать свыше, когда ему подпевали голоса ангелов и шептали звезды в небесах.

*Моя душа – это птица,
Улетит и оставит меня.
А тело в землю сырую уйдет,
Чтоб снова мглу познавать.*

*Будто раны нашей земли
Я снова и снова увижу,
Вот так горит мое сердце,
Будто заново мне умереть суждено.*

(Подстрочный перевод)

Кязим, словно магнит, притягивает к себе просторы земли и глубины вселенной. Порою кажется, что он сроднил их и растворил в своей крови, пропуская сквозь свое сердце. Чтобы понять слово Кязима, не надо проходить какое-либо обучение, не нужно посещать никакие уроки... Кто кого когда-нибудь учил дышать в горах воздухом в сосновых лесах?! Вот что пишет в одном из стихотворений Кязим, обращаясь к молодым поэтам:

*Эй-эй, молодые поэты,
Старого мира истцы,
Тьму прочь прогоняющие,
Не небрежны ваши слова!..*

*Сомнения нет у вас,
Хвалите новый порядок! (т.е. революцию)
Что правда, то правда,
Тиранию он победил!*

*Вы песни поете и пляшете,
Нет тревог у вас, как у Кязима.
Все гладко у вас и все хорошо,
И ни у кого арба не опрокинулась.*

*Я много жил, и с исповедью жил,
И старым стал от бед и горя,
Несчастья много еще на земле,
Нам, вы знайте, льстить нельзя!*

(Подстрочный перевод)

Да, льстить нельзя. Это неправильно. Особенно когда это касается Кязима, Родины, родной земли и всего святого. Почему я это говорю? А вы поймете, когда я приведу подстрочный перевод одного стихотворения Кязима, которое было написано им после прочтения своей книги «Мое слово», когда он совершенно не узнал себя:

*Что же все это такое?
Кто за меня написал?
Опозорил кто-то меня,
Поджег мой лес весенний.*

*Не спрашивая, раздел меня
И свои лохмотья мне надел,
Откуда знает он, скажи,
Что с вздором его соглашусь я?!*

*Кто занимался всем этим?
Вся трава моя замерзла!
Я же жил всегда с народом,
А он меня на болтуна похожим сделал!..*

Те, на кого был направлен гнев поэта, говорили, что хотели сохранить Кязима, но это был напрасный труд. Ведь он жил с народом – и сохранен народом, в его памяти и на его устах. Когда читаешь Кязима, его голос к нам приходит, словно из соснового бора, где петь перестают даже птицы рая.

*Высоки наши горы,
И много за это врагов,
Пусть увидят нашу боль, –
Наше имя человек!*

*Мало земли и много камней,
Небогата наша еда,
Все же горит огонь в очаге,
Наше имя человек.*

*Мало земли и скота,
Не хватает людей,
Но терпит все это душа,
Наше имя человек.*

*Пусть, мало сил со злом бороться,
Кипит кровь наша алая,*

*Не согнет нас ни горе, ни враг,
Наше имя человек.*

*Темный ныне наш народ,
Клятва наша в единстве,
Но есть еда всем, кто придет,
Наше имя человек.*

(Подстрочный перевод)

Вот так он искал единство народа, боль его накрывая ладонью, и она становилась всем бальзамом. Кязим был каждому опорой, не давая согнуть беде. Пока будет жить наш народ, мы с Кязимом и с его поэзией будем чище и добрее, человечнее и мудрее, а в тяжкий день стойкими и верными, а самое главное, вместе с Кязимом мы становимся понимающими и разделяющими боль других.

Кязим, как никогда, нужен сегодня, когда высоко подняли свои головы ложь, ненависть, беспочвенные притязания друг другу. Поэт, который сказал: «Что может быть лучше, отраднее в мире, чем запах кизячного дыма в ауле родном», прошел немало дорог Востока, хромяя, как Байрон, посетил и Мекку, и Медину, и Багдад.

*Убогие ноги свои превратив в коней,
Искал я счастье, так и не нашел.
И много скитался, правду нигде не увидел,
Только тревога стала мне другом.*

(Подстрочный перевод)

Вся поэзия Кязима удивительна, но больше всего изумляет то, что, будучи зеркалом ран и боли народа, он не кричит и не стонет, не ищет сострадания и никого не просит разделить эту боль. Он просто выявляет эти ранения и выносит их в поле зрения. Ведь открытая рана легче врачуется. Кязим писал стихи, словно он их писал в последний раз. И сегодня, в наше время, всякое бывает, не все так гладко: у кого опрокинулась арба, у кого споткнулся конь, а у кого ни коня, ни арбы. Коль беден ты и заря твоя не заря. Но новая рана наносится новым мечом, а болит, будто ты ранен ржавым старым кинжалом. И эти новые ранения – как ранние солнечные лучи освещают вершины гор – озаряют лучи мужественной поэзии Кязима и не дают им покрываться мглою, оставляя их на виду и осеняя дороги, что ведут нас в бездну.

*Кязим, который сказал: «У бедных светится душа»,
Сполна познал все их беды, скажешь ты,*

*Когда мои глаза горячий песок наполнит,
Скажи еще, что за нищих я всю жизнь молился!
У беззащитных много врагов и мало друзей.
И Аллах про них забыл, еще ты скажешь.
Голодных ни аят, ни зикр (молитва) не накормят,
Мой единоверец, ищи народу утешение!
А я останусь на чужбине – далеко,
Чужие ливни будут омыwać могилу мою.
А вы, живые, оберегайте наш народ,
Еще родятся, знайте, защитники его.*

(Подстрочный перевод)

Это строки Кязима, написанные для Локман-Хаджи, как завещание, когда он серьезно заболел в Аравии, во время совершения первого своего хаджа.

Тот, кто скажет, что для нашего единства, для любви друг к другу нет корней, основательно и не на шутку слукавит. Кязим сам является стержнем всех корней почтения человека человеком, веры между людьми. Это Кязим, который народ делает нацией, человека человеком, а родину Отечеством. Когда образ его стоит перед глазами, хочется все простить, забыть обиды, появляются силы ценить других, верить в добро и в добродушие. У Кязима под ногами даже «соломинка не ломалась», давайте и мы не будем ломать друг друга, а будем довольны друг другом, как сам Кязим был доволен нами.

*Я доволен вами всеми,
Почтенные близкие мои,
Народом земли моей,
Всеми молодыми и старшими.*

(Подстрочный перевод)

Кязима близкие и добродушный мой народ, пусть сбудутся наилучшие пожелания, пусть будут услышаны все молитвы поэта, а это непременно случится, если мы прислушаемся ко всем близким и не станем их отдалять от себя. А Кязим всегда будет услышан, потому что он жил одной лишь правдой, и «только правде он служил и только правду чтит, как госпожу».

*Тамара БИТИРОВА,
доктор филологических наук,
в. н. с. сектора карачаево-балкарской
литературы, ИГИ КБНЦ РАН,
заслуженный деятель науки КБР,
заслуженный деятель культуры РИ*

РАННЯЯ ЛИРИКА КЯЗИМА МЕЧИЕВА

Классик карачаево-балкарской литературы Кязим Мечиев (1865–1945) в своей поэзии глубоко и масштабно реализовал идеи братства и социального равенства, поднял на небывалую высоту идею общественного согласия в национальном сознании, он известен именно этими аспектами своего творчества. Однако и любовная лирика нашла свое место в его поэзии, и она столь же талантливо написана, как и гражданская. Следует признать, что исследователи творчества поэта недостаточно уделили внимания его лирическим произведениям. По свидетельству современников, Кязим начал слагать стихи очень рано. Что помогло ему раскрыть свой природный дар? Кто был его первым учителем словесности, духовный опыт которого мог вдохновить молодого Кязима пойти по пути поэтического творчества? И когда были сочинены его первые стихи?

Сам Кязим, выступая на литературном вечере в Нальчике 6 июня 1940 года, по этому поводу говорил: «...Слагать стихи я начал давно, лет пятьдесят тому назад¹. Но тогда я их писал по заказу. Ко мне приходили люди как из нашего аула, так и из других аулов и просили сочинить песню – или о горе, или о радости – у кого что было. И я сочинял, и мои песни пели на свадьбах и на похоронах». Здесь же он рассказывал историю создания своего известного стихотворения «Тарыгыу» («Жалоба» (девушки), поводом к которому послужила судьба горянки, выданной замуж вопреки ее воле: «Когда она мне рассказывала обо всем этом, плакала горькими, неутешными слезами. Вместе с ней плакал и я, а потом написал песню, которую вы все хорошо знаете...».

...Люди, что вы сделали со мною,
Как мне быть, как справиться с бедой?
Против воли стала я женою
Старика с седую бородой!

¹ Если исходить из точной даты его рождения, то это произошло примерно в конце 80-х – нач. 90 гг. XIX века, т.е. когда автору исполнилось уже 25 лет.

...Я познала все на свете грозы,
Всю неправду, всю тоску земли.
Если б я лила на камень слезы,
То они бы камень тот прожгли...

Перевод С. Липкина

Слова, произнесенные самим поэтом – «вместе с ней плакал и я» – ключ к пониманию того, почему его поэзия всегда была близка народу. Сопереживание, сочувствие, стремление понять боль другого – эти чувства присущи только выдающейся личности, каким, без сомнения, был Кязим Мечиев. Поэт не только защищал бесправных девушек в своих стихах, но и вел активную работу среди односельчан против бесчеловечности по отношению к чувствам молодых, разлученных по причине социального неравенства: «Чувства никого не интересовали, – отмечал в своих воспоминаниях Токай Холамханов, близко знавший поэта, – людей, как и скотину, отдавали за деньги. Подобное встречалось на каждом шагу. В этих случаях Кязим говорил беднякам, выдающим замуж дочерей: «Ваше требование калыма равносильно предложению содрать кожу с одной руки и надеть ее, как перчатку, на другую. Если дочери нравится парень, дайте молодым возможность совершить некая и создать семью». Свои раздумья по этому поводу поэт отразил в ставшем широко известным стихотворении «Жалоба девушки», написанном в 1898 году».

По утверждению Алима Теппеева, составителя двухтомного фундаментального издания «Кязим. Чыгъармаларыны экитомлугъу» [Мечиланы Кязим. 1989:43], автора большого предисловия и комментариев к нему, одним из первых произведений Кязима была песня-кюй «о трагической гибели односельчанина Жантемира Ахкобекова, погибшего в схватке с угонщиками скота на Безенгийском перевале, и оно становится популярным не только в Хуламо-Безенгийском ущелье, но и во всем Чегеме¹. В нем автор обнаружил дар слова, что и было замечено земляками, знающими толк в песнях. Его стали называть Кязим-назмучу. К нему стали приходить из всех ущелий Балкарии с просьбами сочинить песню по тому или иному случаю. Как свидетельствовала дочь Чепеллеу-эфенди, сверстница и названная сестра Кязима, «любая песня получалась у Кязима легко и красиво» [Теппеев А. М., 2010:108]. В самом деле, песня-кюй была созвучна настроениям безенгиевцев, часто вынужденных с оружием в руках защищать свое имущество и жизнь. К сожалению, названное стихотворение не сохранилось, как и многое другое из наследия поэта. К данной трагической теме он еще не раз вернется.

¹ Чегемское общество было самым близким из всех балкарских обществ, и жители их очень тесно общались.

Двухтомник – первое и самое полное на сегодняшний день издание творческого наследия поэта, начинается стихотворениями «Апсаты», «Къар жауады» («Снег идет»), «Сагъыш» («Раздумья»), «Тау башында тау болмаз» («На горе не может быть гора»). Составитель считает, что они были написаны поэтом в конце 80-х – начале 90-х годов XIX века. Однако эти стихи – разные по содержанию, поэтике и мастерству произведения, чтобы говорить об одном времени их создания. Что касается первого, то оно написано на сюжет известного фольклорного произведения, зафиксированного еще в XIX веке публикаторами карачаево-балкарского фольклора. К примеру, Н. П. Тульчинским было опубликовано два варианта песни, один из которых «заимствован из тетрадей Науруза Урусбиева».

«Апсаты» Кязима Мечиева по своей жанровой сущности выходит за рамки стихотворения, и его можно отнести к жанру баллады, поскольку эпичность повествования, наряду с реальностью, создает сюжетное произведение. В отличие от фольклорных версий, К. Мечиев создал произведение, где главным героем становится охотник, от имени которого ведется повествование. В народных песнях главный герой – бог охоты Апсаты. Он как покровитель животных и бог охоты предопределяет судьбы своих подопечных, он также повелевает судьбой охотника. В народном сознании без его одобрения ни один охотник не может попасть в цель, только по его милости охотник может возвратиться домой с добычей:

Эй, сен чомарт Апсаты,
Берир кюнюнг болур сют кибик,
Эй, бермез кюнюнгде уа
Айландыраса ит кибик... [Къарачай-малкъар халкъ жырла. 2001:30]

*Эй, добросердечный Апсаты,
День, когда ты даешь, бел, как молоко.
Эй, когда ты не хочешь давать,
Заставляешь бегать как собак...*

(Подстр. перевод)

И в зачине кязимовской баллады есть подобные строки. Если в фольклорных вариантах характеристики Апсаты даются рассказчиком, то у поэта – это монолог охотника, который характеризует всемогущего бога охоты и с положительной, и с негативной сторон. «Апсаты – «сюрюулени терс жоллагъа жибермез» («Апсаты не наставит стада на неверный путь»), «учхан къушлай жюрюшю» («ходит как летящая птица»), «Апсатыны къулакълары тик турур, ойра, кесин халал, чомарт сундурур» («Уши Апсаты держит наостро, ойра, будет показывать себя добрым и щедрым»), «Апсатыны сёзю болур буйрукълу» («слова Апсаты повелевают»)...

Одновременно и коварен Апсаты, обещавший «бедному охотнику» добычу, и тут же приказывающий своим подопечным спрятаться в укромных местах. И поэт, раскрывая коварный характер бога охоты Апсаты, восклицает:

Жалаулада Апсатыдан батыр жокъ,
Анга ышанган уучулада акъыл жокъ.

*На охотничьих угодьях нет бесстрашнее Апсаты,
У охотников, ему поверивших, нет ума.*

(Подстр. перевод)

Поэт расширяет круг действующих лиц баллады, вводя образы сына Апсаты Ындырбая и второй его дочери – Жансюер (старшую зовут Гошалай и она известна и в устной традиции). В народной песне «Апсаты», вобравшей в себя параметры двух жанров – мифологической и охотничьей песни, слушателю представлен далекий мифологический мир, «повествующий о вечности», кязимовское стихотворение приближено к реальности, оно повествует о трудной судьбе охотника, его надеждах, отчаянии и решимости:

– Биз барабыз эрттенликде атыугъа,
Керекдиле буу мюйюзле – сатыугъа.
Керекдиле бизге малла къурманнга...

*Мы идем спозаранок на охоту (стрелять),
Нам нужны рога сохатого для продажи.
Нам нужны животные для жертвоприношения...*

(Подстр. перевод)

Охотник долго размышляет перед тем, как выстрелить в тура, перечисляет все добродетели бога охоты, говорит ему благопожелания, желает окружающему его животному миру плодиться и приумножать стада:

Апсатыны жашы болсун къууатлы,
Къызы болсун тауда эгиз улакълы...

*Пусть сын Апсаты будет счастливым (привлекательным),
Пусть дочь его в горах будет с ягнятами-двойняшками...*

Подстр. перевод)

Тем не менее, «жарлы уучу» (бедный охотник») вынужден застрелить тура, чтобы прокормить свою семью.

В народном варианте песни перечисляются милости Апсаты, дающего охотнику желанную добычу и одновременно трудности, связанные

с охотой на тура. Если в одной строке радость охотника, то в следующей – жалоба на злосчастную судьбу:

Орайда, кюнном кыйынлы!
Берсин бизге базыкь боюнлу.
Сени жугъутурунг кьаллай союмду...
Богъурдакь кесдиргин, кьойчу челеклей,
Къабыргъасын тешдиргин элеклей... [Алгъышла, нарт таурухла,
жомакъла, жырла. Нальчик, Эльбрус, 1997:111].

*Орайда, день мой многотрудный!
Пусть даст нам толстошеего.
Какой же твой тур, предназначенный на убой!
Глотка отрезанная, как ведро в кошаре,
Бок продырявленный, как решето...*

(Подстр. перевод)

Налицо бинарность мышления и смятение чувств неизвестного создателя древней песни: жизнь требует от охотника добычи, а природа всячески противится жертвовать своими подопечными. Кязимовский Апсаты также безжалостен, но охотник в отличие от фольклорного, знает силу и слабость покровителя и безжалостного карателя охотников, он просит у Апсаты только то, что нужно для пропитания его семьи. Этот мотив станет стержневой сюжетной константой в будущей поэме автора «Раненый тур», и в этом раннем произведении просматриваются контуры философской задачи, впоследствии решенной великим поэтом.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется правомерным включение в критический корпус произведений К. Мечиева стихотворения-баллады «Апсаты». Помимо достоверности фактов по атрибуции текста, приведенных А. Теппевым, об этом свидетельствуют семантические составляющие, стиль и поэтика произведения. Вместе с тем, на наш взгляд, дата написания баллады обозначена более ранним сроком, чем она создана. Для ее написания нужны были и жизненный, и творческий опыт, которого не было у двадцатилетнего автора. То же самое можно сказать и о втором в двухтомнике произведении – «Къар жауады», известном в народе как «Къар жауады, борайды» («Снег идет, буран поднялся»). Оно, несомненно, авторское, кязимовское, но написано позже обозначенной даты.

Стихотворение «Сагъыш» – «Дума», снабжено датой – 1888 год, т.е. его автору было всего 22 года. Оно также по содержанию не соответствует возрасту Кязима. Оно написано умудренным жизнью человеком, думающим о замечательном прошлом и незавидном настоящем:

Энди бийлик учуз болду,
Адет, тѐре кьутсуз болду,
Биз кѐрмейбиз онгну, солну...

*Теперь княжеское (достоинство) обесценилось,
А даты не приводят к счастью,
Мы не понимаем, где правда, где ложь (буквально: где правая сто-
рона, где левая)...*

(Подстр. перевод)

Возможно, оно написано десять лет спустя. Поэт еще не достиг своего мастерства, о чем свидетельствует организация стиха исключительно через глагольные рифмы.

В 50–70-е годы XX века, когда творческое наследие Кязима Мечиева стали восстанавливать для издания, еще были живы дети, близкие родственники и друзья поэта. Представляют большую ценность записанные в тот период воспоминания о личности и художественных исканиях поэта в ранний период творчества. Многим запомнился Кязим Мечиев как мастер поэтических импровизаций. Так, соседка поэта Ариубат Хочуева вспоминала: «У Кязима была необыкновенная способность сочинять экспромтом. Во время сходов он часто говорил стихами. Его образная, глубокая по мысли речь обычно сопровождалась возгласами одобрения, которыми аульчане не удостаивали ни витиеватого на изречения муллу, ни властного, с зычным голосом бия Суюнчева. Эти острые стихи-выступления подхватывались на лету, становились поговорками, изречениями» [Литературная запись от 15 февраля 2003 г., с. Шалушка. Котляровы, 2003:93]. Таковы многочисленные свидетельства современников поэта – он часто сочинял свои стихи экспромтом и при необходимости дорабатывал их: как правило, расширял их, вводя новые факты и личности для воссоздания тех или иных событий.

Кязим Мечиев с молодых лет выделился из среды своих сверстников, и общество внимательно следило за его творчеством, потому и достоверно многое, что успели рассказать его современники. Так, Р. Григорьева писала: «Живой, с черными, как уголь, глазами, которые могли быть то лукавыми, то удивительно нежными. Таким остался Кязим в памяти своих земляков. Через десятки лет пронесли они воспоминания не только о больших событиях, но даже о мелочах, которые так или иначе связаны с именем и жизнью Кязима» [Кабардино-Балкарская правда, 1959].

Многие задавались вопросами – как стал Кязим поэтом, что предшествовало становлению яркой творческой индивидуальности, кто были его учителя, вдохновившие его путь к поэтическому Олимпу? На последний вопрос можно ответить однозначно: примером для начинающего поэта были народные певцы, их многовековая традиция импровизаций, огромный пласт национальной культуры, созданный и известными жырчы, и безвестными авторами.

По воспоминаниям Токая Холамханова, «первым стихотворением Кязима было «Къара кюнле» («Черные дни»). Богачи запретили его рас-

сказывать. Стихотворение «Открытое слово» было написано в 1900 году» [Котляровы, 2003:66].

И все же нам представляется, что первыми пробами пера молодого поэта были стихи лирического содержания, а не социального. Трудно не согласиться с А. Теппеевым, который отмечал, что «лирические произведения Кязима еще сильнее подчеркивали социальное неблагополучие горского общества. Несмотря на то, что до нас мало дошло произведений, созданных в начальный период творчества поэта, сохраненные стихи о любви свидетельствуют о незаурядном его таланте». [Мечиланы Кязим. 1 том. 1989:21]. Любовная лирика поэта состоит из менее двух десятков стихотворений и все они посвящены будущей жене поэта – Канитат.

Если исходить из вышеприведенного выступления в 1940 году, когда ему было 76 лет, («слагать стихи я начал давно, лет пятьдесят тому назад») он начал сочинять стихи в шестнадцатилетнем возрасте. Тогда же произошла судьбоносная встреча будущего Кязима со своей музой – юной девушкой Канитат, высокие и глубокие чувства к которой он пронес через всю свою жизнь. Канитат была младше на несколько лет. Они были молоды и прекрасны, как было прекрасным чувство, зародившееся между ними.

До наших дней дошло 13 стихотворений Кязима о любви к Канитат, о своем первом глубоком чувстве, только пять из них переведены на русский язык профессиональными переводчиками С. Липкиным, Г. Яропольским: «Санга къайыкъ бла баргъа» («К тебе я хотел перебраться в челне...»¹), «Къоншубуз. Ожакъ тютюнунг...» («Чую твоего жилья тепло...»), «Арбазынга къарай озама» («На твой поглядывая двор...»), «Тели болуп жулдузлагъ ырайма» («Рассудка лишившись, на звезды взираю...»), «Атанг келди да гюрбежиге» («Твой отец заходил как-то раз...»).

Большая их часть, остальные восемь, пока еще не переведены: «Аллах бизге суймеклик жазды» («Аллах нам даровал любовь»), «Бели инче – субай назы» («Тонкая талия – стройная береза»), «Жал борчум салып тузакъ...» («Обязан был по найму...»), «Салам жаздым санга артыкъ...» («Написал тебе салам...»), «Къара къашынг, къара кёзюнг...» («Черные брови, черные глаза...»), «Къарап турдум баргъанынга...» («Я смотрел тебе вслед...»), «Къоннган къушха базынып...» («Не надейся на прикорнувшую птицу...»), «Къаламым, салтам, мюлкюм...» («Мое перо, мой молот – мое богатство»).

Отдельные стихотворения лирического цикла имеют внутреннее единство. Цикл стихов складывается в рамки классической поэмы о любви – со своим зачином-узнаванием, развитием сюжета и финалом. Поэт создал стихотворный дастан, крепко связанный глубоким чувством,

¹ Названия на русском языке даются по опубликованным переводам.

тоской, надеждами, горькими раздумьями, ощущением беспредельности счастья. Эти разноречивые и противоречивые чувства объединены надеждой на счастливый исход. Ожидание счастья сквозит в каждом стихотворении, даже в тех, где, казалось бы, надежда призрачна, – ведь счастьем молодых противостоят вся традиционная мораль и сословные предубеждения.

«У любви старых слов нет. Даже посредственные литераторы, столкнувшись с этим чувством, подвергаются иногда удивительным и прелестным метаморфозам. У заурядного ремесленника с тусклой и нищей душой вдруг вырываются живые и свежие слова. А когда о любви говорит гений, он обновляет мир новорожденными словами. Никто и никогда не произносил: «Угаданное (ясное) слово – как любимое лицо» – метафора из стихотворения «Напоминания», являющаяся фатыуа – завершенной и пронзительной поэмой» [Кучмезова Р., 2013:73]. Трудно не согласиться с автором, что гениальный поэт по-новому раскрывает свои чувства, не повторяя других, породив другую образную систему.

В классических авторских лироэпических произведениях предписанного периода истории любви лирического героя предшествует встреча, т.е. она служит зачином произведения и определяет развитие сюжета вместе с последующими обстоятельствами [Биттирова Т. Ш. Элементы тюркской архаики в карачаево-балкарской лиро-эпической поэме...].

Не было бы встречи, не было бы и дастана. Так происходит в поэмах «Хаммесей» Калтура Семенова, «Хорасан» и «Айджакъ» К. Кочкарова, «Актамак» Исмаила Семенова. Поэт-импровизатор Калтур Семенов, дед Исмаила Семенова, живший на рубеже 18-19 вв., слыл певцом и острословом, оставил потомкам множество сатирических произведений. Небольшая поэма «Хаммесей» рассказывает о большой любви поэта к девушке Хаммесей. Подобно герою средневековых рыцарских баллад, Калтур отправляется на поиски любимой со своими товарищами, встречая на пути много прекрасных девушек. В какой-то момент в цокоте копыт коня он слышит имя отца девушки – Тытыт. Это чудесное приключение приводит его, в конце концов, в соседний аул, где идет свадьба. Здесь он в первый раз видит Хаммесей и влюбляется в нее. Шутливое обращение певца к Хаммесей передает не только чувства и настроение автора, но и принятый среди влюбленных особый язык, шутливое соперничество, которое заканчивается безусловным признанием совершенства возлюбленной:

«Къызланы ариуу, ариу Хаммесей,
Сен мени чарлай, мен сени кюсей.
Чарлагъан шок тюз урмаз, дейле,
Ариу Хаммесей суу сурат, дейле...»

*«Прекрасней всех красавиц Хаммесей!
Я желаю быть с тобой, а ты мне отказываешь.
Ружье, которое (часто) отказывает, не попадает в цель, говорят.
Красавица Хаммесей, как отражение в воде, говорят...»*

(Подстр. перевод)

Подобным же образом организованы поэмы «Хорасан» и «Айжаяк» Каспота Кочкарова. Каждая из них состоит из нескольких частей, рассказывающих об определенном этапе истории любви. В интитуляционной части – портрет любимой.

В основе сюжета поэмы «Хорасан» Каспота Кочкарова – любовь бедного юноши и дочери богача, изначально обреченная. Она автобиографична. Каспот нанялся батраком к отцу девушки, которая давно ему приглянулась. Однако когда девушка стала отвечать ему взаимностью, отец девушки выдал ее за другого. Трагичны не только обстоятельства, в которые попали влюбленные, но и финал поэмы, когда поэт переживает большое разочарование. Поэт долго не мог забыть свою любимую. Но вот он в последний раз видит ту, которая владела его мыслями и чувствами много лет. Хорасан мельком взглянула на него и быстро прошла мимо, даже не останавливаясь для приветствия. Автор не может скрыть своего разочарования:

*«Ала жаулугъунг бетин атханды,
Саргъалып, юсюнгю жапханды.
Санынг, гоккача, чагъып, акъгъанды,
Жюрегим “Жаратмайма”, деп айтханды...»*

*«Выцвел твой пестрый платок.
Покрыл тебя желтизной.
Увяло, отцвело твое тело, подобно цветку.
Сердце мое “не нравишься” говорит...»*

(Подстр. перевод)

Метафора «выцветший платок» имеет несколько смысловых уровней. Во-первых, это сама Хорасан, годы жизни в несчастливом браке ничего не оставили от ее былой красоты. Во-вторых, это – символ увядших чувств, некогда владевших героями поэмы.

Таковы вкратце содержательные концепты нескольких карачаево-балкарских дастанов, предшествовавших появлению кязимовского лирического цикла-дастана о любви.

В этом списке карачаево-балкарских поэтических историй любви особое место занимает поэма Исмаила Семенова «Актамак», которая является вершиной национального лироэпоса, как в плане поэтики, так и смысловой нагрузки. Несмотря на то, что она написана позже кязимовского

дастана, они имеют много общих типологических свойств. Через лироэпос пришли в большой мир поэзии и Кязим Мечиев, и Исмаил Семенов.

История создания поэмы «Актамак» – это история рождения большого поэта.

До встречи с Актамак Исмаил Семенов был одним из популярных исполнителей лирических песен в своем родном Учкулане. Молодежь любила его слушать, и без него не обходилась ни одна свадьба или веселая пирушка в окрестных селах. На одной такой свадьбе в ауле Картджурт произошла встреча поэта с Актамак, вернее, с Анисат Ижаевой. Это была любовь с первого взгляда. Исмаил Семенов, как пишет его сын Азрет, зачастил в Картджурт. С каждым разом он все больше привязывался к своей избраннице и, в конце концов, дал слово написать об Актамак песню, равную «Айжаяк», о чем он прямо говорит:

Секирип миндим мийикге,
Жууукъ бармадым жарына.
Айжаякъ кибик, белгили этерме
Сени тау эллени барына!..

*Я, подпрыгнув, взошел на вершину,
Не подошел близко к пропасти.
Я прославлю твое имя, как Айжаяк
По всему горному краю...*

(Подстр. перевод)

Кязим Мечиев, как и его предшественники, внимательно присматривается к объекту своих чувств, выделяя из общества молодых горянок. К. Мечиев представляет свою любимую как необыкновенное существо, которая отличается внешне от окружающих ее девушек:

Къарап турдум баргъанынга, –
Чачынг жете табанынга...

*Я смотрел тебе вслед, –
Косы твои достают до пят...*

(Подстр. перевод)

Къара къашынг, къара кёзюнг,
Бал шекерден татлы – сёзюнг!...

*Брови твои черные, черные глаза,
Слаще меда твоя речь!..*

(Подстр. перевод)

Сен бир юйюню чырагъыса,
Тийребизни ийнагъыса...

*Ты дома одного свет,
Ты улицы нашей кумир (обаяние)...*

(Подстр. перевод)

Бели инчге – субай назы,
Агъачы – тюз, къара – къашы...

*Тонкая талия – стройная береза,
Агъач (скелет)¹ – прямой, брови черные...*

(Подстр. перевод)

Каждая встреча отпечатывается в сознании особым образом. Он видит Канитат сердцем, понимает ее состояние, слова его полны тревоги:

Суугъа бара кёрдюм – азып,
Бетинг да – саз, нюрюнг – къачып,
Болмазмы экен къысха насып,
Аллах бизге жазыу жазып?

*Я увидел тебя похудевшей, идущей за водой,
Лицо пожелтело, румянец исчез,
Будет ли нам счастье,
Напишет нам (счастливую) судьбу Аллах?*

(Подстр. перевод)

Встреча с любимой вначале приобретает романтическую окраску, молодой поэт в своем воображении стремится к любимой то на вороном коне, то на челне, но –

Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне, –
Свалился мой конь вороной.

Пер. Г. Яропольского

¹ Слово «агъач» помимо прямого употребления в значении «дерево», «доска» в балкарском языке в некоторых случаях используется для обозначения строения человека, его скелета. Принято считать, что фигура человека подобна дереву. И она, как и дерево, может быть стройной, высокой или приземистой.

Однако молодой человек находит и более действенный прием для завоевания сердца любимой, он пишет ей в письме о своих чувствах, но опять неудача:

Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

«Мой голос не слышен тебе из-за гор» – в этой строчке автор указывает, что возлюбленная далеко и между ними высокая преграда: дорога к ней пролегла через высокие горы и быстрые реки, через которые было сложно перейти. Но дорога к любимой была сложна не столько из-за горного ландшафта, сколько из-за сословных преград, мешавших счастью молодых. И он, понимая это, сочиняет горькие стихи:

Чую твоего жилья тепло,
Мы соседи, наши сакли рядом,
Но меж нами столько верст легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твоя закрыта предо мной,
Как пред грешником – ворота рая.

Пер. С. Липкина

Поэт пробует разные методы, чтобы соединить свою судьбу с любимой, старается произвести впечатление на ее отца:

Твой отец заходил как-то раз
В нашу кузню – заказывал путы.
Я все сердце вложил в тот заказ!
Он унес его... Я ни минуты

Не жалел, не жалею о том:
Скакуна пусть отец твой стреножит,
Но он внес мое сердце в свой дом –
И тебя он стреножить не сможет!

Пер. Г. Яропольского

Женитьбе на Канитат, как видно из стихов Кязима, предшествовали драматические события. Причина заключалась в том, что в отличие от Кязима, Канитат происходила из узденей Шваевых, одной из почитаемых фамилий Безенгиевского общества, и в условиях патриархального

общества такой брак был невозможен. Однако ситуацию сословных предрассудков преодолели как искренние и глубокие чувства молодых, так и то обстоятельство, что к своим двадцати годам Кязим стал известен в Шыкы и других аулах Холамо-Безенгиевского общества своими стихами, умом, образованием и воспитанностью. Кязим и Канитат прожили долгую совместную жизнь и умерли почти одновременно, далеко от своих родных гор, в период депортации, в Талды-Курганской области Казахстана.

Любовная лирика Кязима Мечиева не ограничивается стихами, созданными им в ранней молодости, в пору влюбленности в прекрасную Канитат. В последующем он написал два дастана о любви – «Бужжигит», «Тахир и Зухура», в которых он вступает в поэтический спор со своими предшественниками, великими поэтами Востока. И здесь он показал незаурядный талант, создав гармонию горской и восточной поэтических традиций.

Литература

1. *Биттирова Т. Ш.* Элементы тюркской архаики в карачаево-балкарской лиро-эпической поэме предписьменного периода. Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2004. № 11. С. 165-193.
2. *Котляров В. Н., Котлярова М. А.* Балкария. Боль и гордость: Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве. Нальчик: «Полиграфсервис и Т», 2003, 415 с.
3. Кабардино-Балкарская правда. 1959, от 9 октября.
4. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Составление, вступительная статья и комментарии А. И. Алиевой. Нальчик: «Эльбрус». 1983, 431 с.
5. Къарачай-малкъар халкъ жырла. Жыйышдыргъан Отарланы Омара. Нальчик: «Эльбрус». 200, 2014 с.
6. Кучмезова Р. А. Кязим Мечиев: «Я один из вас, я жил...». Нальчик: «Эльбрус», 2013, 150 с.
7. Мечиланы Кязим. Сайламаларыны экитомлугъу. Кязим Мечиев. Стихотворения и поэмы. В 2 томах. Составитель, автор предисловия и комментария А. М. Теппеев. Нальчик, 1989.
8. Социалистическая Кабардино-Балкария, от 14 июня 1940 г.
9. *Теппеев А. М.* Кязим Мечиев. // Очерки истории балкарской литературы, Нальчик, 2010, 106-133 с.
10. *Тульчинский Н. П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области. // Терский сборник – литературно-научное приложение к «Терскому календарю», 1904 г., вып. VI. Владикавказ, 1903, 249–334 с.

ВОСХОЖДЕНИЕ К КЯЗИМУ

Эссе

1

Только в высокогорном ауле Шики, на родине поэта, в полной мере осознаешь уникальность гения Кязима Мечиева.

В свой первый приезд в 2009 году на Кязимовский праздник, вместе с сотнями поклонников поэта я шел пешком, окидывая взглядом меняющуюся панораму горных кряжей. Я шел и думал о том, что по этой же дороге ходил сам Кязим, по этой же дороге спешил к нему Кайсын Кулиев.

Вот появились первые следы поселения – остатки каменной кладки, дальше – еще и еще... Наконец взору предстала кузница, а за рекой – сакля с обширным двором.

Кязим Мечиев

2

Кайсын Кулиев в статье «Талант и мудрость» (1962 г.) писал: «Кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу». Для меня такой книгой стало «Избранное» Кязима Мечиева в переводах Семена Липкина (1976 г.). Но по-настоящему я прикоснулся к поэзии Кязима уже в университете. Курс балкарской литературы на русском отделении вел Алим Магометович Теппеев, писатель, драматург, литературовед, один из исследователей жизни и творчества поэта.

Кязим захватил меня простотой и глубиной, его стихи в переводах С. Липкина легко запоминались. Готовясь к семинару, я выучил десятка полтора стихотворений. Алим Магометович был человеком очень эмоциональным, его глубоко тронула моя декламация. Я и сейчас ощущаю тепло долгого его рукопожатия, вижу его увлажнившиеся глаза...

Сейчас я понимаю, что Алим Магометович слушал стихи не просто как преподаватель, а как человек, переживший депортацию и все беды, обрушившиеся на балкарский народ в годы сталинизма.

«Кто читал Кязима внимательно, тот обязательно должен был почувствовать, что его огромная искренность чем-то напоминает искренность Александра Блока, несмотря на то, что их биографии, школа, приемы, стиль, образный мир абсолютно различны», – писал К. Кулиев в статье «Кязим Мечиев и восточная поэзия» (1965 г.). Во вступительной статье к «Избранному» 1976 года он еще раз повторит эту важную для него мысль: «Его открытость сродни искренности Александра Блока».

Почему именно Блок? Мне думается, что К. Кулиев имел в виду оценку поэтами революции и происходивших затем событий.

А. Блок был абсолютно искренен, когда принял революцию 1917 года. Так же отозвался на нее и Кязим Мечиев. Ставить это в упрек поэту, как ставили в упрек А. Блоку поэму «Двенадцать», неприемлемо. Лозунги большевиков, декларируемые ими цели были справедливы и насущны, как, впрочем, лозунги большинства революций, происходивших под вечно актуальным девизом «Свобода, Равенство, Братство». Это не заблуждение поэтов, ставших на сторону большевиков, это их искреннее, открытое выступление за лучшее, справедливое переустройство мира. И ради этого они были готовы пройти самые суровые испытания вместе с народом. Блок погиб от голода и лишений, Кязим потерял сына в гражданской войне.

Но новый мир оказался совсем не таким, как мечталось.

Пока царят слова, а дела нет!
Кругом полно наставников негодных,
Над книгой не склоняющих чела,
Не чувствующих чаяний народных,
Добро не отличающих от зла.

«Неправедно, неправо наше дело...»

Перевод Г. Яропольского

Это стихотворение Кязима датировано 1928 годом. Революции десять лет. А еще через десять лет, в разгар репрессий, Кязим напишет:

Справедливость искавший Кязим,
Ты опять предаешься рыданью!
Знаешь ты: и к тебе, как к другим,
Постучат за кровавою данью.

Как легко из хороших людей
Можно сделать поборников злого!

«Как же вышло так, Хажибекир?...»

Перевод Г. Яропольского

Маховик революции перемалывал жизни и судьбы людей. Ни свободы, ни равенства, ни братства...

Поэма Кязима «Желтый кош» была создана в 1916 году, в разгар Первой мировой войны.

События и герои поэмы реальные. Сюжет прост. Сванский князь Чона со своей дружиной абреков совершает набег на Безенги, чтобы угнать отары и стада с Желтого коша. В результате схватки погибают пастух Гайда и сам Чона. Абреки угоняют скот, а один из них, самый юный, еще безусый, попадает в плен. Противостоящие стороны полны жаждой мщения, но побеждает разум: угнанные стада и отары возвращены, стороны примиряются.

Воссоздавая события минувших лет, в своих размышлениях, в описании характеров героев Кязим Мечиев раздвигает рамки этого рядового по тем временам столкновения до масштаба общечеловеческого. Ведь сколько в истории примеров, когда незначительный конфликт перерастал в вооруженное насилие и войну. Поэт поднимает вопросы взаимоотношений между народами, конфессиями, между тружениками и эксплуататорами. Но главная тема: война и мир. По сути, перед нами одна из первых в мировой литературе антивоенных поэм:

Ведь это так естественно, так верно –
Согласием вражду переломить!
Народы были б счастливы безмерно
Соединить разорванную нить.

Кязим знал, что зло порождает зло. Когда Тахир, обуреваемый жаждой мщения за смерть Гайды, предлагает убить пленника и говорит:

Биберт, но если враг на нас нагрянул,
То добрым быть – стыдобище, позор!
Как можешь говорить ты о прощенье,
Когда пришел он грабить, убивать?
Пускай забудет он о возвращенье,
Пускай навек свою забудет мать! –

Биберт отвечает:

К врагам, конечно жалость неуместна,
Но я боюсь, что зря прольется кровь.
Юнец пред нами – все мы это знаем.
Порой наивны юные сердца
И могут, повстречавшись с негодяем,
Попастся в сети хитрого лжеца.

И Тахир соглашается с доводами старшего товарища:

Да это так. Коль смерть на смерть помножим,
То никогда не кончится она.
На поле боя смерть – одно, положим,
Но пленников касаться не должна.

Во время этого диалога пленный сван «к жерди был привязан, силясь понять, простят ли здесь его грехи». Буквально в двух строках выражены и его беспомощность, и страх, и ожидание своей участи. Человеку необходимо дать шанс, говорит Кязим, но при этом он не стоит на позиции непротивления злу насилием:

А те, кто захотел кровавой славы,
Пускай ее познают до конца!

Свои самые сокровенные мысли Кязим Мечиев вкладывает в уста двух богатырей – балкарца, «пастуха и воина» Биберта, и свана, «могучего великана» Бесо.

И вот, чтоб не взошли ростки дурного,
Чтоб раскрутить обратно колесо –
От зла к добру, – берет бесстрашно слово
Суть дела доводя до всех, Бесо:

«С лихвою натерпелись мы коварства,
Нам не нужны ни злоба, ни разбой.
Со всеми в мире надо оставаться,
Нужны нам: мир – согласие – покой!»

Промолвив это, глянул он сурово
На всех, кто стал оружием бряцать,
На «воинство святое», что готово
Иную веру напрочь отрицать.

Почти то же говорит Биберт:

Шакманов Даулет без наставленья
Нас не оставил – он сказал, чтоб мы
Спалили все их горные селенья,
Повергли в ужас души и умы.

Но не равнять же нам теперь всех сванов
С их князем злополучным! Их народ,
Как мы, бредет вслепую среди буранов,
Как мы, кряхтит под тяжестью невзгод.

По-настоящему сильный человек может и должен постоять за свой народ, за справедливость, но от него же Кязим ждет мудрости, милосердия и великодушия.

Совершенно потрясающая картина, когда приносят тела убитых пастуха Гайды и князя Чоны:

Приволокли и князя, уложили
Поодаль от Гайды. Беда – одна.
Но до того по-разному прожили
Они свой век, что схожесть не видна.

Эта деталь: «приволокли, уложили поодаль от Гайды» – красноречивее многих описаний. Да, беда одна: смерть. Но один навечно останется со своей славой, другой – со своим бесчестием:

Один трудился, устали не зная,
И никому не причинял вреда;
Другого же вела стезя иная –
Он зло творил, не ведая стыда.

Один, и лишний час на сон жалея,
Работал так, чтоб дом не голодал;
Другой, жить задарма мечту лелея,
Хотел, чтоб тот, кто трудится, страдал.

И вот Чона окончил век свой вздорный.

Не достойно тело князя лежать рядом с телом пастуха.

Средь созданных когда-либо Всевышним
Прекрасных и высоких душ нигде
Души подобной, верно, мы не сыщем,
Что им была дарована Гайде.

Так говорит Кязим о Гайде, таким его и запомнили люди.

Вторая глава поэмы «Желтый кош» – гимн родной земле, гимн миру и труду, гимн жизни. (По своей камерности и прозрачности она перекликается с прозой Константина Чхеидзе, который описал свою поездку в Хуламо-Безенгийское ущелье накануне Первой мировой войны в книге «Страна Прометей».)

Я представляю, с каким удивлением, восторгом и восхищением слушали односельчане эту поэму Кязима! Ведь речь в ней о самых обыкновенных людях – соседях, друзьях, родственниках, которые вдруг предстали эпическими героями, благородными, отважными, мудрыми.

В контексте эпохи и событий 1916 года, когда «патриоты» всех мастей трубили о войне до победного конца, создание «Желтого коша» – явление уникальное.

5

«Почти все творчество поэта советского периода полно света», – писал Кайсын Кулиев во вступительном слове к «Избранному» Кязима. За этим «почти» скрывается самая тяжелая и трагическая страница в жизни балкарского народа и его великого поэта.

Невозможно представить, какой силой духа и поэтической мысли надо было обладать, чтобы написать в самом начале депортации стихотворение, призывающее народ к терпению, мужеству и вере в торжество справедливости.

Это стихотворение есть в переводах Г. Яропольского – «Завещание», И. Ляпина – «Выдержать!» и М. Синельникова – «Многострадальный мой народ».

Я не берусь судить о точности того или иного перевода, но интонационно, как мне представляется, ближе всех к оригиналу перевод М. Синельникова. Он менее декларативен, а потому более проникновен. Приведу лишь несколько строк:

Вслушайтесь и правильно поймите
Вы слова печальные мои:
Ненависти в сердце не берите,
Гиблой избежите колеи.

Главный так решил. В чужие дали
Повелел переселить народ.
Разве виноватых здесь искали?..
Не было в веках таких невзгод.

Без одежды зимней и без пищи,
Стольких потеряв, бредем во мгле,
Ну, а там, на отчем пепелище,
Мертвые не преданы земле.

Губит нас корысти вражьей сила.
Суд неправый, и не жди добра,
И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.

В этом стихотворении Кязима сконцентрированно сказано обо всем, о чем впоследствии, когда будут сняты запреты, начнут писать

историки: о Сталине (не о Берии!), принимавшем решения, о бездействии местных властей и их корысти, о неправом суде, о небывалом в истории преступлении против целого народа. Но в этом же стихотворении Кязим Мечиев пишет, что «однажды выправят законы», «наветы отпадут». Он говорит об этом в самый страшный и тяжелый первый год депортации. Когда, казалось бы, сердца людей совершенно обоснованно и справедливо могли переполниться ненавистью и чувством мести, он обращается с призывом:

Свой народ прошу – с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе.

Как истинный поэт-пророк Кязим Мечиев знал будущее. Это его знание проистекало из веры в нравственные и этические идеалы народа, из знания глубинных основ национального характера балкарцев.

6

Тема творческого бессмертия осмысливается Мечиевым в стихотворении «Нагрянет смерть...» (перевод С. Липкина).

Нагрянет смерть, – у нас отымет в миг единый
Знакомой речки шум и синие вершины.

Но дом, что ты воздвиг, но твой заветный стих
Останутся с людьми, чтоб жить среди живых.

В переводе Н. Коржавина («Смерть») эта мысль звучит несколько иначе:

Только я из стихов своих крепость сложил.
Смерть не сроеет ее, не достанет ей сил.

Смерть приходит, к себе человека берет.
Человек же ей тело одно отдает...

А что сделано им – остается навек.
Ведь хозяин Вселенной не смерть – человек.

Если сравнить это стихотворение со знаменитым пушкинским «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», то сразу обращает на себя внимание расстановка смысловых акцентов «бессмертия».

У Пушкина речь идет исключительно о бессмертии художника-творца. Здесь и оценка собственного творчества, и наставление будущим «пиитам»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Кязим не ограничивает бессмертие исключительно поэтической сферой. В его понимании, остается после смерти все, что создается человеком во имя людей. Искусство поэзии стоит для Кязима в одном ряду с мастерством кузнеца и плотника, зодчего и пастуха, воина-защитника и мудрого правителя.

Об этой особенности мировоззрения поэта писал Кайсын Кулиев в статье «Талант и мудрость» (1962 г.); «Меня каждый раз удивляет монолог Зодчего. Вот что сказано в нем о мастерах и мастерстве:

Пойми: оно безмерно,
Мудрей и старше нас.
Без мастерства б, наверно,
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,
В них – свет и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.

Образ Зодчего является как бы образом самого Мечиева». И далее К. Кулиев замечает: «Он, конечно, знал цену своему слову».

Безусловно, знал, но для него было одинаково важно слагать стихи и ковать железо:

Куй стихи с железом воедино, –
Вот где высшей мудрости вершина!

Быть только поэтом – недостаточно. Эта фундаментальная и актуальная на все времена мысль воплотилась в жизни и творчестве Кязима Мечиева, и в этом – его исключительность.

«Нерукотворным памятником» поэту стала народная память, сохранившая и вернувшая к жизни многие творения Кязима, одарившая его бессмертием. Эта обратная связь говорит о безошибочном народном эстетическом чувстве, чувстве поэтического слова. Факт истории литературы, не имеющий аналогов.

7

В статье «Талант и мудрость» (1962) Кайсын Кулиев писал: «Через много лет я снова увидел аул Шики. Аул, где он родился и прожил более восьмидесяти лет, был пуст, полуразрушен. Кязим умер в Талды-Курганской области Казахстана. Прекрасные глаза великого поэта гор закрылись в далеких степях. А ему так хотелось лежать в благословенной земле отцов – под сенью родных гор!» В 1976 году во вступительной статье к «Избранному» о смерти Кязима будет сказано лишь одной строкой: «Умер Мечиев в 1944 году». Хрущевскую оттепель сменил брежневский застой с его абсурдными запретами и цензурой.

В том, что К. Кулиев указал дату ухода поэта неверно, – на тот момент ошибки не было. Бытовало несколько версий: одни указывали конец декабря 1944 года, другие – февраль-март 1945 года. Сам Кайсын в то время был на фронте, затем – в госпитале, и, видимо, опирался в дальнейшем на те источники информации, которые были доступны.

Летом 1989 года, накануне празднования 130-летия Кязима, из Нальчика в Казахстан отправилась делегация, чтобы достоверно установить место захоронения и дату смерти поэта.

В начале 2000-х годов, в «Мемориале жертв репрессии балкарского народа», я обратил внимание на фотографию, где были запечатлены члены той самой делегации и несколько местных жителей-старожилов. Среди последних значился Бейсенбек Кошубаев. Увидев свою фамилию, я поначалу решил, что это опечатка. Но оказалось, ошибки нет. Это мой однофамилец-казах, ветеран войны. О той поездке рассказал поэт Абдуллах Бегиев в книге «Балкария: боль и гордость» (Нальчик, 2003 г.): «Один из местных жителей, Бейсенбек Кошубаев, рассказал, что запомнил день смерти Мечиева, потому что именно в марте он вернулся с фронта и его отец собирался делать курманлык по этому поводу. Уже был назначен день праздника, совпавший с днем его рождения. Но праздник не состоялся, потому что именно в этот день привезли (умершего 14 марта. – *Дж. К.*) Кязима. Человек этот показал свой паспорт, где датой рождения было указано 15 марта».

Бывают странные сближения!..

*Кязим Мечиев, Керим Отаров
и Кайсын Кулиев. Нальчик, 1940 г.*

Размышляя о посмертной судьбе Кязима Мечиева, невозможно не восхититься и не удивиться любви и энергии Кайсына Кулиева и Керима Отарова, которые еще в довоенные годы проявляли внимание и заботу о великом поэте. В 1939 году Кязим был принят в Союз писателей СССР, в 1940 году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств КБАССР».

Установка первого памятника поэту – тоже огромная заслуга Кайсына и Керима, а главное – они неустанно пропагандировали творчество Кязима, пробуждая интерес читателей к его поэзии.

В 1956 году во Фрунзе выходит сборник стихов и поэм балкарских и карачаевских авторов «Знамя нашей жизни» (на карачаево-балкарском языке), куда вошли и произведения Кязима Мечиева, а в 1958 году уже в Москве увидела свет антология «Поэты Балкарии» в переводах Семена Липкина, в которую также были включены стихотворения Кязима.

В своей статье «Кязим Мечиев и восточная поэзия» К. Кулиев приводит цитату о поэте из частного письма С. Липкина: «Лев Толстой внимал бы ему с уважением. Я чувствую, что Кязим музыкален высшей музыкальностью, естественностью и полезностью фразы. Он строит стих, как горец саклю: все, что нужно для жилья в горах, есть в этой сакле, а что не нужно, – к чему оно?».

После возвращения балкарского народа из депортации, благодаря Кайсыну и Кериму, одними из первых поэтических изданий были сборники Кязима Мечиева: «Стихи и поэмы» (Нальчик, 1962), «Огонь очага: Стихи и поэмы» (М., 1970), «Избранное» (М., 1975). На подаренной Кериму книге «Огонь очага» Кайсын написал: «*Дорогой Керим, мы – дети нашего Кязима, мы с тобой об этом знаем.*».

Кайсын Кулиев пишет ряд статей о творчестве и жизни поэта, да и редкая его статья, посвященная тому или иному поэту, обходится без упоминания имени Кязима Мечиева.

Среди известных собирателей и исследователей творчества Кязима Мечиева – Далхат Маммеев, Алим Теппеев, Абдуллах Бегиев, Рая Кучмезова. Следует упомянуть здесь и дипломную работу Аркеса Додуева

«Дореволюционное творчество Кязима Мечиева», которую он защитил в 1964 году. Эта работа была одним из первых исследований творчества великого поэта и послужила важным источником для изысканий Алима Теппеева.

Именно Аркес Додуев записывал стихи Кязима на кириллице, поскольку сам Кязим владел лишь арабской графикой. Вот как об этом вспоминал Аркес Додуев: «Я родился и рос в одном с Кязимом селении, слышал его стихи и песни, раздувал меха в его кузнице. (...) Однажды к нам в селение приехали Кайсын Кулиев и Керим Отаров. К тому времени я уже овладел русской графикой чуть лучше других, и поэтому именно меня они попросили записывать за Мечиевым его стихи. Кязим рассказывал их или читал, заглядывая в свои тетради, и, заканчивая стихотворение, обязательно добавлял: «Это сказал хромым Кязим, а записал молодой Аркес». Но мне было стыдно писать свое имя рядом с кязимовским, и я этого ни разу не сделал» («Балкария: боль и гордость», 2003).

Огромна и неопределима деятельность Кайсына Кулиева и Керима Отарова в определении места и роли Кязима Мечиева в истории балкарской литературы. Именно в кайсыновских статьях, полных любви и восхищения поэтом, и многочисленных стихотворениях Керма Отарова, посвященных Кязиму, образ великого балкарского художника слова сохраняется живым – мы слышим его голос, видим его глаза и улыбку, ощущаем необыкновенную глубину и простоту Поэта и Человека.

К. Кулиев писал: «Он одинаково прекрасен как поэт и человек. Жизнь и поэзия его составляют полную гармонию. В этой цельности – большая сила и обаяние Мечиева» («Кязим Мечиев и восточная поэзия», 1965).

9

Каждую осень в Шики проходят Кязимовские чтения. Десятки, сотни людей, преодолевая расстояния, поднимаются к сакле Кязима, чтобы отдать свою дань любви и уважения, чтобы звучали его стихи.

Восхождение к поэзии Кязима продолжается.

Мы шли в Шики.
 Я поднимался – в храм.
 Среди жертвенных руин –
 алтарь поэта.
 Хоть не горит огонь –
 но плещет море света,
 и тяжесть камня
 тянется к словам.

Тайны странствования Лермонтова по Кавказу в 1837 году

О пребывании Лермонтова на Кавказе во время первой южной ссылки написано много, но из-за недостатка архивных материалов и отсутствия воспоминаний современников ученым до сих пор не удалось восстановить в полном объеме *кавказский календарь Лермонтова 1837 года*.

Хаути Шогенов в монографии «1837: тайны странствования Лермонтова по Кавказу», изданной в Нальчике ООО «Тетраграф», постарался максимально объективно и логически убедительно восполнить лакуны наших знаний о восьмимесячном пребывании опального прапорщика на Кавказе. Работа состоит из одиннадцати глав, десять из которых представляют собою исследования, последовательно приоткрывающие жизнь и творчество поэта в указанный период ссылки и до сих пор неполную историю его службы в Нижегородском драгунском полку.

В этих главах много неожиданных открытий, заставляющих поновому пересмотреть маршруты передвижений Лермонтова по Северному Кавказу и по Закавказью. Об одном из таких открытий речь идет в главе «Затянувшееся пользование минеральными водами». В ней автор монографии впервые в лермонтоведении доказал зависимость затянувшегося пребывания ссыльного поэта в Пятигорске и Кисловодске в течение трех летних месяцев от его нежелания участвовать в военных операциях русских войск против причерноморских черкесов.

Заметным вкладом в развитие науки о Лермонтове станет глава «Тайны странствования *от Кизляра до Тамани*». Шогенов выдвигает и весьма доказательно аргументирует свою версию причин активных передвижений ссыльного прапорщика по всей Кавказской линии, и представляет свой вариант маршрута Лермонтова, изъездившего «*Линию всю вдоль*». В исследовании предлагается направление маршрута, соответствующее свидетельству самого поэта: от Кизляра до Тамани (письмо к Святославу Раевскому), а не наоборот, как до сих пор считают в лермонтоведении. В этой части анализ Хаути Шогенова выглядит абсолютно убедительным – внесистемные, на первый взгляд, передвижения Лермонтова, сроки его появления в тех или иных пунктах, включая два посещения имения его родственника Хастатова в Шелкозаводском (левый фланг Линии, окрестности Кизляра), обусловлены нежеланием опального писателя встречаться с Николаем I, совершавшим длительную

поездку по Кавказу. Как известно, пути императора и Михаила Лермонтова не пересеклись, они разминулись и в Геленджике, и в Тифлисе, и в Ставрополе.

Говоря о пребывании поэта на Северном Кавказе, невозможно обойти молчанием два важных обстоятельства его биографии, затронутых в 6-й и 7-й главах монографии. Во-первых, Лермонтов в Ставрополе не встретился ни с одним из декабристов, переведенных по приказу царя из Сибири на Кавказ, хотя во многих исследованиях это стало неким общим местом, неким *loci communes* лермонтоведения. Этот момент в монографии рассмотрен настолько скрупулёзно, что можно констатировать – данная избитая тема, запущенная в научный оборот с подачи политической верхушки СССР, в современной российской науке должна быть закрыта навсегда.

Во-вторых, в 1837 году поэт не был на берегу Черного моря. А это означает, что он не принимал участия в военных действиях отряда генерала Вельяминова против шапсугов. Как бы исследователь Ю. Беличенко ни изошрялся, пытаясь сделать Лермонтова участником этой «полузабытой экспедиции», неоспоримым остается факт, который никому не дано опровергнуть: автор антиколониальной поэмы «Измаил-Бей» не вписал свое имя в историю трагической колонизации Черкесии.

Как известно, пребывание поэта в Пятигорье и его поездки по старой Военно-Грузинской дороге в обоих направлениях обогатили русскую литературу такими замечательными повестями, как «Княжна Мери», «Бэла», «Максим Максимыч», и поэтическими шедеврами «Демон» и «Мцыри», написанными им после возвращения в Петербург.

Единственным крупным кавказским произведением указанного периода явилась «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которую, по признанию самого Лермонтова, он написал в первые дни пребывания в Ставрополе. Шогенов подтвердил свидетельство В. Г. Белинского о том, что песня «Мастрюк Темрюкович» из сборника Кирши Данилова «подала Лермонтову повод написать его «Песню»». Но при этом автор монографии принципиально правдиво и прозрачно приоткрыл завесу неблагоприятной национальной проблемы, в свете которой неизвестный исполнитель фольклорного произведения трактовал содержание песни о кабардинском князе Мастрюке и о второй женьтибе Ивана Грозного на Марии Темрюковне.

В монографии содержится справедливая критика известного советского исследователя жизни и творчества Лермонтова И. Л. Андроникова, который привнес в лермонтоведение необоснованные данные о сроках пребывания поэта в Грузии и Азербайджане. Андроников значительно исказил карту передвижений ссыльного прапорщика во время службы в Нижегородском драгунском полку.

«Лермонтов был на территории Грузии 11–12 ноября и 2–9 декабря 1837 года. А это составляет всего 10 дней», – говорится в монографии Шогенова. И далее в подразделе «Правда о закавказских знакомствах опального прапорщика» автор монографии отмечает: «Он (Андроников) вопреки конкретным содержаниям хорошо известных в лермонтоведении архивных документов в пять раз увеличил фактическое время пребывания Лермонтова в Грузии и таким необычным способом попытался расширить круг лиц грузинской творческой интеллигенции, с которыми поэт якобы встречался в течение этих выдуманных двух или полутора месяцев».

Из всех людей, с которыми Лермонтов встречался в Азербайджане и в Грузии, сам поэт упомянул только князя Александра Одоевского, которому посвятил трогательное стихотворение. В лермонтоведении не подвергается сомнению и факт встречи поэта в Кахетии с пленной черкешенкой из Абадзехии Сатанаисой Нечволодовой.

Макетирование книги осуществлено автором. Все многочисленные и разнообразные таблицы, схемы, дорожные карты, а также необычные по форме шмуцтитуды, которыми снабжена книга, составлены автором. Ему же принадлежит оформление обложки книги. Оригинальное внешнее оформление заключительной 11-й главы – с продуманным параллельным расположением *хронологии пребывания Лермонтова на Кавказе* с одной стороны и *хронологии главных событий вокруг Лермонтова* с другой – можно причислить к удачным явлениям в истории книгопечатания.

Работа Хаути Шогенова явится хорошим подарком для преподавателей русской литературы и всех поклонников таланта выдающегося русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова и, несомненно, станет заметным вкладом в развитие современного лермонтоведения.

*Владимир БЕКОЕВ, д.ф.н., (Дагестан);
Тахир ТОЛГУРОВ, д.ф.н., (КБР);
Юрий ТХАГАЗИТОВ, д.ф.н., (КБР);
Хасан ТУРКАЕВ, д.ф.н., (Чечня);
Римма ФИДАРОВА, д.ф.н., (Осетия)*

Информационные структуры поэзии Северного Кавказа послеоктябрьского периода (20-е – середина 30-х гг.)

Ускоренное развитие национальных новописьменных литератур отмечено высоким уровнем диффузии формант донорной культуры в этническую художественную словесность.¹ При этом, в условиях массированного внедрения в эстетическое сознание множества новых понятий и объектов (20-е – 30-е годы XX века), превалирует заимствование элементов, непосредственно связанных с идеологией нового общества, идеологией борьбы, моралью и этикой социалистического уклада жизни. Непривычный образно-концептуальный контент аргументировался соответствующим формальным обрамлением – речь, прежде всего, идёт о заимствованиях ритмических моделей и синтаксиса поэтического выражения, что в полной мере относилось не только к новописьменным литературам.²

Однако с точки зрения организации информации тексты этого этапа характеризуются не только вторичностью, но и тем, что они когнитивно деструктурированы, в языковой ткани отсутствуют внутренние связи, т.е. мы наблюдаем возврат к низкоинформативному построению текста, функция которого – декларация сугубо утилитарных норм этического и поведенческого плана, формируемых новым социально-культурным контекстом.³

Речь идёт о своеобразном возврате к моделям словесного отражения утилитарного характера, обусловленного рекреативными потребностями общества, к моделям «предэстетического» восприятия бытия, свойственного некоторым жанровым формам фольклора и берущим начало в наиболее архаичных обрядах.⁴ С другой стороны, образцы поэзии 20-х – начала 30-х годов, абсолютно закономерно тяготея к неаналитическому восприятию окружающего, базировались на структурных единицах простейших типов, можно утверждать, что сложные схемы образного представления были фактически неупотребляемы в первые годы Советской Власти. Поэты повсеместно использовали сугубо логические кодировки описываемых объектов – как представители старших поколений, так и те, чье формирование пришлось на первые годы существования нового строя.

Объяснялось это тем, что внимание горских поэтов акцентировалось на идеологической эмблематике, большая часть которой искусственно и целенаправленно внедрялась в культурное пространство региона. Эти элементы закономерно не имели развитого ассоциативного ореола и находились под постоянным давлением резко меняющейся информационной среды, что в принципе исключало возможность развития систем их внетекстуальных апелляций.

Эволюция поэтической образности в подобной ситуации носит сугубо расширительный характер – вовлечение в сферу эстетического новых денотатов, семантика которых определялась актуальными потребностями общества, в нашем случае – преимущественно политического и идеологического наполнения. В прямой или завуалированной форме это признавалось даже наиболее последовательными апологетами соцреализма.⁵ Особенности работы человеческого сознания вообще обусловливали суженность смыслов подобных образов на всех уровнях, не только на понятийно-рациональном и ассоциативном, но и на эмоциональном и сенсорном: «...изменения внешнего мира приводят к самоорганизации многонейронных систем, структура и организация систем психического контроля адекватны принципиальной структуре отражаемых объектов».⁶

Совокупность обедненных образных единиц скреплялась лишь в границах идеологической концептуалистики, и даже разработанные в фольклоре и инокультурной (русской) среде ряды общекавказской символики («клинок», «вершины», «бурка», «скакун», «кинжал» и др.) в текстах выступали в качестве мемов нового политического строя.

Многообразие художественных стилей и литературных течений 20-х годов, чётко ощущаемое современниками,⁷ в информационно-эстетическом континууме Северного Кавказа представляется всего лишь экстенсивным развитием фонда информационно-несущих структур, сопровождавшимся прямыми подражаниями и тотальной аффектизацией.

В этом смысле особое развитие получили побудительные лозунги, которые мы также относим к разновидности рапсодических тканевых образов, так как, будучи традиционными обозначениями определенных объектов (эмоции, оппозиционные состояния, и т.д.), они предполагали чисто логическую расшифровку. Но, как правило, в структурах такого рода чрезвычайную роль опять-таки играли и эффектные всплески чувства, т.е. рапсодические структуры вновь сплетались с аффектно-эмоциональными.

Следует отметить, что для поэтических систем с развитой традицией на протяжении долгих периодов (а именно – в годы становления собственно литературного языка) была неизбежной ориентация на представление в качестве виртуально-поэтического действительно иллюзорных объектов. Происходило это как в силу требований ранее сфор-

мированных канонов художественного выражения,⁸ так и в результате компенсаторного движения коллективного художественного сознания, стремившегося к повышению коммуникационного ресурса текстов. Формирование единого национального устойчивого стиля предполагало некую нивелировку семантики поэтического текста, обладающую неизбежным «разбросом» в актах восприятия и интерпретации,⁹ что, естественно, особенно характерно при чтении произведений с выраженными сенсорикой и эмотивностью.

Практически та же самая функциональная нагрузка свойственна подобным структурам в ареалах становления новых советских литератур в момент их отхода от сугубо революционной патетики, однако следует отметить, что смена идеологического фона лишь подстегнула процесс их активизации, в некоторых литературах Северного Кавказа начатый еще до Октябрьской революции.

В реальной жизни образы этого типа не имели физического наполнения – «жизнь», «смерть», «судьба», «душа», «страдание», «уныние», «радость», «горе», «любовь», «красота» и т.д. – однако они активно использовались в качестве средств передачи эмоциональных, экстагических состояний и, вообще – играли роль маркеров литературной условности.¹⁰

В текстах, насыщенных подобными единицами, особое значение имеет умение автора остаться в рамках, если можно так выразиться, «чистого» эстетического пространства, в пределы которого уже редко вторгаются новые реалии и освоение их – мучительный и болезненный процесс, приводящий чаще всего к нарушению целостности и гармоничности поэтической рефлексии:

*Вот лицо мое ветер обжег,
Весть о жизни на крыльях несет
И кричит:
Соразмерь свой прыжок,
В бездну жизни стреми свой полет! –
Нет... нет... места не вижу я, где б
Не познал я гонений судеб!
Грудь на части проклятия рвут!
Мое сердце – корыто,
Где хлеб*

*На поминки из текста некут!*¹¹ – «проклятия, рвущие грудь на части» – уже довольно сомнительны в окружении «бездны жизни», «гонений судеб» и т.д. Что же касается «сердца – корыта», то восприятие его однозначно – оно явно выбивается из выстроенного автором ассоциативного ряда.

Сознательное или подсознательное стремление избежать подобных провалов приводит к тому, что реально существующие объекты даются в текстах в своей опозитивированной форме, предпочтительный выбор

осуществляется в области высокой, архаичной, любой другой, удаленной от обыденной речи лексики:

*День за днем уходит время,
Все короче жизни нить...
Так случается со всеми,
Только стоит ли грустить?...¹²*

*Свет мой, любовь моя, песня весенняя, –
Вечного счастья источник живой,
Нету конца тебе, нет завершения.
Мы навсегда неразлучны с тобой!¹³*

*...Пой, поэт, пой песню свою!
Как детские глаза, радостно утро.
На ясном небе нет ни облачка.
Нет ничего, что может опечалить сердце...¹⁴*

В приведенных отрывках, как мы видим, мысль и чувство кристаллизуются через особый поэтический строй, являющийся результатом развития ассоциативного ореола описываемых объектов. В рапсодическом образе отношение к «плоти» объекта в ткани стиха было чисто «техническим». Здесь средство выделения эмоции (иносказание) преобразовано в саму ткань произведения. В каждом из данных образцов лишь одно-два слова прямо сопряжены с эмоциональной подоплекой (но и «тоска», и «грусть», и «радость», и «печаль» выражают лишь малую толику всего сопереживательного фона), все остальные построения – это трансформировавшиеся поэтические формы, ранее не появлявшиеся без своих первичных (подразумеваемых реальными) прототипов.

Информационная структура тканевых образов приведенных отрывков является результатом отсутствия прямой адресации от вторичного объекта к первичному, что обеспечивает вариабельное их восприятие, формирование посредника между ними. Ассоциативный член конструкции в данном случае выступает в качестве результата синтетического восприятия первичного (существующего в сознании читателя, отмеченного набором определенных параметров) и вторичного (контекстуального, представленного автором и, естественно, отличающегося от первичного в своих характеристиках) объектов:

A1 A3 A2 рациональный уровень
A1 A3 A2 эмоциональный уровень
A1 A3 A2 сенсорный уровень

В поэтических системах с развитой традицией (от рапсодического периода и выше) формирование подобных структур можно связать с эпохой

Возрождения. Начавшееся в пострапсодический период формирование фонда ассоциативных связей именно на этой ступени с приобретением тканевым образом окончательного (минимально необходимого для автономно-эргономического развития структур) вида резко ускоряется. Экстенсивное развитие поэтического познания мира определялось, конечно же, расширением практической деятельности человечества, но после создания трехкомпонентных классических структур стала возможной интенсивная эволюция эстетического сознания. Был достигнут чисто «литературный порог» структуры, набравшей ту степень сложности и гибкости, которая могла удовлетворить общим требованиям реальных объектов, представляемых в поэтических образцах.

Тот факт, что поэзия Возрождения не утерjala силы эстетического воздействия и на современного читателя, говорит сам за себя, и, разбирая произведения современных авторов, можно отметить, что в основном своем большинстве тканевые единицы поэзии XX в. представляют собой трехкомпонентные системы, реализованные в новом понятийном и вещном мире.

Хлынувшие в советское время в культурное пространство региона структуры усваивались избирательно, и потребовалось, по крайней мере, целое десятилетие, пока трехкомпонентный образ не стал массово применяться в текстах горских авторов. В начале 30-х годов он проникает в поэзию Северного Кавказа уже в качестве обычной стилиопределяющей единицы и основного инструмента интеграции русской (мировой) и национальной поэтических традиций.¹⁵

И в этот же период мы можем наблюдать некоторое расхождение, наметившееся в эволюционных направлениях поэтических систем региона. Дагестанская поэзия, имевшая, по всей видимости, более развитый фонд трехкомпонентных структур пришла к их тотальному употреблению с небольшим опережением. То же самое можно сказать о поэзии Осетии, и здесь, несомненно, свою роль сыграли те основы поэтики, которые были заложены в свое время Коста Хетагуровым.

Большинство текстов Дагестана и Осетии этого периода базируются на трехкомпонентных образах, и иногда мы можем видеть, как вполне материальное окружение в среде трехкомпонентных классических структур переходит в новое качество, становясь, как того и требует общая организация информационного пространства, обобщенными символами:

О, базалай! Отцовское наследье!

У пояса подвешенный кинжал!..

Ты сыпал яд в святую чашу дружбы,

Потоки крови предвещал твой звон...¹⁶ – речь идет не только о де-

материализации и символическом осмыслении «у пояса подвешенного кинжала» при помощи «потоков крови» и «святой чаши дружбы». Само «базалай» – вполне определенное оружие, выкованное известными мас-

терами (судя по всему – отцом и сыном), имеющее свои отличительные признаки как внешние, так и качественные, т.е. «базалай» – в любом случае определенная и конкретная вещь. У Саиди же *базалай* – кинжал вообще.

Весьма интересным представляется то обстоятельство, что по ходу своего развития и дагестанская и осетинская поэзия все больше и больше отдалялись от материализованных представлений, свойственных и фольклору и авторским текстам более ранних периодов – даже поверхностный обзор творчества таких поэтов, как А. Гулуев, Нигер, Б. Боциев, Х. Плиев и многих других, является подтверждением сказанному. Еще более яркий пример – сравнение основ образных представлений Г. Цада-сы и последующих поколений аварских поэтов, включая и Р. Гамзатова.

Видимо, речь может идти о том, что поэтика внешней ассоциативности предполагает, прежде всего, гармоничность всех компонентов системы – от формальных до структурно-информационных, собственно говоря – о толерантности трехкомпонентных единиц. Причина «агрессивности» трехкомпонентных структур, быть может, кроется не только в особенностях соответствующей эстетической среды, но и в самом механизме эстетической рефлексии. Информационная емкость этих единиц обеспечивается внешним ассоциативным обрамлением, и любая попытка сузить вероятную область ассоциативной идентификации (уточнить направленность ассоциативного поиска) будет означать уменьшение гносеологического потенциала образа.

Логично будет предполагать, что авторы с устоявшимся поэтическим мышлением, тяготеющим к трехкомпонентным классическим структурам, будут постепенно изживать единицы других типов. Гармония с эстетической средой, с общественным эстетическим сознанием, ориентация на рациональную, или интеллектуальную, рефлексивность в этом случае – не что иное, как коммуникативное качество образа.

Принимая, что трехкомпонентные структуры берут свое начало в информационном пространстве Возрождения, мы должны отметить, что рационализм был присущ этой эпохе, так как, видимо, начиная именно с этого периода, в поэзии действовал закон своеобразного расхождения между изобразительностью языка и его коммуникативностью. У Лотмана находим: «...Для того чтобы общая структура... сохраняла информативность, она должна постоянно выходить из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Однако одновременно работает и противоположная тенденция: только элементы, поставленные в определенные предсказуемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем. Таким образом, в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать саму структуру носителем информации».¹⁷

Иначе говоря, поэтический образ, существующий в нерегламентированном информационном пространстве, некоммуникативен вне трехкомпонентности структуры, так как именно его третий медиаторный агент обеспечивает идентификацию вторичного объекта.

Довоенная поэзия народов Северного Кавказа, лишенная устойчивой традиции употребления трехкомпонентных структур (исконной либо привнесенной), в целом представляет нам образцы, в которых наблюдается полное смешение всех видов информационных конструкций.

Практика совмещения различных структур открывала возможности альтернативного направления эволюции информационно-эстетического пространства Северного Кавказа, и эстетическая среда региона должна была генерировать системы, в которых гносеология образов базировалась бы на иных принципах, нежели внешняя ассоциативность. 20–30-е годы – время широкого распространения именно таких структур в поэзии всех горских народов, включая практику авторов Дагестана и Осетии, вполне эффективных и функциональных в границах трёхкомпонентных представлений – именно в силу их лучшей освоенности. Практически все тексты чеченских, ингушских, карачаевских, адыгских и балкарских авторов в качестве постоянного элемента включают структуры с повышенным сенсорным наполнением («фактурные» или «пластические» представления) – в тех случаях, когда индивидуальное мышление поэта «доросло» до классических структур.

Таким образом, период 20–30-х годов в истории развития поэтических национальных систем Северного Кавказа можно охарактеризовать как этап наибольшего смешения типов тканевых единиц. Произведения этих лет отмечены равноправным сосуществованием в рамках единого текста различных структур, и эстетическая индифферентность информационного пространства поэзии на этом этапе может быть подтверждена тем, что в стихах наблюдается не только структурное смешение, но и отсутствует смысловая композиционная акцентация на каких-либо конкретных видах образных единиц.

Мы можем говорить о полном функциональном равноправии различных структурных образований, то есть – о неупорядоченности всего информационно-эстетического пространства поэзии Северного Кавказа в целом. Подобное состояние информационного пространства в регионах с развитой культурной традицией неизбежно приводит к образованию многочисленных альтернативных этико-эстетических систем, к созданию корпоративных канонических сводов и фрагментации общего потока эволюционирования поэзии. Однако понятно, что довоенные годы развития поэзии Северного Кавказа и поэзии Советского Союза в целом подобного результата дать не могли, в силу жесткого регулирующего давления со стороны государства.

Примечания

1. *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы. М.: Наука. 1963. С. 124.
2. *Марков Д. Ф.* Проблемы теории социалистического реализма. М.: Художественная литература. 1978. С. 219.
3. *Толгуров З. Х.* В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус. 1991. С. 112.
4. *Фрейденоберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Восточная литература. 1998. С. 188.
5. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Советский писатель. 1970. С. 189.
6. *Кругликов Р. И.* Принцип детерминизма и деятельность мозга. М.: Наука. 1988. С. 87.
7. См. *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Советский писатель. 1989. С. 20–60.
8. См. *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л. АCADEMIA, 1935. С. 29–44.
9. *Белянин В. П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М. Изд-во МГУ. 1988. С. 96.
10. *Мейлах Б. С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1962. С. 90.
11. *Нигер.* На утесе. В кн. Антология осетинской поэзии. М.: Художественная литература. 1960. С. 169.
12. *Нигер.* День за днем уходит время. В кн. Антология осетинской поэзии. М.: Художественная литература. 1960. С. 176.
13. *Музаев Н.* Свет мой... В кн. Поэзия Чечено-Ингушетии. М.: Художественная литература. 1959. С. 171.
14. *Отаров К.* Партизан кьабырла (Партизанские могилы). В кн. Антология балкарской поэзии. Нальчик. Кабардино-Балкарское книжное изд-во. 1959. С. 217.
15. *Тхагазитов Ю. М.* Жизнь и судьба Али Шогенцукова. Нальчик. Изд-во. КБНЦ РАН. 2005. С. 70, 71.
16. *Магомед Сауди.* Базалай. В кн. Дагестан. М.: Художественная литература. 1934, С. 48, 49.
17. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство. 1970. С. 95.

В номере:

К 85-летию Зубера Тхагазитова	2
<i>Зубер Тхагазитов. Стихи</i>	5
<i>Мадина Канукоева. Особенности колористики З. Тхагазитова... Статья</i>	18
<i>Мадина Канукоева, Юрий Тхагазитов. Поэзия Зубера Тхагазитова</i> в контексте кабардинского историко-культурного процесса. <i>Статья</i>	25
<i>Хасан Шаваев. Асият. Гл. из повести</i>	36
<i>Афлик Оразаев. Стихи</i>	64
<i>Римма Шогенова. Когда ветер все время в лицо. Повесть</i>	72
<i>Игорь Терехов. Когда-то это был город-сад. Стихи</i>	100
<i>Борис Балкаров. Как мы снимали кино. Рассказ</i>	105
<i>Петр Хатуев. Стихи</i>	114
<i>Амур Бакиев. Железная ставка Сатаней. Гл. из романа</i>	120
<i>Ибрагим Гукемух. Жизнь и смерть Ивана Петровича. Рассказ</i>	137
<i>Михаил Лурье. Пусть никогда не будет войн. Рассказ. Стихи</i>	142
<i>Ирина Белоцерковская. Пес и вороны. Урок для белки. Рассказы</i>	147
<i>Аскер Додуев. Кязим. Статья.</i>	151
<i>Тамара Биттирова. Ранняя лирика Кязима Мечиева. Статья</i>	156
<i>Джамбулат Кошубаев. Восхождение к Кязиму. Эссе</i>	169
<i>Хангери Баков. Тайны странствования Лермонтова... Статья</i>	180
<i>Владимир Бекоев, Тахир Толгуров, Юрий Тхагазитов, Хасан Туркаев,</i> <i>Римма Фидарова. Информационные структуры... Статья</i>	183

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии К. Толгурова и Э. Караевой

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 02.09.19. Подписано к печати 04.10.19.

Выход в свет 25.10.19. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1215 экз. Заказ № 205. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

20 сентября – День адыгов

03.10.2019 г. Инаугурация Главы Кабардино-Балкарской Республики

Фото Евгения Каюдина